

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ**Ю.Ю. Комлев.**

Теория стигматизации: генезис, объяснительный потенциал, значение 6

Т.В. Шипунова., Д.В. Фомина.

Гендерные особенности девиантного поведения и конструирование его рисков в студенческом дискурсе 15

К.Ю. Белоусов., И.О. Кудряков.

Потребление алкоголя несовершеннолетними петербуржцами, находящимися в социально опасном положении 23

ГОСУДАРСТВЕННОЕ, ГРАЖДАНСКОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО**В.А. Туровская., К.А. Корчагина.**

Эффективное государственное обеспечение права потребителя на надлежащую рекламу товаров как способ предупреждения причинения вреда здоровью населения (на примере биологически активных добавок)..... 28

С.И. Грачев., С.Н. Мольков.

Современный международный терроризм: реальность и проблемы противодействия..... 32

П.В. Самолысов., Т.Э. Щерба.

Эволюция антимонопольного законодательства: 2006–2016 годы 36

УГОЛОВНОЕ ПРАВО и КРИМИНОЛОГИЯ**С.Ю. Бытко.**

Безработица – локомотив преступности в России 41

М.В. Гусарова.

Незаконность изготовления и оборота порнографических материалов или предметов: законодательная регламентация 46

П.И. Иванов., П.Г. Кузнецов.

Некоторые проблемы борьбы с преступлениями в сфере незаконного оборота леса и лесоматериалов 50

А.Г. Рублев.

Неосторожная форма вины и ее альтернатива в нарушении правил дорожного движения 57

К.Н. Евдокимов.

Актуальные вопросы совершенствования уголовно-правовых средств борьбы с компьютерными преступлениями 62

Т.Ф. Шайхутдинова., Н.В. Малахова.

Правовые аспекты назначения судом административного ареста и его исполнения органами внутренних дел..... 67

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ОРД и КРИМИНАЛИСТИКА**С.В. Дубровин.**

Система методов, используемых и разрабатываемых в криминалистике 72

И.В. Жуковская., С.А. Балеев.

Уголовно-правовое регулирование ответственности за организованные формы совершения преступлений в сфере экономической деятельности 75

Р.Ш. Богаткина.

Уголовно-процессуальные особенности производства отдельных следственных действий с участием иностранных граждан и лиц без гражданства 79

С.А. Буткевич .

Правовой режим чрезвычайного положения (сравнительный анализ законодательства России и Украины)..... 83

Р.В. Кулешов.

Криминалистически значимые особенности субъектов преступлений в сфере экстремистской и террористической деятельности: гендерный аспект 89

Л.К. Фазлиева.

Использование результатов криминалистической экспертизы веществ, материалов и изделий в расследовании преступлений..... 93

Р.Ф. Набиев.

Некоторые особенности силового противодействия вооруженным экстремистским подразделениям в городских условиях 99

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Ф.Р. Хисамутдинов., Д.Р. Марданов.

Теоретико-прикладной аспект формирования профессионально-специализированной компетенции курсантов юридических вузов системы МВД России..... 101

Н.В. Быхтина.

Актуальность проблемы межкультурной коммуникативной компетенции в современной педагогике высшей школы и в методике обучения иностранным языкам 103

Г.Р. Хуснетдинов., Е.Н. Карпов.

Актуальные вопросы совершенствования огневой подготовки 108

А.А. Илidgeв.

Понятийно-терминологический анализ общекультурных компетенций во фгос по направлению «юриспруденция» 114

Трибуна Молодым

О.В. Сидоренко.

Назначение и производство судебных экспертиз на стадии возбуждения уголовного дела 118

М.А. Стадник.

Нормы о деятельном раскаянии в истории российского уголовного законодательства и законодательстве зарубежных стран 123

Д.В. Кузнецов.

Виды международно-правовых актов, применяемых при расследовании уголовных дел..... 127

С.А. Нефедов.

Формы и методы организации правового и духовно-нравственного воспитания курсантов и слушателей в системе профессиональной подготовки на примере казанского юридического института МВД России 132

Abstracts and key words 135

CONTENTS

SOCIOLOGY OF DEVIANT ACTIVITIES**Komlev Yu.Yu.**

Theory of stigmatization: genesis, explanatory potential, value..... 6

Shipunova T.V., Fomina D.V.

Gender-specific of deviant behavior and constructing risks in the student discourse 15

Belousov K.Y., Kudryakov I.O.Alcohol consumption by **St.Petersburg** minors at social risk 23STATE, CIVIL, ADMINISTRATIVE LAW**Turovskaya V.A., Korchagin K.A.**

Effective public provision of consumer rights for proper advertisement of products as a way of preventing harm to population health (for example dietary supplements) 28

Grachev S.I., Molkov S.N.

Modern international terrorism: the reality and the problems of counteraction to it..... 32

Samolysov P.V., Shcherba T.E.

Evolution of antitrust laws: 2006–2016 36

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY**Bytko S.Y.**

Unemployment is a locomotive of crime in Russia 41

Gusarova M.V.

Illicit manufacturing and trafficking of pornographic materials or objects: legal regulation 46

Ivanov P.I., Kuznetsov P.G.

Some problems of struggle against crimes in sphere of illegal circulation of forest and timber..... 50

Rublev A.G.

A Careless form of guilt and its alternative in violation of traffic rules 57

Evdokimov K.N.

Actual issues of improving criminal legal means of combating cybercrimes 62

Shaykhutdinova T.F., Malakhova N.V.

Legal aspects of administrative arrest sentencing by the judge and its execution by the agencies of internal affairs 67

A CRIMINAL TRIAL, INVESTIGATIVE ACTIVITIES AND CRIMINALISTICS**Dubrovin S.V.**

System of methods developed and used in criminalistics..... 72

Zhukovskaya I.V., Baleev S.A.

Criminal-legal regulation of responsibility for organized forms of crimes in the sphere of economic activity..... 75

Bogatkina R.Sh.

Criminal procedure features the production of certain investigative actions with the participation of foreign nationals and stateless people..... 79

Butkevich S.A.

Правовой режим чрезвычайного положения (сравнительный анализ законодательства России и Украины)..... 83

Kuleshov R.V.

Forensically significant features of subjects of crimes of extremist and terrorist activities: a gender perspective 89

Fazlieva L.K.Using the results of forensic substances, materials and products (KEVMI) in crime investigation . **93****Nabiev R.F.**Features suppression of groups armed extremists in urban settings **99***HUMANITIES***Hisamutdinov F.R., Mardanov D.R.**Theoretical and applied aspects of the formation specialized professional competence of university students of legal MIA Russia **101****Byhtina N.V.**The urgency of the problem of intercultural communicative competence in modern pedagogy of higher school and in the methods of foreign language teaching..... **103****Husnetdinov G.R., Karpov E.N.**Problem analysis of current practices of the use of firearms by police officers and some topical issues of improving the firearms training..... **108****Ilidza A.A.**Conceptual and terminological analysis of common cultural competence in the federal state educational standart of higher education in the direction of «jurisprudence **114***TRIBUNE for the YOUNG***Sidorenko O.V.**The assignment and production of the forensic examination at the stage of criminal proceeding initiation **118****Stadnik M.A.**Norms on active repentance in the history of the Russian criminal legislation and the legislation of foreign countries **123****Kuznetsov D.V.**Types of international instruments used in criminal investigations..... **127****Nefedov S.A.**The forms and methods of legal and moral education of students and trainees in the vocational training system as an example of the Kazan Law Institute of the Russian Interior Ministry **132**Abstracts and key words **135**

УДК 316.4

Ю.Ю. Комлев.**ТЕОРИЯ СТИГМАТИЗАЦИИ: ГЕНЕЗИС, ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ, ЗНАЧЕНИЕ**

В статье на основе ретроспективного анализа показана история создания и развития теории стигматизации в работах зарубежных социологов и криминологов. Раскрыты объяснительный потенциал теории стигмы, возможности ее применения в российских условиях с целью профилактики подростково-молодежной девиантности, а также значение в девиантологическом дискурсе.

Ключевые слова: символический интеракционизм, стигма, стигматизация, девиантность, девиантная идентичность, девиантная карьера, «драматизация зла», первичное и вторичное отклонение, селективное правоприменение, реинтегративный стыд, восстановительное правосудие.

Интеракционистская перспектива анализа девиантности и преступности сформировалась благодаря идеям выдающихся американских социологов XX века Джорджа Мида, Герберта Блумера, Чарльза Кули. Суть символического интеракционизма, как известно, состоит в том, что взаимодействия между людьми складываются на основе интерпретации намерений и действий окружающих, символического определения ситуаций и «вещей».

В трудах Фрэнка Танненбаума, Эдвина Лемерта, Говарда Беккера, Эдвина Шура, Фрица Зака, Джона Брэйтуэйта, исходя из положений символического интеракционизма, были сформулированы и развиты основные положения теории стигматизации, иначе говоря – «лейблов», «наклеивания ярлыков» или «клеймения». Ретроспективный анализ этих работ позволяет проследить траекторию девиантологической мысли, раскрыть объяснительный потенциал, генезис и значение теории стигмы.

Девиантность рассматривается социологами-интеракционистами как результат процесса социальной реакции на идентификацию личности. Они обратили внимание исследователей и практиков не на причины, а на значения отклонений. Как известно, в рамках социоструктурного подхода и функционализма принято считать, что вмешательство закона, правоохранительных органов, всей системы формального социального контроля подавляет преступность, наркотизм, алкоголизм и иные формы социально опасной девиантности. С одной стороны, это, безусловно, так, но с другой, – при определенных условиях чрезмерный социальный контроль посредством стигматизации,

если не прямо, то косвенно, становится фактором развития девиантной идентичности и карьеры.

Стигма, или клеймо – это характеристика индивида или группы, которая считается большинством людей пороком. Современное общество, особенно, в странах на постсоветском пространстве, отличается ригоризмом. Американцы или жители «туманного Альбиона» отрицательно, но вполне терпимо отнесутся к подвыпившему соседскому парню и скажут между собой: «У Джони проблемы с алкоголем». Россияне же в подобной ситуации выскажутся как «отрежут бритвой» – без церемоний, несмотря на массовый характер проявлений пьянства: «Иван – алкаш». Наклеивание позорящих ярлыков может играть в российском социокультурном контексте весьма пагубную роль при принятии девиантной идентичности и ее ролевом закреплении, особенно подростками и молодыми людьми.

Основу теории стигмы составляют два принципиально важных положения:

Во-первых, *отклоняющееся поведение* следует интерпретировать не как нарушение социальной нормы, признак предрасположенности индивида или качество социального действия, а как *результат его символического определения, наклеивания девиантного ярлыка в ходе социальной реакции*. Отсюда в теории стигматизации особое значение придается коммуникации, силе слова и реакции общества на поведение «оступившихся» людей.

Во-вторых, *«клеймение» порождает и усиливает девиантность*. В этом смысле отклоняющееся поведение – это ответ индивида на стигматизацию,

Комлев Юрий Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России

e-mail: levkom@list.ru

© Комлев Ю.Ю., 2016

Статья получена: 22.03.2016

что ведет ко вторичному отклонению, в ходе чего формируются девиантная идентичность и карьера.

Как видим, теория лейблов концентрируется на объяснении вторичной девиантности или рецидивизма, на формировании девиантной карьеры под воздействием социального контроля и не затрагивает этиологию первичного отклонения. Она придает значение процессу наложения на индивида позорящих ярлыков с такими определениями, как «преступник», «наркоман», «алкоголик», «проститутка», «сумасшедший», в результате формальных и/или неформальных санкций. Теория стигмы относится к процессуальным теориям девиантности.

Интеракционистский подход, начиная с 50–60-х годов XX столетия, широко применяется криминологами в США, Канаде, Западной Европе, Австралии. В отечественных исследованиях, выполненных в рамках криминологии и науки уголовного права, объяснительные возможности теории стигматизации используются крайне редко. Значительно чаще этим теоретическим опытом пользуются социологи.

С определенной условностью можно выделить следующие основные исторические этапы и концептуальные новеллы в развитии теории стигматизации: модель «драматизации зла» Ф. Танненбаума (1938), социально-психологическая модель Э. Лемерта (1951); нормативная модель Г. Беккера (1963); социоструктурная модель Ф. Зака (1969), теория «реинтегративного стыда» Дж. Брейтуэйта (1989), а также современные, созданные на рубеже XXI века, подходы к описанию эффектов и последствий клеймения. Рассмотрим эти теоретические конструкции более подробно.

Теория «драматизации зла» Ф. Танненбаума. Фрэнк Танненбаум (1893–1969) был одним из первых, кто попытался применить идеи символического интеракционизма к объяснению девиантности и преступности в работе «Преступление и сообщество» (1938).

Ф. Танненбаум родился в Австрии в 1893. В 1905 году семья иммигрировала в Соединенные Штаты. Во время экономического кризиса 1913–1915 годов молодой Танненбаум был активен в рабочем движении и имел проблемы с полицией. Провел год в заключении на острове Блэкуэлл. С годами он преодолел юношеский радикализм и с помощью благотворителей поступил в Колумбийский университет, где получил степень Ph.D., затем служил в армии. Проводил исследования в Мексике. С 1931 года изучал проблемы пенитенциарных учреждений, probation и условно-досрочного освобождения. В 1932 году вернулся в Соединенные Штаты и преподавал криминологию в Корнельском, затем в Колумбийском университете до 1965 года. Ф. Танненбаум заложил основы теории стигматизации.

Танненбаум считал, что преступление является, по существу, результатом столкновения двух противоположных определений ситуации со стороны правонарушителя и общества в целом. Такой конфликт определений, по мысли исследователя, возникает из-за расхождения в ценностях. За ним следует постепенный переход от определения конкретных действий как зла к определению человека как источника зла [1, р. 322]. Отрицательный лейбл как результат «драматизации зла» часто способствует дальнейшему участию молодого человека в порочной деятельности. К этому выводу Таннебаум пришел, по всей видимости, под впечатлением опыта своей делинквентной юности и конфликтов с законом.

Отрицательные оценки со стороны значимых «других» (родителей, товарищей, учителей, сотрудников правоохранительных органов) обычно являются сдерживающим фактором для подростка, совершившего отклоняющийся поступок. Однако Танненбаум, изучая вовлечение несовершеннолетних в преступные группы, пронизательно заметил, что *чрезмерное определение окружающими ситуации проступка, совершенного подростком, как злостного нарушения может инициировать его девиантную социализацию, идентичность и карьеру.* При этом сами подростки, совершая те или иные деликты, придают им совершенно иное значение. Так, например, если подросток дерзко срывает цветы в палисаднике у соседки и дарит их симпатичной девчонке, то это событие может рассматриваться молодыми людьми как весьма романтический поступок. Для потерпевшей же этот акт является злонамеренной кражей.

Окружающие (потерпевшая, полицейский, соседское сообщество), осуществляя «драматизацию зла», могут с высокой степенью вероятности стигматизировать подростка и подтолкнуть его к девиантному самоопределению. «Определение действий как «зла», – считал Танненбаум – постепенно переходит в определение индивида, совершающего подобные действия... С точки зрения общества, человек, который привык делать плохо, ... определяется обществом как «плохой» и сам не верит, что он может быть хорошим... Процесс создания преступника, следовательно, это процесс клеймения, определения, сегрегации, описания, усиления, осознания и самосознания...» [2, р. 17–19]. Следовательно, молодой человек становится таким, каким его определяют значимые окружающие. При этом в формировании его делинквентной идентичности особую роль играет *первичная «драматизация зла».*

Таким образом, по мнению Таннебаума, «многие общественно опасные деяния совершаются

подростками как шалость, а воспринимаются окружающими как проявление злой воли и оцениваются как преступления» [3, р. 351]. Для того, чтобы разорвать порочный круг стигматизации, следует не допустить излишнюю «драматизацию зла». Словом, чем меньше будет сказано о событии как преступлении, тем лучше.

Стигматизация по Э. Лемерту: первичное и вторичное отклонение. Эдвин М. Лемерт (1912–1996) в работе «Социальная патология», вышедшей в 1951 году, развивая идеи Танненбаума, создает социально-психологическую модель стигматизации, вводя понятия «первичного» и «вторичного отклонения».

Эдвин М. Лемерт родился в 1912 году в Цинциннати, штат Огайо. Степень бакалавра в области социологии получил в университете Майами (1934), Ph.D. – в университете Огайо (1939). Преподавал в университетах Кента и Западного Мичигана. В 1943 году перешел в Калифорнийский университет. Лемерт, как типичный представитель академической среды, получил широкое признание за свои новаторские работы по теории стигмы и социопатического поведения. Он по праву считается основателем labelling theory, или «теории социетальной реакции». С 1972 года Лемерт – президент Общества исследования социальных проблем, а затем и Тихоокеанского социологического общества.

Э. Лемерт полагает, что наклеивание ярлыков не только порождает, но и усиливает отклоняющееся поведение. При этом само девиантное поведение рассматривается как социопатическое, «знак» которого зависит от той оценки, которая присуща социальной реакции. Перспектива навешивания *социопатического ярлыка* возможна не только относительно противоправного поведения, но и относительно умственных заболеваний, проституции, гомосексуализма и даже заикания.

Если индивид впервые нарушает социальную норму случайно или по каким-то иным причинам, то его проступок имеет значение *первичного отклонения*. «Когда индивид, – утверждает Лемерт, – начинает использовать свое девиантное поведение или свою роль, основанную на девиантном поведении, в качестве средства защиты, наступления или приспособления к своим явным и скрытым проблемам, порожденным последовавшей социальной реакцией, его отклонение является *вторичным*» [4, с. 157–159]. Таким образом, вторичные отклонения – результат того, что индивид однажды уже был помечен ярлыком девианта, и являются его реакцией на первичное клеймение.

Первичные отклонения, как указывал Лемерт, могут быть сделаны для разрешения ряда неотложных проблем (нехватки денег, изменения положения, неразделенности чувства) или для удовлетворения ожиданий своих субкультурных

групп. Так, участие студента в краже сотового телефона может быть вызвано нуждой, необходимостью заплатить за обучение. Оно может стать первым и последним его преступлением. Однако если студента уличат в краже и за этим последуют арест, судебное разбирательство, а затем решение с соответствующим определением, то он будет «помечен» *ярлыком судимости*, и вторичное отклонение может произойти уже как реакция на клеймение (девиантная самооценка) с целью адаптации к девиантному статусу. Разумеется, процесс стигматизации в ходе социальной реакции, а именно: порождение и усиление девиантности – предполагает более сложную и длительную интерактивную процедуру. Она в основных чертах представлена на рис. 1.

Таким образом, навешивание ярлыка при определенных обстоятельствах и для определенных людей может усилить вероятность вторичной девиантности и привести к окончательному приятию девиантного статуса. В этом процессе индивид подвергается со стороны социальной реакции (пункты 5 и 6) оскорблениям, осмеянию, унижению, привлечению к ответственности. Такой человек приобретает в итоге морально низкий статус, определенные познания и навыки, соответствующее мировоззрение, а также самосознание девианта. Внешние свидетельства этих изменений можно найти в символической принадлежности к новой роли: в одежде, речи, осанке, манерах.

Э. Лемерт и многие его сторонники считали, что правонарушители оцениваются судами более резко, если они удовлетворяют стереотипному образу представителя низшего класса, предрасположенного к нарушению закона. Скорее всего и в российской ситуации у тех, кто занимает более низкие социально статусные позиции, риск быть стигматизированным значительно выше, чем у молодежи из материально благополучной среды.

Стигматизация по нормативной модели Г. Беккера и девиантные карьеры. Американский социолог и криминолог чикагской школы Говард Сол Беккер (1928), тщательно изучая проблему девиаций в контексте социальной интеракции, концентрирует внимание, прежде всего, на процессах создания социальных норм и их практической реализации, обуславливающих клеймение и моральное осуждение.

Говард Сол Беккер родился в 1928 году в Чикаго, штат Иллинойс. Беккер начал играть на фортепьяно в раннем возрасте и уже к 15 годам работал пианистом в барах, где и получил опыт употребления наркотиков. Степень бакалавра в области социологии получил в Чикагском университете в 1946. Музыку рассматривал как свою карьеру, а социологию как хобби. Несмотря на это, получил степень доктора философии в возра-

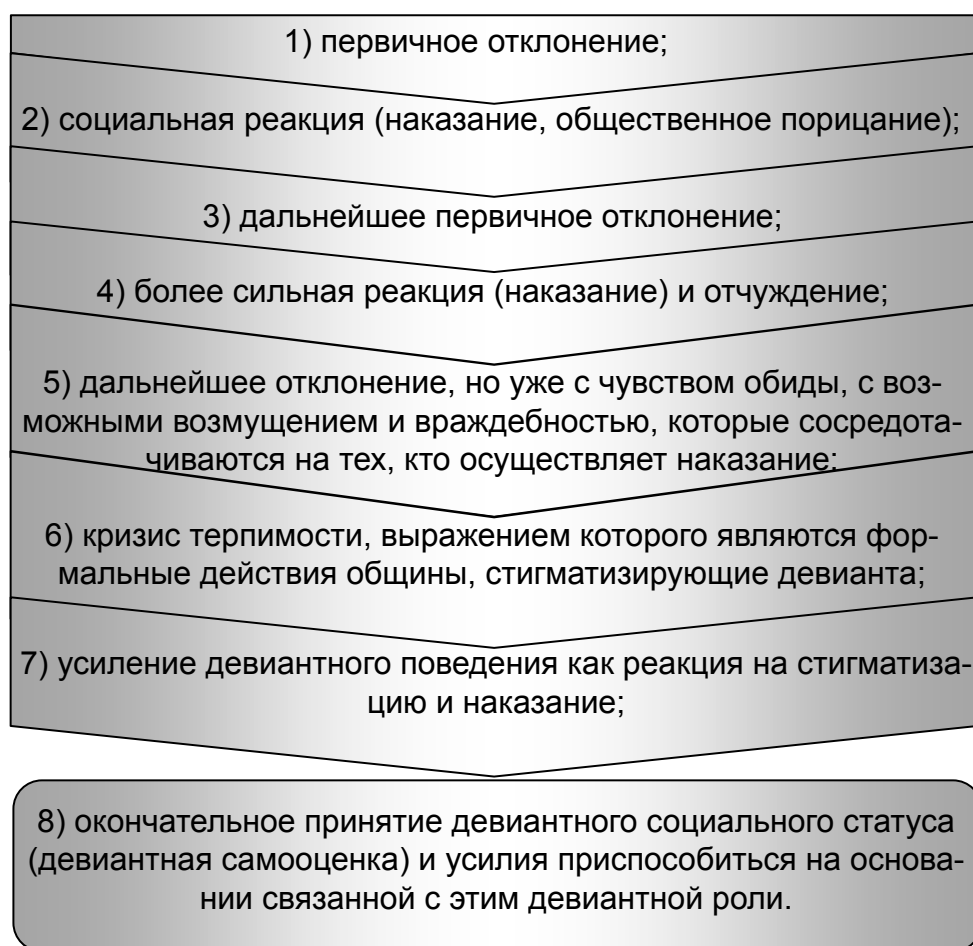

Рисунок 1. Процесс стигматизации девианта

сте 23 лет. В Чикагском университете Беккер слушал лекции социологов второй Чикагской школы, включая Э. Гоффмана, А. Штрауса, Э. Хьюза и др. Беккер широко известен работами по изучению потребителей марихуаны, а также процесса их стигматизации в качестве наркоманов и инакомыслящих. Беккер после работы в университете Чикаго и Стенфордском университете с 1965 по 1991 годы преподавал социологию в Северо-Западном университете. С 1996 года по 1999 годы был адъюнкт-профессором музыки в университете Вашингтона. Беккер – обладатель многочисленных премий и почестей в области социологии.

Г. Беккер исходит из того, что современную социальную реальность характеризует плюрализм, одна из особенностей которого состоит в том, что все социальные группы устанавливают нормы и правила, полностью реализуемые лишь при определенных обстоятельствах.

В своей самой известной книге «Аутсайдеры...», вышедшей в 1963 году, он утверждает, что «социальные группы создают отклонения, определяя правила поведения» [5]. Группы применяют эти правила к отдельным индивидам и за их нарушение «наклеивают» на них ярлыки аутсайдеров. Очевидно, что с этой точки зрения отклонение – это не свойство акта индивида, а скорее следствие применения другими индивидами или группами, имеющими больший доступ к власти,

правил и санкций к нарушителю. Девиант – это тот, кого стигматизировали таким образом, а отклоняющееся поведение – это поведение, которое влиятельные люди определили как девиантное.

Следовательно, по Беккеру, отклоняющееся поведение обусловлено способностью влиятельных групп общества (среди них: политики, законодатели, полицейские, судьи, врачи и др.) создавать нормы и навязывать другим определенные оценки поведения.

Кроме того, весьма ценным следует признать вывод Беккера о том, что состав девиантов неоднороден. Категория лиц с ярлыком девианта не включает в себя всех, кто действительно нарушил законы. Степень вариативности реакции людей на акт девиации весьма существенна. Она зависит от ситуации, времени, социального состава девиантов и тех, кому они нанесли вред. В частности, Беккер утверждает, что подростки из среднего класса, задержанные за правонарушение, имеют меньшую вероятность быть доставленными в полицию. Важно отметить, что Беккер разработал процессную модель девиантной карьеры на примере потребителей наркотиков, в которой главная роль принадлежит социальной интеракции [4, с. 159–161]. Основные этапы карьеры девианта представлены на рис.2.

На процессный характер девиантной карьеры с позиций теории стигматизации указывает и социолог Эдвин Шур. По его мнению, девиацию следует рассматривать не статично, а как «постоянно меняющийся результат динамических процессов социальной интеракции» [6, с. 337]. Ответ «нарушителя» на социальную реакцию ведет ко вторичному отклонению, с помощью которого, в конце концов, он приходит к принятию «самоимиджа» человека, постоянно запертого в этой роли. Э. Шур назвал этот интерактивный процесс «ролевым поглощением». В итоге люди, поведение которых осуждается обществом и на которых «навешивается ярлык», – это личности без ценностных ориентаций, поскольку статус правонарушителя иногда становится для них главным.

Процесс навешивания ярлыка, считают Г. Беккер и Э. Шур, заставляет акцентировать внимание не на причинах совершения первичного отклонения или нарушения правил, а на группах и институтах, которые имеют такое влияние, что позволяют стигматизировать поведение индивидов. Деятельность подобных социальных групп и институтов формального социального контроля (политики, законодателя, суды, тюрьмы, изоляторы и спецбольницы для душевнобольных) состоит в том, что они изолируют девиантов от остальных членов общества.

Таким образом, акты преступного поведения, их «природа, распределение, социальное значение, импликации и разветвления, – по утверждению Э. Шура, – в значительной степени зависят от структуры социальной реакции» [7, р. 115]. Между тем последствия навешивания ярлыка, как показали итоги более поздних исследований, зависят не только от ряда нормативных, культурных факторов, но и особенностей социальной структуры капиталистического общества.

Социоструктурная модель стигматизации Ф. Зака. Идеи американских социологов, особенно Чикагской школы, заложивших основы интеракционистского подхода в девиантологии и теории стигматизации, получили широкое распространение в Западной Европе последней четверти XX века. Так, ряд немецких криминологов в 70-е годы (Ф. Зак, Ш. Квенцель, Д. Петерс, Ф. Штальберг) активно разрабатывали и пропагандировали теорию лейблов, рекомендовали к применению ее на практике.

Наибольшая заслуга в том, что проблемы стигматизации стали предметом обсуждения в среде европейской криминологической общественности, принадлежит Фрицу Заку (р. 1931).

Немецкий социолог и криминолог Фриц Зак родился в 1931 году в Ноймарке, Померания. Изучал социологию и экономику в университете Киля и Кельнском

университете, в университетах штата Огайо и Калифорнийском в Беркли. В 1970–1974 годы был профессором социологии в университете Регенсбурга. С 1974 по 1984 год – профессор на юридическом факультете университета Ганновера. С 1984 году работал на кафедре криминологии юридического факультета Гамбургского университета. В течение многих лет руководил Гамбургским институтом криминологических социальных исследований. Ф. Зак первым перевел теорию стигмы на немецкий язык и развил криминологическую дискуссию в Европе о роли социальной реакции в процессах клеймения. Он удачно модифицировал теорию стигмы в политически заостренной форме, обратив внимание на участие институтов формального социального контроля в «процессе предписания» девиантности. Его критические работы в течение ряда десятилетий оказывают значительное влияние на немецкую и европейскую девиантологию.

Криминологу Фрицу Заку, в отличие от социологов Лемерта, Беккера и Шура, характерен более радикальный подход к пониманию роли формальных социальных институтов в процессах клеймения [4, с. 161–162]. Зак, создавая социоструктурную модель стигматизации, испытал на себе определенное влияние идей теоретиков радикальной криминологии. Он опирался не только на разработки американских исследователей, но и на методологию европейских школ, в частности, марксистскую концепцию «классовой юстиции», в рамках которой процессы восприятия действий и принятия решений полицейскими, судьями и чиновниками «программируются селективно». По Заку, социальные институты лишь стимулируют и укрепляют девиантность: полиция специально выискивает представителей низших слоев, чтобы в «интересах правящего меньшинства» предписывать им роли преступных элементов.

Следовательно, Зак исходит из того, что преступное поведение и иные девиации возникают в результате «процесса предписания», осуществляемого институтами формального социального контроля в классовых социальных системах. Криминолог подчеркивает, что, благодаря селективности правоприменения, стигматизации подвергаются, прежде всего, низшие слои капиталистического общества. Это приводит к появлению устойчивой корреляционной связи между принадлежностью к той или иной социальной страте и регистрируемой преступностью.

Проблема селективного применения уголовно-правовых санкций, поставленная Ф. Заком, несомненно, актуальна для транзитивного российского общества. Имеется в виду уголовно-правовая реальность, скрывающаяся за метафорой «басманное правосудие», что остается предметом социологических и криминологических исследований.

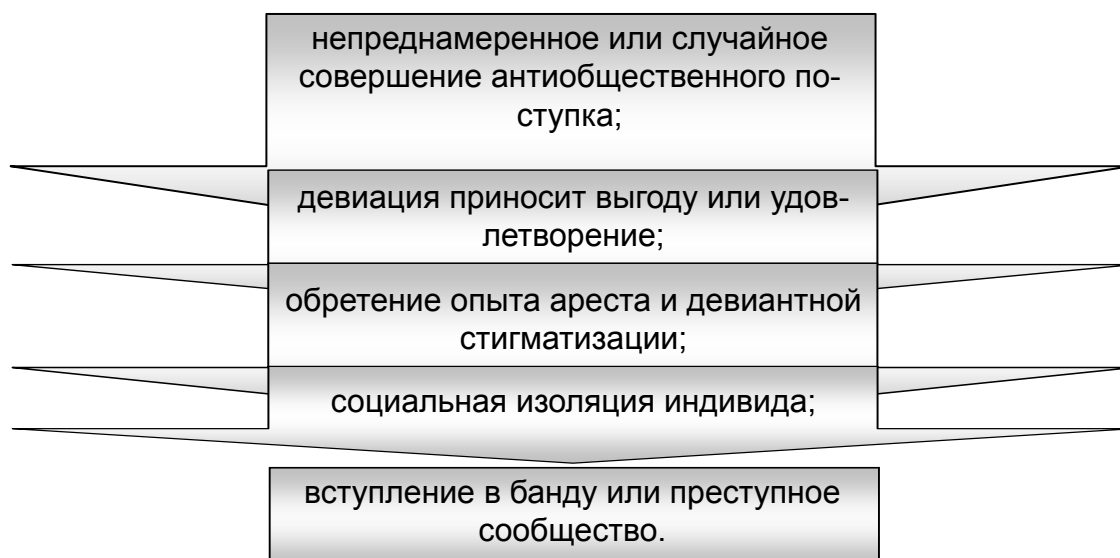

Рисунок 2. Этапы девиантной карьеры

Селективность правоприменительной практики и правосудия рассматривается зарубежными девиантологами в тесной связи с идеями радикальной криминологии и аболиционизма.

Теория реинтегративного стыда Дж. Брейтуэйта. Самые заметные усилия в попытках пересмотреть и развить теорию стигматизации в интегративной перспективе и более широком социоструктурном контексте принадлежат современному австралийскому криминологу Джону Брейтуэйту (р. 1951) в работе «Преступление, стыд и воссоединение» (1989). В ней он убедительно показал, что существующая практика уголовного правосудия формирует тенденцию клеймения и усиливает преступность. Уже в 1991 году эта книга получила мировое признание как внесшая наибольший вклад в развитие криминологии последних лет.

Джон Брейтуэйт родился в 1951 году в Инсвиче. Брейтуэйт – современный австралийский социолог и криминолог, профессор исследовательской школы социологии Австралийского национального университета. Как криминолог он знаменит работами по теории реинтегративного стыда, восстановительного правосудия, предупреждения преступности и девиантности. Брейтуэйт является обладателем целого ряда международных наград и премий.

Согласно теории Джона Брейтуэйта, в основе социальной регуляции преступности против личности или собственности лежит чувство стыда. Стыд определен Брайтуайтом как социальное осуждение, которое имеет «цель вызывать угрызения совести в человеке, которого пристыдили или осудили» [8, р. 108]. Брейтуэйт концептуализирует стыд в двух формах: «*стигматизированный*» и «*реинтегративный*», при этом он неустанно повторяет, что его теория касается, прежде всего, «*стыда реинтегративного*» [9]. Действительно, если сторонники классического подхода в тео-

рии стигматизации анализируют, прежде всего, криминогенные последствия клеймения, которые распространяются на стигматизированного индивида, то Брейтуэйт больше рассматривает влияние «реинтегративного стыда» на снижение девиантности и преступности. В целом же модель Брейтуэйта, выстроенная вокруг клеймения в форме «*стигматизированного*» стыда и возвращения в общество путем «*реинтегративного*» стыда, учитывает их связи друг с другом. Ценно, что для этой теории характерно современное интегративное видение проблемы преступности и девиантности, поскольку Брейтуэйт ищет точки сопряжения в работах своих предшественников, развивавших основные теоретические традиции социологической криминологии. Его синтез построен с привлечением концептов из теорий стигмы, контроля, субкультур, дифференциальной ассоциации и напряжения на основе такого объединяющего понятия, как «реинтегративный стыд».

В исследовании Брейтуэйта утверждается, что клеймение – это форма внушения чувства «стигматизирующего стыда», которая усугубляет проблему преступности. Термин «стигматизация» он использует для описания дезинтегративной роли «стигматизированного стыда», который разрушает моральную связь между «пристыженным девиантом» и сообществом. Примером «стигматизированного стыда» является решение судьи об установке специального стикера на недвижимость девианта с кричащей надписью «здесь живет преступник». Согласно этому типу стыда от стигматизированного индивида ожидаются лишь новые преступления.

Внушение чувства «реинтегративного стыда» может, наоборот, стать силой, формирующей общество. Это ключевое положение в теории Брейтуэйта. Трактовка понятия «реинтегративный стыд» исходит из посыла о том, что следует «осудить

преступление, а не преступника» и предполагает процедуру или церемонию прощения, с помощью которой девиант воссоединяется с обществом законопослушных граждан. Особенно важно, если реинтегративный или воссоединяющий жест прощения исходит от близких девианта – людей, которых он любит, ценит, уважает, которые решительно не одобряют совершенное им преступление.

Наиболее сильное проявление реинтегративного стыда – это осуждение преступления самим преступником с принесением жертве соответствующих извинений. Право начать «жизнь с нуля», порвав с прошлым, получает лишь тот преступник, который выразил искреннее раскаяние в своем преступлении, принес извинения жертве и восстановил нанесенный им ущерб.

Следовательно, процедура «реинтегративного стыда» ориентирует на низкий уровень, в то время как «стигматизированный стыд» – на высокий уровень преступности, хотя и косвенным путем.

В своей теории Брейтуэйт выделяет и подчеркивает криминальные особенности и социально-бытовые условия, которые поощряют или препятствуют реализации «реинтегративного стыда». Он также рассматривает тот факт, что люди в разной мере связаны с обществом и, соответственно, по-разному реагируют на процедуру «реинтегративного стыда». В последующем Брейтуэйт с коллегами из Австралийского национального университета провел дополнительные исследования по проблематике стигматизации и роли реинтегративного стыда на снижение делинквентности несовершеннолетних (1997).

В работах «Преступление, стыд и воссоединение» (1989), «Восстановительное правосудие и отзывчивое управление» (2002), а также последующих трудах Брейтуэйт обосновывает и развивает идею восстановительного правосудия как альтернативы современному уголовному правоприменению. Меры социального контроля должны оцениваться, с его точки зрения, в зависимости от того, дают ли они преступникам какие-либо шансы изменить делинквентную карьеру и поддерживать их соответствие законопослушанию или нет. В рассуждениях Брейтуэйта красной нитью проходит мысль о том, что не столько репрессивные институты государства (полиция, суды), сколько структуры гражданского общества (экологическая группа, антикоррупционное движение, семья, церковь, спортивный клуб, дружеская компания и др.) являются ключевыми агентами социализации и социального контроля. Они, опираясь на внушение реинтегративного стыда, могут весьма эффективно противостоять насилию и преступности.

Современные подходы к развитию теории стигматизации: критика и значение. С тех пор, как Эдвин Лемерт, Говард Беккер, Эдвин Шур, Фриц Зак, Джон Брейтуэйт обосновали основные модели и механизмы «навешивания ярлыка», современные девиантологи и криминологи в конце XX и начале XXI столетия стали больше внимания уделять различным эффектам и последствиям стигматизации. Так, например, было обращено внимание на значение личности человека, на которого навешивается ярлык. Оказывается, что, по данным американских криминологов Агестона и Эллиотта, под влиянием клеймения самосознание малолетних преступников и выходцев из низших классов меняется быстрее, чем у других правонарушителей. Кроме того, репрессивные санкции сами по себе влияют существенно меньше на самосознание индивида, чем частота и серьезность его девиантных поступков. Говоря другими словами, самосознание девианта больше основывается на реальном поведении, чем на официальной реакции на такое поведение. Для правоохранительных и судебных органов легче усугубить или ослабить уже сложившееся отношение общества к человеку как девианту, чем навесить на него абсолютно новый ярлык.

Даже если метка девианта в какой-то степени повлияет на самосознание индивида, то это не обязательно усилит его вину или усугубит его преступное поведение. Так, по мнению современного американского социолога Э.Махони, нет явных доказательств того, что изменение самосознания приводит к прямолинейному изменению преступного поведения. Более того, любое влияние, которое оказывает ярлык, со временем уменьшается и, в конце концов, может исчезнуть. Следовательно, существуют определенные аргументы в пользу того, что официальное навешивание ярлыка девианта системой уголовного правосудия может и не иметь прямого и решающего воздействия, обычно ожидаемого от стигматизации. По результатам других исследований, последствия клеймения часто бывают едва уловимыми и сложными, а также могут проявляться только через некоторое время.

Еще одним важным результатом исследований в области стигматизации является существенное сокращение у девианта возможностей вести нормальную жизнь и общаться с нормальными – нестигматизированными людьми. Даже если самосознание преступника или наркомана существенно не изменится, у него могут возникнуть трудности во взаимоотношениях с родителями, друзьями, соседями, сослуживцами. Кроме того, клеймение может вытолкнуть человека в девиантную субкультуру, где он получит необходимые

навыки и новые мотивы для дальнейшего совершения преступлений. Общаясь с носителями такой субкультуры, индивид вовлекается в процесс научения, описанный теорией дифференциальных ассоциаций, и потому может снова стать на путь преступного поведения.

Представляется, что в дальнейшем процесс научения может также повлиять на самосознание преступника в значительно большей степени, чем сам факт навешивания ярлыка органами правопорядка. Так, например, к женщине, занимавшейся проституцией, в любой момент может подойти ее бывший сутенер, продавец наркотиков или просто бандит, знающий ее прошлое, и заставить ее снова заняться тем, чем она занималась прежде, даже если она этого не хочет.

Таким образом, стигматизация скорее выталкивает индивида в девиантную субкультуру и тем самым существенно затрудняет его возвращение к нормальной жизни.

Разумеется, все рассмотренные выше теории стигматизации не свободны от критики. Они чрезмерно выделяют реакцию индивида на вторичное отклонение, при этом уменьшают и недооценивают первичные причины преступления. Отсюда у теорий стигматизации нет недостатка в оппонентах. Многие из них указывают на отсутствие эмпирической поддержки «вторичных отклонений», а также того факта, что преступники имеют заниженную самооценку.

Немецкий криминолог Г.И. Шнайдер обращает внимание на то, что интеракционистов интересует не различие между преступниками и не преступниками, не вопрос о том, почему люди ведут себя не в соответствии с социальными нормами, а прежде всего значение социальной реакции. Они критически относятся к предмету традиционной криминологии и традиционным методам подавления преступности [6, с. 332].

Особенно много критических замечаний сделано относительно ключевого положения теории стигматизации о том, что воздействие системы формального социального контроля носит скорее негативный, чем позитивный характер. Многие криминологи ставят под сомнение тезис интеракционистов о том, что «ни одно действие не является изначально злым или преступным». Так, по мнению Ч. Уэлфорда, изнасилования и убийства являются «универсальными» преступлениями, поскольку подвергаются жестокому наказанию во всех обществах и осуждаются всеми культурами. По мнению Х. Берлоу, теория лейблов больше сосредоточена на социально менее опасных отклонениях (гэмблинг, проституция, наркотизм, алкоголизм и т.п.) [4, с. 163–166].

Теория «наклеивания ярлыков» нередко подвергается острой критике и сторонниками радикальной криминологии (И. Тейлор, П. Уолтон, Дж. Янг), которые подчеркивают, что она оставляет за пределами своего рассмотрения значительную роль институтов власти и экономики в деле определения того, имеет ли действие преступный характер [4, с. 165]. Без должного внимания исследователей-интеракционистов остаются и жертвы преступников.

К недостаткам этой теории следует отнести и то, что она не указывает конкретно на те факторы, которые заставляют людей меняться, мешают им нормально жить и общаться с другими людьми. Не ясно, как стигматизация влияет на тех, кто ее инициирует. По мнению ряда современных американских исследователей (Р.Энсон, Д.О'Коннор, Ч.Перроу и другие), не находит убедительных эмпирических доказательств и то, что навешивание ярлыка судом приводит к увеличению преступности. Поэтому в большинстве новейших социологических исследований (например, в работах Рут Трипплетт и Роджера Джарлжоура, 1994) теория ярлыков получает эмпирическое подтверждение, но эффекты стигматизации рассматриваются не как прямые, а в основном как косвенные причины девиантного поведения.

Значение теории стигмы. Несмотря на критику, теория стигматизации имеет важное методологическое и прикладное значение. Она оказала существенное влияние на развитие социологических и криминологических исследований девиантности в рамках теорий конфликта, радикальной криминологии, модернизма и постмодернизма. Заслуги социологов-интеракционистов, создателей теории стигмы состоят в том, что они:

- *ярко обрисовали роль социально-психологических, нормативных и социоструктурных факторов в процессах клеймения;*
- *в совершенно ином ракурсе показали значение социальной реакции на первичную девиантность, а также роль различных формальных и неформальных способов социального контроля на формирование девиантной идентичности и делинквентности подростков и молодых людей;*
- *остро поставили проблемы социальной эффективности и селективности в работе органов правопорядка и юстиции;*
- *собрали много ценных эмпирических данных о преступности и иных формах девиантности;*
- *разработали рекомендации по разработке и использованию программ профилактики вторичной девиантности, что существенно повлияло на снижение интенсивности девиантных карьер подростков и рецидивной преступности.*

Теоретический опыт социологов-интеракционистов в области стигматизации, практика его применения весьма ценны для использования в современных российских исследованиях, при совершенствовании уголовного законодательства

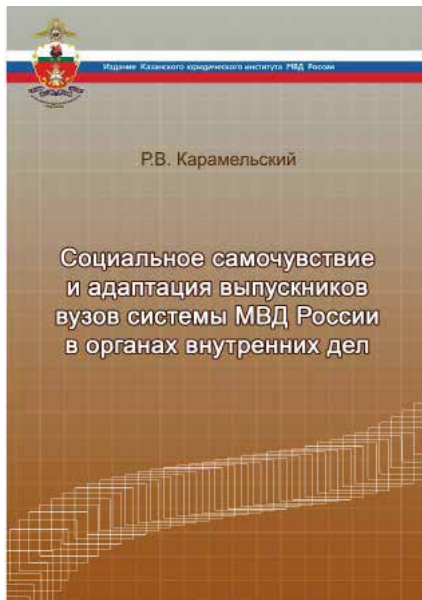
на пути его декриминализации, в правоприменительной и социальной работе по профилактике уголовно-правового рецидивизма, иных форм девиантности и социального неблагополучия в подростково-молодежной среде [10, с. 20–27].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey, 1999.
2. Tannenbaum F. Crime and community. N.Y., 1938.
3. Tannenbaum F. The dramatization of Evil // Perception in criminology. L., 1975.
4. Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. дом АЛЕФ-ПРЕСС, 2014.
5. Becker H. Outsiders: studies in sociology of deviance. N.Y., 1963.
6. Шнайдер Г.И. Криминология / пер. с нем.; под общ. ред. и с предисл. Л.О. Иванова. М.: Издательская группа Прогресс-Универс, 1994.
7. Schur Ed. Our criminal society/ Englewood Cliffs. N.J.: Prentice-Hall, 1969.
8. Akers R. Criminological theories: Introduction and Evaluation. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997.
9. Брейтуэйт Дж. Преступление, стыд и воссоединение. пер. с англ., под ред. М. Флямера, коммент. Я. Гилинского. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2002.
10. Комлев Ю.Ю. Уголовно-правовой рецидивизм: девиантологическая перспектива профилактики с позиций теории стигматизации в условиях преодоления «кризиса наказания» // Вестник КЮИ МВД России. 2011. № 2.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Уразаева Г.И.

Развитие ролевого поведения личности: монография / Г.И. Уразаева. – Казань: КЮИ МВД России, 2015. – 222 с.

В монографии рассмотрены вопросы психологии генеза ролевого поведения личности в возрастном и профессиональном аспектах, закономерностей и механизмов развития ролевого поведения личности в деятельности, представлены модели онтогенеза ролевого поведения личности в аспекте развития и коррекции. Дана характеристика психологических особенностей ролевого поведения, условий его генеза, динамики и программы психолого-педагогического сопровождения.

Монография предназначена для курсантов, слушателей, адъюнктов вузов МВД России, преподавателей, практических психологов и других специалистов системы высшего образования, сотрудников правоохранительных органов, всех тех, кто интересуется проблемами формирования личности и ролевого поведения как вида социального поведения

УДК 316.4; 316.47

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ И КОНСТРУИРОВАНИЕ ЕГО РИСКОВ В СТУДЕНЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Т.В. Шипунова.

Д.В. Фомина.

Авторы рассматривают специфику девиантного поведения сквозь призму гендерных особенностей субъектов. Теоретической основой рассуждений является понимание гендера как конструкта, обусловленного социокультурными факторами. В статье приводятся результаты исследования, целью которого было выявление представлений студентов о девиантном поведении, оценок различных его видов и рисков в зависимости от гендера. Исследование показало, что при выборе моделей девиантного поведения юноши исходят из стремления к удовлетворению своих потребностей, а девушки ориентированы на мнение и образцы поведения других людей в их окружении.

Ключевые слова: гендер, девиантное поведение, риск, гаджетозависимость, наркозависимость, гламуризация.

Гендер и девиантное поведение

Гендерный подход, зародившийся в психологии (З. Фрейд, Н. Чодороу, Д. Сайерс), нацелил исследователей на рассмотрение различий в поведении мужчин и женщин через призму половой идентификации, сформировавшейся в раннем детстве. Преимущество данного подхода состояло в том, что модель женского поведения перестала считаться отклонением от нормы, а стала рассматриваться как «другая», отличная от маскулинной [28]. Параллельно развивался полоролевой подход, изучающий влияние социальных ролей на поведение представителей разных полов. Так, Ф. Адлер прогнозировал рост женской девиантности в условиях кризиса гендерных стереотипов. По его мнению, такой кризис может привести к стремлению девушек имитировать мужское поведение и, следовательно, совершать нормонарушающие поступки [26].

В социологии одной из ключевых теорий, рассматривающих влияние гендера на поведение человека, является теория дифференциации социальных ролей Т. Парсонса. Она объясняет различия в поведении мужчин и женщин с социокультурной точки зрения, разграничивая функции мужчин и женщин. Так, для мужчин свойственна инструментальная функция (осуществление свя-

зи с внешним миром), а для женщин – экспрессивная, реализация которой должна способствовать поддержанию взаимоотношений внутри семьи [30]. Эти идеи получили развитие во многих теориях. Например, в теории социального конструирования гендера К. Уэста и Д. Зиммермана говорится о том, что гендер – это постоянно конструируемое взаимодействие. «Делать» гендер, по мнению авторов, – это «не всегда означает жить согласно нормативным представлениям о женственном или мужественном; это означает быть включенным в различные виды деятельности в условиях гендерной оценки. Хотя именно индивиды создают гендер, эта деятельность является в фундаментальном отношении интерактивной и институциональной по своему характеру» [21, с. 206]. И далее: «создание гендера придает статус нормальности и естественности социальным отношениям, основанным на категории принадлежности по полу, т.е. делает такие отношения легитимными способами организации социальной жизни» [21, с. 216]. Гендер формируется посредством социализации, разделения труда, системы гендерных отношений, семьи и СМИ. При этом индивид сам является субъектом данного процесса: на уровне сознания он принимает (или отвергает) заданные обществом нормы и роли,

Шипунова Татьяна Владимировна, доктор социологических наук, профессор факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета

e-mail: shtatspb@yandex.ru

Фомина Дарья Валерьевна, магистрант Санкт-Петербургского государственного университета

e-mail: dariafomina1994@gmail.com

© Шипунова Т.В., 2016

© Фомина Д.В., 2016

Статья получена: 03.03.2016

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-03-00383

влияющие на формирование гендера.

Определенный вклад в понимание гендера внес Э. Гидденс. При рассмотрении вопросов о гендере, личности и морали он дает критическую оценку психологическим теориям и рассматривает гендерные различия, опираясь на традиционное разделение обязанностей мужчин и женщин, а также степень их включенности в общественную жизнь [7, 160–168]. Патриархат как доминирование мужчин, влекущее гендерный дисбаланс в обществе, характеризует современную цивилизацию и определяет неравенство полов в сфере труда, разделения домашних обязанностей, карьере. Он же определяет ориентацию женщин на вкусы мужчин (в одежде, поведении и т.д.) и формирует потребительское отношение к женщинам. Вот почему насилие характерно преимущественно в отношении женщин, а проституция рассматривается как «женский» феномен. По мнению Э. Гидденса, гендерная социализация начинается с раннего детства. Гендер характеризует набор образцов поведения, усвоенных в течение жизни, а также идентификацию личности по вопросам мужественности и эмоциональности [7, с. 192]. В дальнейшем эти характеристики становятся значимыми при выборе модели поведения и оценки их по признаку «нормальности».

Другой известный социолог – Дж. Масионис – определяет гендер как «черты личности и социальные позиции, рассматриваемые членами общества как женские и мужские» [14, с. 68]. «Таким образом, гендер является одним из измерений социальной организации, определяющим наши отношения с окружающими и представления о себе» [14, с. 431]. Автор выделил эффекты, которые гендер может оказывать на исследователей, изучающих различные социальные явления: андроцентризм, гиноцентризм, сверхобобщение, гендерная слепота, двойные стандарты и интерференция [14, с. 68–69]. Автор отмечает: «Практически во всех обществах женщины связаны более строгими нормативными установлениями, чем мужчины» [14, с. 280]. По его мнению, гендерный фактор сказывается практически на всех объяснительных теориях девиантности. Так, теория, предложенная Р. Мертоном, представляется «маскулинной тем, что определяет культурные цели с точки зрения финансового успеха», власти, благ, привилегий, т.е. всего того, что является более доступным для мужчин. В этой ситуации женщины находятся на обочине экономической жизни и попадают в зону риска. Особенно это актуально для одиноких матерей. При использовании теории ярлыков следует учитывать, что гендер влияет на наше определение девиантности, «ибо люди обычно используют раз-

личные стандарты при оценке поведения мужчин и женщин» [14, с. 280–281].

Со временем в общественных науках сложилось представление о гендере как «социальном поле», т.е. совокупности «социально детерминированных ролей, идентичностей и сфер деятельности мужчин и женщин, зависящих не от биологических половых различий, а от социальной организации общества» [11]. Продуктивным является также подход, изучающий гендер с позиций социального конструктивизма [См., напр.: 9]. Данный подход продолжает концепцию К. Уэста и Д. Зиммермана и позволяет посмотреть на женское и мужское поведение не только как на предписанное общественными нормами и традициями, но и как на постоянно проектируемое и изменяющееся в зависимости от обстоятельств и ситуаций.

Гендерный подход сыграл важную роль в изучении девиантности молодежи. Многочисленные исследования продемонстрировали зависимость девиантного поведения от гендера, который обуславливается демографическими, психологическими и социальными предпосылками. Кроме того, в современных исследованиях отмечается тенденция стирания гендерных границ. Так, в 2011 г. 56,5% молодых людей в возрасте от 11 до 24 лет регулярно потребляли алкоголь [24]. При этом девушки (54,8%) практически «догнали» юношей (58,1%) в потреблении спиртных напитков [24]. Около 20% молодежи пробовало и потребляют наркотические вещества [25]. Следует обратить внимание на возрастающую долю девушек в курении табака. В возрастной группе 20–29 лет доля курящих женщин в 10 раз больше, чем в группе старше 60 лет [17]. В 2010 г. НИИ КСИ факультета социологии Санкт-Петербургского университета было проведено исследование «Русская речь-2010». 46% молодых людей Санкт-Петербурга отметили, что используют в своей речи ненормативную лексику. Большинство из респондентов (62%) указали, что употребление нецензурных выражений уместно в зависимости от ситуации [18].

Многие исследователи пишут о распространении новых аддикций среди молодежи и, прежде всего, о зависимости от гаджетов. У всех студентов в арсенале пользования находятся не только стационарные компьютеры, но и планшеты, смартфоны. Их использование очень удобно, поскольку позволяет добывать любую информацию здесь и сейчас, постоянно находиться на связи, а также играть в различные игры. Антивирусная компания ESET провела исследование по вопросу зависимости россиян от гаджетов. Только 10% опрошенных выразили готовность отказаться

от электронных средств во время своего отдыха [6]. По некоторым данным, 66% людей кладут телефон рядом с собой, когда ложатся спать [8]. Согласно некоторым исследованиям, девушки-студентки тратят более 10 часов в день, а юноши около 8 часов на пользование своими смартфонами. Около 60% опрошенных признаются, что зависимы от своих телефонов: большинство из них ощущают тревогу и панику, когда не могут найти поблизости свой смартфон [20].

С гаджетозависимостью связана зависимость от социальных сетей, которые позволяют пользователям конструировать свой образ по своему желанию в зависимости от того, как бы они хотели, чтобы их воспринимали, и какую роль они хотели бы сыграть в данный момент. В России 88% населения являются пользователями социальных сетей. 84,4% молодежи России зарегистрированы в различных социальных сетях (81% юношей и 83,9% девушек) [19]. По мнению норвежских исследователей, симптомы зависимости от социальных сетей схожи с симптомами зависимости от наркотиков и алкоголя [27]. Авторы разработала шкалу, которая позволяет выяснить степень влияния социальных сетей на жизнь человека. Её применение в исследованиях показало, что у женщин риск развития зависимости намного выше, так как они больше склонны к тревожности, уходу от решения проблем и являются более обществоориентированными.

Общество потребления породило гламуризацию, которая включает в себя различные зависимости. Гламур – это не только феномен моды, как обычно его принято интерпретировать, но и определенный дискурс, распространивший свое влияние на значительную часть индивидуального и социального [16, с. 52]. Гламуризация, рекламируемая в гляцевых журналах, стала стилем жизни для большинства современной молодежи. Основой гламуризации является индивидуальное сверхпотребление, превратившееся в средство социализации. Можно сказать, что «поведение в области потребления выступает проекцией отношения студенчества на окружающую социальную действительность» [15; 23]. Различные исследования демонстрируют, что основу потребительского поведения молодежи составляет «желание» – возможность удовлетворения не только потребностей в определенных предметах, но и акта развлечения (шопинг). Другой характеристикой является «демонстративное потребление» – «неоправданное расточительство человека с целью демонстрации своего социального положения, самоутверждения в обществе, внутри которого он существует» [1]. Возможно, поэтому на втором месте в статье расходов студенческой молодежи,

после продуктов питания, стоит модная одежда и различные товары, связанные с конструированием имиджа [22, с. 25]. Ориентация на «демонстративное потребление» (знаки «статуса»), исходя из некоторых исследований, чаще наблюдается у девушек. Объясняется это тем, что для женщин одним из главных статусных показателей является привлекательная внешность, инструментами конструирования которой выступают товары потребления разного вида – косметика, украшения, модная одежда и т.п. [23, с. 87].

Гламуризация не считается девиацией в полном смысле этого слова, однако воспринимается, по крайней мере, как «странное» поведение, нарушающее меру разумного, необходимого. И, как любое «чрезмерное», всячески высмеивается. В социальных сетях существует огромное количество групп, посвященных тематике «антигламура». В связи с наличием большого числа негативных и саркастических отзывов по поводу гламурного образа жизни его можно считать пограничным поведением, индикаторами которого выступают: вовлеченность в постоянное приобретение новых вещей (шопоголизм), восприятие людей исключительно по брендам носимых ими вещей, чтение только гламурных журналов, модификация тела без медицинских показателей, «гламурный» стиль жизни (регулярное посещение баров, ресторанов, «светских тусовок») и т.д. Последовательная и самозабвенная реализация этих требований (критериев) представителями молодежи, с нашей точки зрения, может привести к личностной и социальной деградации. Кроме того, такой критерий, как шопоголизм, уже свидетельствует о том, что гламуризация имеет признаки девиации (аддикции).

Указанные предпосылки послужили основой проведения авторского исследования, целью которого было изучение гендерных особенностей некоторых видов девиантного поведения студенческой молодежи, а также их представлений о гендерных различиях и рисках девиаций.

Выбор студенческой молодежи обусловлен высокой степенью распространенности девиантного поведения в среде студентов, о чем свидетельствуют данные многочисленных исследований. Например, потребление алкоголя для многих студентов разных регионов России стало нормой. При этом в процентном соотношении доли мужчин и женщин практически сравнялись, а в некоторых регионах женская модель поведения даже превалирует. В Архангельске 88% девушек и 84% юношей регулярно потребляют алкоголь [13, с. 105]; в Ставрополе 47% студентов отметили, что злоупотребление алкоголем в их среде «иногда случается,

а 12,1% опрошенных сообщили, что встречается данное явление «очень часто» [12]; в Республике Бурятия 69,4% мужчин и 72,3% женщин регулярно употребляют алкогольные напитки [4, с. 175].

Широко распространена и наркомания. По данным некоторых опросов, около 13% студентов имели опыт употребления наркотических веществ, а 4% из них продолжают их регулярное употребление [5, с. 56]. Глава Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков заявил, что «опыт употребления наркотиков в России имеют примерно 10% учащихся вузов» [10].

Гипотеза нашего исследования звучала следующим образом: несмотря на то, что постепенно происходит стирание гендерных различий между юношами и девушками в совершении тех или иных видов девиаций, гендерные особенности в выборе способов совершения, частоты, места совершения, а также представлений (конструктов) о рисках развития девиантного поведения сохраняются.

Методом исследования был выбран анкетный интернет-опрос. Преимущество этого метода состоит в том, что он позволяет охватить разнобразную аудиторию (учащихся разных вузов) и делает опрос более доступным для студентов, так как студенческая молодежь является одной из самых активных групп интернет-пользователей. Кроме того, интернет-опрос значительно сокращает временные и человеческие ресурсы на проведение исследования. Исследование проводилось на базе платформы GoogleForms.

Анкета состояла из девяти блоков, задачами которых было выявление представлений студентов о девиантном поведении, оценок различных его видов и рисков в зависимости от гендера. Было опрошено 166 студентов различных вузов Санкт-Петербурга в возрасте от 18 до 24 лет. В опросе приняли участие 82 девушки и 84 юноши.

Гендерное сходство и различие в девиантном поведении студенческой молодежи

Исследование показало, что студенты обоего пола рассматривают девиантное поведение как деструктивные действия, направленные вовне. Большая часть студентов определяет его через нарушение социальных норм (73,5%), часть студентов (21,7%) называет девиантным поведением причинение вреда другим. Для остальных опрошенных такое поведение означает отклонение от принятого в обществе, «то, что не входит в конструированное представление о социальной норме» и т.д. Представление о девиациях, как действиях, направленных вовне, объясняет выделение студентами примеров нормонарушающего поведения: насилие против людей (84,3%), издевательство над животными (79,5%), потре-

бление наркотиков (75,9%), хулиганские действия (73,5%), проституция (72,3%), экстремизм (67,5%), присвоение себе чужого имущества (62,7%). Такие проявления, по мнению студентов, больше свойственны юношам, нежели девушкам. Данные виды девиантного поведения характеризуются проявлением агрессии, доминантности, стремления к господству и власти, желанием испытать острые ощущения, т.е. всеми теми чертами, которые вписываются в традиционные представления о маскулинности.

Представления студентов о поведении женщин характеризуются теми образами, которые конструируются средствами масс-медиа: уделение особого внимания внешнему облику, стремление к реализации принципа «красивая женщина – успешная женщина». Для девушек, по мнению студентов, больше характерны такие виды неодобряемого в обществе поведения, как проституция (91%), шопоголизм (90,4%), использование пластической хирургии без медицинских показателей (83,8%), слепое следование моде (78,9%) и гламуризация (77,1%). Практически все указанные виды поведения связываются студентами с желанием (необходимостью?) создания своего внешнего облика. Допустимым является и потребление алкоголя, но существуют различия в видах избираемых напитков. Так, если для юношей допустимо (и неосуждаемо) потребление крепких спиртных напитков, то для девушек – только потребление слабоалкогольных напитков. Табакокурение юношей находит большее оправдание и принятие, а потребление табака девушками осуждается (51,8%, из них юношей – 62,3%, девушек – 41,3%).

Недопустимыми формами поведения для обоих полов студенты считают употребление наркотиков (всего 68,2%, из них 62% – юноши, 74,3% – девушки); частую смену сексуальных партнеров (всего 47%, из них 39,2% – юноши, 53,6% – девушки); оказание услуг сексуального характера (65,1%, из них 61,9% – юноши, 65,8% – девушки); использование нецензурных выражений в своей речи (55,4%, из них 57,1% – юноши, 51,2% – девушки) и постоянное нахождение online в социальных сетях (49,8%, из них 43,1% – юноши, 44,1% – девушки).

Ответы на вопросы об актуальном (имеющемся в опыте на момент опроса) поведении в своей среде респонденты показали следующие результаты.

К алкоголю юноши более пристрастны, чем к табакокурению. Потребление алкоголя – достаточно распространенное явление в студенческой среде (не пьют только 11,9% юношей и 12,5% девушек). Юноши в большинстве случаев выпивают несколько раз в месяц (33,3%) и по праздни-

кам, иногда по выходным (28,7%). Курят из них только 26,2%, при этом в среднем потребляется пачка сигарет в сутки.

Потребление алкоголя как допустимая форма поведения, по мнению студентов, характерна также и для девушек. Большинство девушек (40,6%) ответили, что выпивают по праздникам, иногда и по выходным, а 30% указали, что для них это редкость. Курение среди девушек, как и среди юношей, не очень распространено: только 19,6% представительниц женского пола имеют зависимость от табака.

В анкету были заложены вопросы, касающиеся мнения студентов (с опорой на их личные наблюдения) о различиях в предпочтениях потребляемой алкогольной продукции и о местах ее потребления. По мнению респондентов, юноши предпочитают крепкий алкоголь (коньяк, водка) и пиво. Большинство респондентов (77,1%, из них 86,9% юношей и 75,6% девушек) также отметили, что юношам в большей степени, чем девушкам, свойственно распитие спиртных напитков в общественных местах (например, в парках, общественном транспорте). Для девушек более характерен демонстративный тип потребления алкоголя: «красивые» общественные места (кафе, бары) и модные напитки, позволяющие расслабиться и раскрепоститься.

Отношение к потреблению наркотиков в студенческой среде складывается неоднозначно: среди опрошенных 59,5% юношей и 61% девушек никогда их не пробовали; пробовали пару раз 21,4% юношей и 24,4% девушек; потребляют «пару раз в год» 11,9% юношей и 7,1% девушек. Постоянные потребители наркотиков встретились только среди девушек (2,4%). Основными наркотиками, которые потребляют студенты, являются препараты конопли: 31,7% девушек и 30,9% юношей пробовали, а часть девушек продолжает потребление (2,4%). Незначительная доля студентов имеет опыт принятия препаратов опийной группы, кокаина и галлюциногенов (последние больше распространены среди юношей). Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод: гендерные различия употребления наркотических веществ по частоте и предпочтениям несущественны, хотя настораживает тот факт, что среди постоянных потребителей находятся (только) девушки.

Респонденты дали различные определения понятию «гламуризация» – от «зависимость от моды и брендов» до «розовая шуба». Чаще всего прослеживается связь представлений о гламуризации с особым внешним видом, роскошью, подражанием «звездам», глянцевыми журналами, демонстративностью и подменой ценностей. Для

девушек, по мнению опрошенных, гламуризация свойственна больше, чем для юношей, поскольку именно они склонны к чрезмерному вниманию к себе, покупке только брендовых вещей и постоянному обновлению гардероба. Девушки, в большинстве случаев отмечали, что бренд позволяет не только выделиться, но и диктует стиль жизни.

В потребительском поведении также отмечены гендерные различия. Для женского пола хождение по магазинам ассоциируется в большинстве случаев с радостью, отдыхом, поиском нового образа и «новой себя». Возможно, это связано с тем, что радость и отдых для них приносит сам процесс шопинга, а не только наличие определенной покупки. Для мужчин же покупка – это всегда необходимость. При этом обе гендерные группы ответили, что обновляют гардероб несколько раз в сезон по мере необходимости (юноши – 52,3%, девушки – 44%).

Результаты исследования показали, что зависимость от социальных сетей распространена больше среди представительниц женского пола: значительная часть из них обновляют свою «страницу», по крайней мере, один раз в несколько часов (48,8%), тогда как юноши делают это только несколько раз в день (54,8%). При этом девушки зарегистрированы в большем количестве социальных сетей (ВКонтакте, Facebook, Instagram, Twitter), юноши же отмечали 1–2 варианта (ВКонтакте, Facebook).

Как девушки, так и юноши постоянно, на протяжении всего дня, заглядывают в свои гаджеты (юноши – 64,3%, девушки – 73,2%). По мнению опрошенных, мужчины чаще прибегают к гаджетам как к средству развлечения (66,9%), женщины же больше ориентированы на конструирование своего образа: размещение информации на своей «странице» (57,9%), просмотр «лайков» и комментариев к своим записям (59,1%) и демонстрация своего социального статуса с помощью бренда/марки своего гаджета (32,5%).

Разумеется, не все те виды поведения, которые были затронуты в нашем исследовании, являются девиациями или аддикциями в полном смысле слова. Например, просто факт потребления алкоголя нельзя рассматривать как девиантное поведение. Это справедливо для всех представленных поведенческих проявлений. Скорее следует говорить о преддевиантном и/или предаддиктивном поведении. Все зависит от степени включения в процесс потребления, его длительности и глубины психологических изменений личности.

Конструирование рисков девиантного поведения

Существует множество определений понятия «риск». Об этом феномене писали многие классики социологии (У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман и др.)

и современные исследователи (П. Штомпка, О.Н. Яницкий и др.). Целям нашего исследования наиболее близким является рассмотрение риска в социально-культурном контексте, который определяет вариабельность оценки рисков в разных пространственно-временных континуумах [29]. Данный подход получил развитие в теоретических изысканиях многих авторов. Например, Е.С. Богомякова и Г.В. Зорин предлагают рассматривать риск как «субъективно присваиваемое или конструируемое значение любого явления, степень риска при этом произвольно меняется субъектом во времени» [3, с. 50]. Такое понимание переводит риск из объективной плоскости в субъективную, риск становится гносеологическим понятием. По мнению авторов, предлагаемая концепция близка социальному конструкционизму, концепции «наклеивания ярлыков» Г. Беккера и Э. Лемерта и, в целом, феноменологии П. Бергера и Т. Лукмана, А. Шюца [3, с. 53].

Исходя из данного определения, в анкете был предусмотрен ряд вопросов, касающихся конструирования студентами рисков различных девиаций. Идея состояла в том, чтобы респонденты, опираясь на свой жизненный опыт, социокультурный багаж, а также интуитивное понимание риска, обозначили феномены, оцениваемые ими как вероятные условия для развития той или иной аддикции (девиации) в зависимости от гендера.

По мнению опрошенных, рисками развития алкоголезависимости мужчин является, прежде всего, постоянное увеличение дозы потребления алкоголя (54,8%). Далее следуют: увеличение частоты потребления алкоголя до двух и более раз в неделю (52,4%); потребление некачественной алкогольной продукции (51,8%); дружба с алкоголезависимыми (46,4%). Для девушек основным риском является «частое потребление алкоголя любимым человеком» (50,5%) и, соответственно, последующее приобщение девушки к алкоголю. Другими наиболее значимыми рисками являются: включенность в молодежную субкультуру (47,7%), в которой принято принимать алкоголь, и отсутствие личной жизни (39,1%). Некоторые девушки отметили, что риском может быть желание понравиться парням, их одобрение образа «пьяненькой девочки» (7%). В этих результатах прослеживается тенденция отношения к женщинам, как к пассивным субъектам, имеющим зависимость от мужчин, тогда как юноши выступают активными «строителями» своей модели алкогольного поведения.

Среди основных рисков развития женской наркозависимости в качестве особо значимого был выделен риск «потребления наркотиков любимым человеком» (50,6%). Такие риски, как увеличение частоты (55,4%), дозы (51,8%) и плохая успевае-

мость (46,4%), являются значимыми для юношей. А дружба с наркозависимыми и отсутствие личной жизни могут привести к аддикции и юношей, и девушек. Исходя из разнообразия рисков, отмеченных для мужского пола, можно сделать вывод, что в представлениях студентов юноши гораздо чаще могут прибегать к потреблению наркотиков, и риск стать постоянным наркопотребителем у них выше.

В рисках развития никотиновой зависимости для юношей большую роль играют факторы, связанные непосредственно с самим индивидом: переход на курение более крепкого табака (48,8%), увеличение количества выкуриваемых сигарет в день (48,2%) и потребление некачественной продукции (33,4%). Для девушек большее значение имеет влияние окружающих, поэтому к рискам их табакозависимости студенты отнесли: распространение курения в семье (47,6%) и среди близких людей (44,6%), дружба с курящими людьми (43,9%), включая партнера (39,3%). При этом некоторые респонденты отметили, что курение является частью стиля девушки, дополнением её образа. Для девушек риски существуют вовне – в их социальных отношениях с другими людьми, поведению которых они подражают. То же можно сказать о рисках гламуризации девушек. По мнению студентов, эти риски также находятся в социальном окружении. Вероятность гламуризации увеличивается благодаря: высокому уровню внушаемости девушек (61,9%), желанию понравиться кому-либо (56%), выделиться (49,9%), компенсировать свои недостатки за счет следования моде (42,8%). Для юношей основными рисками являются нарциссизм (37,4%) и инфантилизм (27,1%).

При конструировании рисков гаджетозависимости к специфическим «мужским рискам» опрошенные отнесли: неинтересную жизнь в реальности (44,6%), нежелание или неумение решать проблемы, существующие в реальной жизни (39,2%), и неуверенность в завтрашнем дне (33,7%). Для девушек основным риском зависимости выступают стрессы и невозможность справиться с ними (36,8%). Респонденты также отметили большую зависимость представительниц женского пола от социальных сетей. Ими были выделены специфические «женские риски»: одиночество (45,8%), отсутствие личной жизни (43,9%) и постоянная потребность в получении поддержки со стороны окружающих (41,6%).

Исследование показало, что в девиантном поведении студентов существуют гендерные особенности. Во-первых, наблюдаются различия в понимании «свойственного поведения» и «допустимого поведения» среди юношей и де-

вушек. Представления студентов строятся на традиционном разделении феминности и маскулинности. Во-вторых, можно говорить о различиях в конструировании рисков девиантного (зависимого) поведения в зависимости от гендерной принадлежности субъекта действия. Вместе с тем результаты подтвердили тенденцию стирания гендерных границ в частоте проявлений некоторых видов девиаций. Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о том, что девиантное поведение девушек имеет более демонстративный характер, чем у

юношей, обуславливается пониженной стрессоустойчивостью и высокой зависимостью от общественного мнения. Для юношей характерны агрессивность, напористость, жесткость, а риски при выборе девиантной модели поведения часто связаны с конформностью, неразвитым механизмом самоконтроля и стремлением к получению сиюминутного удовольствия. Полученные результаты, с нашей точки зрения, дают возможность лучше понять гендерную специфику девиаций, а также увидеть процесс восприятия этого явления глазами молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амкуаб А.Г. Процессы «престижного потребления»: феномен или иллюзия «демассификации культуры»? // Известия Иркутской государственной экономической Академии. Массовые коммуникации. 2014. № 3. URL: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=19132> (дата обращения: 15.05.2015).
2. Анализ последствий сохранения сложившихся трендов в развитии российской молодежи в перспективе 10–20 лет. URL: http://www.fadm.gov.ru/agency/analytics/index_new.php (дата обращения: 18.02.2015).
3. Богомякова Е.С., Зорин Г.В. Риск: концептуализация понятия в социологии // Социология безопасности: проблемы, анализ, решения: мат. междунауч. конф. Ч. I. Санкт-Петербург, 19–20 апреля 2013 г. / Балт. гос. техн. ун-т. СПб., 2013. С. 49–53.
4. Бороноев П.Г. Проявление алкогольной девиации в студенческой среде // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 6. С. 175–177.
5. Валькинина Н.С., Мануйлова Л.М. Мониторинг эффективности форм профилактики болезненных зависимостей среди учащейся молодежи // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2010. № 3. С. 56–59.
6. Гаджетозависимость в России составляет 90%. URL: <http://www.hardnsoft.ru/experts/industry-news/30940/> (дата обращения: 24.03.2015).
7. Гидденс Э. Социология / при участии К. Бердсолл; пер. с англ. 2-е изд., полностью перераб. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2005.
8. Зависимость от телефона сильнее тяги к алкоголю и сладостям. Bigmir)net / 12.08.2011. URL: <http://techno.bigmir.net/discovery/1510962-Zavisimost--ot-telefona-sil-nee-tjagi-k-alkogolju-i-sladostjam> (дата обращения: 23.03.2015).
9. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям "ВАЛДАЙ-96" / МЦГИ. М., 1997. С. 84–86.
10. Каждый десятый студент пробовал наркотики // Мой район. 2010. 21 сентября. URL: <http://www.mr7.ru/articles/33072/> (дата обращения: 14.04.2014).
11. Кон И.С. Пол и гендер. Заметки о терминах. URL: <http://sexology.narod.ru/publ037.html> (дата обращения: 23.04.2014).
12. Крапивко Е.Н. Социокультурные девиации студенчества в контексте переоценки ценностей в современной России: дис. ... канд. соц. наук. Ставрополь, 2006.
13. Леонтьева М.В. Мониторинг девиантного поведения учащихся и студентов Архангельска // Социологические исследования. 2007. № 12. С. 104–107.
14. Масионис Дж. Социология. 9-е изд. СПб.: Питер, 2004.

15. Нархова Е.Н. Культура потребления современных российских студентов : автореф. дис. ... канд соц. наук. Екатеринбург, 2006.
16. Рахманинова М.Д. Идеологическая гламуризация: к постановке проблемы // Вестник РУДН. Фило-софия. 2010. № 4. С. 46–53.
17. Роспотребнадзор предупреждает – курение губительно для Вашего здоровья. URL: <http://75.rospotrebnadzor.ru/content/rospotrebnadzor-preduprezhdaet-%E2%80%93kurenie-gubitelno-dlya-zdorovya> (дата обращения: 22.04.2015).
18. Семенов В. Русская речь в современной России. URL: http://ruskline.ru/analitika/2011/02/28/russkaya_rech_v_sovremennoj_rossii/ (дата обращения: 21.11.2014).
19. Социальные сети в 2011 году: исследование comScore. URL: <http://www.cossa.ru/articles/149/11382/> (дата обращения: 12.02.2015).
20. Студенты страдают зависимостью от смартфонов. URL: <http://4pda.ru/2014/08/31/173735/> (дата обращения: 15.02.2015).
21. Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера // Гендерные тетради. Труды СПб филиала ИС РАН. СПб., 1997. С. 193–218.
22. Цапу А.Б. Социологический анализ потребления в среде российского студенчества (на материалах г. Санкт-Петербурга): автореф. дис. ... канд. соц. наук. СПб., 2008.
23. Шайдакова Н.В. Социально-психологические аспекты демонстративного потребления старшеклассников и студентов: дис. ... канд. психол. наук. М., 2014.
24. Шереги Ф.Э. Алкоголизация молодежи: состояние и тенденции. Центр социального прогнозирования и маркетинга. URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=256> (дата обращения: 01.11.2014).
25. Шереги Ф.Э. Наркоситуация в молодежной среде. URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=238> (дата обращения: 02.11.2014).
26. Adler F. Sisters in Crime. New York, 1975.
27. Andreassen C.S., Torsheim T., Brunborg G.S., Pallesen S. Development of a Facebook Addiction Scale // Psychological Reports. 2012. № 2. P. 501–517.
28. Chodorov N. The Reproduction of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender. Berkeley, 1978.
29. Douglas M., Wildavsky A. Risk and Culture. An Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers. Berkley and Los Angeles: Univ. of California Press, 1982.
30. Parsons T. Age and Sex in the Social Structure (1949) // Parsons, T. Essays in Sociological Theory Pure and Applied. Glencoe. Illinois, 1949. P. 218–232.

УДК 316.35

ПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ПЕТЕРБУРЖЦАМИ, НАХОДЯЩИМИСЯ В СОЦИАЛЬНО ОПАСНОМ ПОЛОЖЕНИИ

К.Ю. Белоусов.

И.О. Кудряков.

С целью характеристики потребления психоактивных веществ и в особенности алкоголя в среде несовершеннолетних, которые относятся к категории находящихся в социально опасном положении, сотрудниками отдела социологических исследований Городского центра социальных программ и профилактики асоциальных явлений «Контакт» был проведен анкетный опрос по репрезентативной для этой группы подростков выборке. Полученные в ходе исследования данные позволяют охарактеризовать возраст начала потребления алкоголя, структуру потребления и факторы, этому способствующие. В статье отмечается негативная роль семьи в профилактике алкопотребления несовершеннолетними и несостоятельность родителей по превенции подростковой алкоголизации.

Ключевые слова: подростки, потребление алкоголя, структура потребления алкогольных напитков, факторы алкопотребления.

Проблема алкоголизации населения России уже многие десятилетия не теряет своей актуальности, однако в последние годы она приобрела особую остроту не только в силу роста объемов потребляемых крепких спиртных напитков и числа пьющих лиц, но и по причине активного включения в процесс алкопотребления подростков и молодежи, что приводит к росту среди молодых россиян значительного числа больных алкоголизмом.

Уровень распространения среди населения Санкт-Петербурга заболевания, диагностируемого как «употребление алкоголя с вредными последствиями», составил в 2014 г. 7,79 на 100 тысяч населения (7,70 на 100 тысяч населения в 2013 году). В том же году этот диагноз был впервые поставлен 400 лицам (387 в 2013 году); из них 288 – несовершеннолетние до 18 лет (287 в 2013 году) [1, с. 12]. При всей кажущейся незначительности цифр юношей и девушек, больных алкоголизмом, не стоит забывать о том, что ранняя алкоголизация особо опасна по ряду причин: воздействие алкоголя на молодой организм приводит к более тяжелым последствиям медицинского и социального характера; резко сокращаются сроки перерастания пьянства в алкоголизм (2–4 года вместо 5–10 лет для взрослого человека); повышается вероят-

ность криминального поведения [2, с. 53–54]. Всё это вместе взятое позволяет говорить об актуальности проблемы подросткового и молодежного алкоголизма для современной России и необходимости системной реализации профилактических программ, которые ставят своей целью минимизацию негативных последствий этой формы девиантного поведения для молодежи. При этом важно помнить, что пристального внимания при проведении превенции заслуживают особые группы юношей и девушек, находящихся в социально опасном положении. Часто именно они по сравнению с благополучными подростками в большей степени подвержены алкоголизации. Беря за основу эту авторскую точку зрения (находящую своё эмпирическое подтверждение), в мае-июне 2015 года сотрудники отдела социологических исследований ГБУ «ГЦСП «Контакт» провели анкетный опрос среди несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении. Цель опроса – дать характеристику потребления психоактивных веществ (прежде всего, алкоголя).

Описывая выборочную совокупность более подробно, отметим, что её основу составили следующие группы респондентов:

- совершившие правонарушение, повлекшее

Белоусов Константин Юрьевич, кандидат социологических наук, начальник отдела социологических исследований СПб ГБУ «ГЦСП «КОНТАКТ»

e-mail: beloysovkonstantin@gmail.com

Кудряков Илья Олегович, кандидат социологических наук, социолог отдела социологических исследований СПб ГБУ «ГЦСП «КОНТАКТ»

e-mail: ilia.kudryakov@mail.ru

© Белоусов К.Ю., 2016

© Кудряков И.О., 2016

Статья получена: 23.03.2016

применение мер административного взыскания;

- совершившие правонарушение до достижения возраста, с которого наступает административная ответственность;

- освобожденные от уголовной ответственности вследствие акта амнистии или в связи с изменением обстановки либо с применением принудительных мер воспитательного воздействия;

- совершившие общественно-опасное деяние и не подлежащие уголовной ответственности в связи с не достижением возраста, с которого наступает уголовная ответственность.

Генеральная совокупность лиц, находящихся в социально опасном положении и в отношении которых проводятся адаптационные и реабилитационные мероприятия работниками ГБУ «ГЦСП «Контакт», составила 1328 человек. В ходе сбора данных был опрошен 501 подросток, на основе случайной выборки.

Основную массу респондентов составили юноши – 315 человек (62,9%), девушек в выборочной совокупности – 186 (37,1%). Средний возраст респондентов, принявших участие в опросе, 16 лет.

Описывая полученные нами данные, отметим, что 38,8% опрошенных юношей имели опыт потребления алкогольных напитков, тогда как среди несовершеннолетних девушек таким опытом обладали 23,3%. Средний возраст начала потребления у юношей 13,2 лет, а у девушек 13,5 лет. В целом по выборочной совокупности средний возраст начала разового или случайного употребления приходится на возраст 13,4 лет. Стоит добавить, что к 16 годам подростки вполне знакомы со спиртным. Так, почти половина опрошенных имели опыт употребления алкоголя до степени сильного опьянения (45,9%), при этом основная масса таких случаев приходится как раз на 16 лет.

Крайне интересным представляется выявление факторов, объясняющих специфику употребления алкоголя среди несовершеннолетних. Их знание может послужить основанием для организации эффективной профилактической работы учреждений сферы превенции в направлении сокращения вреда, вызванного употреблением юношами и девушками спиртосодержащих напитков. Так, при ответе на вопрос «Почему Вы употребляете (употребляли) алкоголь?» респондентам были предложены на выбор 6 вариантов ответов. Полученные данные вполне понятны и объяснимы, если учитывать социально-психологические характеристики подросткового возраста. Часто молодому человеку или девушке недостаёт уверенности в себе, в своих силах по самым разным причинам, это может быть, например, малый жизненный опыт, недостаток знаний и умений, финансовая несостоятельность и пр.

Они объективно не могут включиться во взрослую жизнь, но стремятся к ней и претендуют на равные со взрослыми права. Изменить они пока ничего не могут, но внешне подражают им, стремятся быть старше. Отсюда и появляются атрибуты «псевдовзрослости», которые придают уверенности в себе, в частности такие, как курение сигарет и употребление алкоголя. Значимым фактором, влияющим на принятие решения об употреблении спиртосодержащих напитков, оказывают также и друзья опрошенных. Их негативное воздействие на подростка часто становится определяющим при совершении им девиантных поступков (см. таблицу 1), что неоднократно находит свое подтверждение в отечественной и зарубежной литературе, результатах исследований, посвященных проблемам социальных отклонений подрастающего поколения.

Широкая доступность алкогольной продукции в финансовом плане и возможность её фактически беспрепятственного приобретения в ряде торговых точек (даже при наличии ответственности за продажу алкоголя несовершеннолетним) для подрастающего поколения часто становится предметом обсуждения на телевидении, в газетах, журналах, научных исследованиях. Однако вопрос о том, кто поспособствовал приобщению подростков к алкоголю, благодаря кому несовершеннолетние попробовали алкоголь, часто остаётся за пределами публичных дискуссий. Отвечая на этот вопрос в рамках проведенного исследования, респонденты наиболее часто выбирали ответ, свидетельствующий о самостоятельности их решения (вариант ответа «Сам(а) решил(а) попробовать») – 32,6%. При этом подобное суждение было свойственно как юношам, так и девушкам. Не менее популярным выбором стал вариант, согласно которому предложение попробовать алкоголь поступило от друзей (32,3%). Схожие данные были получены московскими коллегами, которые также отмечают, что «знакомство с алкоголем происходит в равной степени под влиянием сверстников или по собственной инициативе.» [3, с. 13].

Вопрос о том, насколько родители (семья) сегодня выступают действенным для профилактики инструментом социального контроля, остаётся сложным. Зачастую их действия в процессе воспитания ребенка являются безуспешными, что можно объяснить несколькими факторами. По мнению учёных, «сегодня повсеместно наблюдается кризис семьи – этой важнейшей колыбели человеческой личности, связанный с чрезмерной занятостью на работе и увлеченностью делом родителей, с неизбежными экономическими проблемами, с ослаблением традиционных семейных связей, закоренелыми конфликтами и часто

Таблица 1

Почему Вы употребляете (употребляли) алкоголь?

Алкоголь придает мне уверенности в себе (в своих силах)	46,4%
Мои друзья употребляют алкогольные напитки	30,4%
Алкоголь позволяет мне чувствовать себя старше	25,0%
Не считаю, что алкоголь вредит здоровью	17,9%
Употребляют алкоголь в семье	10,7%
Другое:	
1) Категория ответов «Ситуация праздника». Варианты ответов по категории: - был Новый год; - крупные праздники; - выпиваю по праздникам.	15,0%
2) Категория ответов «Депрессия». Варианты ответов по категории: - из-за нервов; - стресс- нервы; - депрессия, для поднятия настроения.	

Таблица 2

Знают/знали ли Ваши родители о том, что Вы употребляете (употребляли) алкоголь?

	% наблюдений
Да	59,0
Подозревают/подозревали	23,4
Нет, я скрываю/скрывал(а), что употребляю алкоголь	17,6
Всего	100,0

наблюдаемой непрочностью, непродолжительностью совместного проживания. Всё это уменьшает возможности воспитательного воздействия семьи на детей, которые оказываются лишеными необходимой опеки, заботы и контроля» [4, с. 257]. В силу указанных причин информация о появлении в поведении ребенка проявлений девиантности часто остается без должного внимания, в семье постепенно формируется атмосфера снисходительности к негативным поступкам с его стороны. Иными словами, родители владеют информацией о фактах асоциального поведения, но зачастую реальных действий к исправлению ситуации не предпринимают (или предпринимают, но они недостаточны), о чём свидетельствуют общие данные проведенного нами опроса (см. таблицу 2) и особенно результаты интервью со специалистами по социальной работе, которые ведут непосредственную профилактическую работу с ребенком. Бесспорно, недостаток родительского внимания и в целом семейные неурядицы могут являться едва ли не ключевым фактором, который способствует формированию интереса и часто подталкивает подростков к употреблению алкоголя.

В структуре потребления спиртосодержащих напитков несовершеннолетними также кроется один из факторов, влияющих на распространение алкогольной зависимости среди подростков. Пиво и водка традиционно составляют основу

алкогольных предпочтений большей части возрастных и гендерных групп россиян. Однако среди подростков наиболее популярными являются пиво (69,3%) и слабоалкогольные коктейли (39,5). Водка, напротив, наименее популярна (см. рисунок 1). Рассматривая алкогольные предпочтения опрошенных с учетом их гендерных характеристик, отметим, что слабоалкогольным коктейлям по большей части отдают предпочтение девушки, хотя и среди юношей они также весьма популярны. Если сравнивать особенности потребления алкоголя более благополучных групп молодежи Петербурга, например, студентов, то картина будет схожая. Структура потребления будет выглядеть следующим образом: 1. Пиво; 2. Слабоалкогольные коктейли; 3. Вино (шампанское); 4. Крепкие спиртные напитки (водка, коньяк) [5, с. 93].

Одной из причин массового распространения употребления пива среди молодежи большинство ученых, как в России, так и за рубежом, считают его массивную рекламу, которая делает употребление этого пенного напитка социально приемлемым. [6, с. 259]. Однако традиционность потребления алкоголя в России и «привлекательные» свойства слабоалкогольных «напитков» навязываются не только рекламными роликами на телевидении, но и через приёмы продактплейсмента в кинофильмах, телепередачах, в СМИ и т.д.

Подводя итог проделанной работе, скажем, что изучение потребления алкогольной продукции в

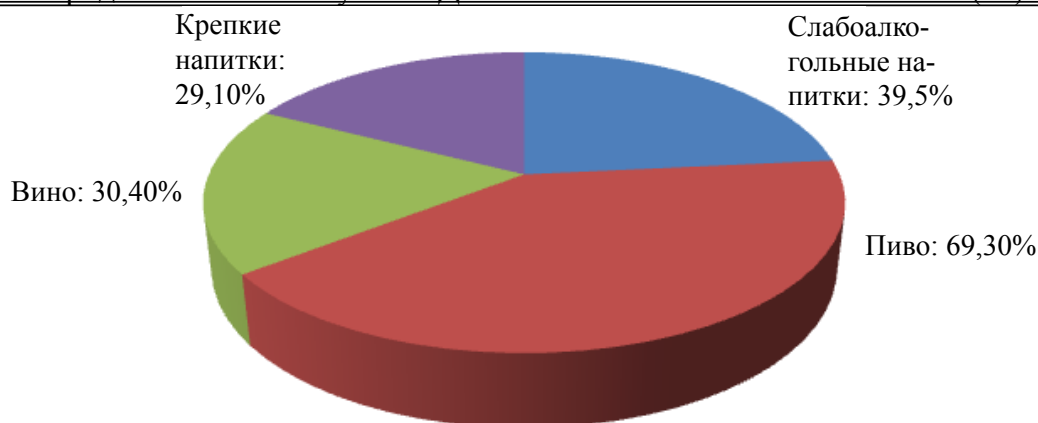

Рисунок 1. Употребляли ли Вы какие-либо из следующих видов алкогольных напитков в течение последних 12 месяцев?

среде несовершеннолетних, находящихся в социально-опасном положении, показало, что большая часть из них (больше 2/3) имела такой опыт. При этом юноши чаще, чем девушки, употребляют алкоголь, и возраст начала их потребления 13,2 лет, в то время как у девушек – 13,5. Основная масса случаев употребления спиртосодержащей продукции до степени сильного алкогольного опьянения (45,9% по всей выборке) приходится на возраст 16 лет, и чаще всего в таком состоянии находились именно представители мужской части выборочной совокупности. Стоит также отметить, что контингент подростков, сопровождаемых в ГБУ «ГЦСП «КОНТАКТ», с алкоголем в своей жизни встречается чаще, чем обычный среднестатистический подросток России. Как для юношей, так и для девушек наиболее популярным напитком является пиво. Поклонницами слабоалкогольных коктейлей чаще являются девушки.

Говоря о факторах, влияющих на распространение алкоголя среди наших респондентов, следует отметить, что последние объясняют своё употребление спиртных напитков тем, что они придают им уверенности в себе (в своих силах) и желанием стать старше. Среди внешних факторов, влияющих на распространение алкоголя в среде несовершеннолетних, наиболее значимыми следует считать влияние сверстников и членов семьи опрошенных (прежде всего, родителей), которые по разным причинам не предпринимают серьезных профилактических мер по превенции алкопотребления несовершеннолетними и их

дальнейшей алкоголизации.

О чём в широком контексте говорят полученные авторами статьи данные? К сожалению, о том, что реализуемые субъектами профилактики мероприятия, направленные на информирование несовершеннолетних об опасностях, которые несет в себе алкоголь, призывающие к отказу от алкопотребления и необходимости вести здоровый образ жизни, не получают должного отклика среди подрастающего поколения. Молодежь фактически остается невосприимчивой к формам превентивной работы с ней. И это характеризует не только несовершеннолетних групп риска, но и в целом всю субпопуляцию несовершеннолетних и молодежи. Очевидно, что современные явные и/или скрытые маркетинговые технологии, направленные на популяризацию потребления алкоголя, строящиеся с учетом психологических особенностей подросткового возраста, оказываются куда более действенными, нежели многообразные государственные или общественные программы, которые носят предупредительный характер. Считаем, что превенция алкопотребления среди подростков и молодежи должна строиться с учетом современных достижений в рекламе, маркетинге, менеджменте, говорить на доступном для ребенка языке, с использованием понятных ему визуальных образов, веселых, привлекательных мероприятий. И, возможно, тогда социологическими опросами и официальной статистикой будут фиксироваться иные, нежели сегодня, результаты включенности подростков и молодежи в потребление алкогольной продукции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Состояние наркологической службы. Учетная распространенность и первичная заболеваемость населения Санкт-Петербурга психическими и поведенческими расстройствами, вызванными употреблением психоактивных веществ. 2013–2014 гг. / В. Григорьев и др. СПб.: Комитет по здравоохранению Санкт-Петербурга, 2014. 77 с.
2. Гилянский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юридический центр Пресс, 2014. 752 с.
3. Потребление алкоголя в России социологический анализ / М.Е. Позднякова и др. // Информационно-

аналитический бюллетень Института социологии Российской академии наук. 2011. № 1.

4. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С.М. Червонной. М.: Логос, 2005. С. 425.

5. Опыт кросс-университетского исследования зависимостей в студенческой среде: Харьков, Луганск, Санкт-Петербург / И.П. Рущенко и др. // Общество и человек. 2015. № 1–2 (11).

6. Чекинева Т.В. Модели потребления алкоголя в подростковой среде // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс]: материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. М.: РОС, 2012.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Г.И. Уразаева
**ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ
и ее виктимизация**

*Граница между светом и тенью – ты.
Станислав Ежи Лем*

Уразаева Г. И.

Психология личности и ее виктимизация: учебное пособие / Г.И. Уразаева. – Казань: КЮИ МВД России, 2015. – 262 с.

В учебном пособии рассмотрены вопросы психологии личности в норме и патологии, закономерности и механизмы развития личности и ее виктимизации, представлены модели онтогенеза виктимности личности в аспекте формирования девиантного поведения. Дана характеристика психологических особенностей виктимизации индивидуума, условий ее генеза, динамики и психолого-педагогической профилактики.

Учебное пособие предназначено для курсантов, слушателей, адъюнктов вузов МВД России, преподавателей, практических психологов и других специалистов системы высшего образования, сотрудников правоохранительных органов, всех тех, кто интересуется проблемами формирования личности и социального поведения.

УДК 351.77; 343.532

**ЭФФЕКТИВНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ПРАВА ПОТРЕБИТЕЛЯ НА НАДЛЕЖАЩУЮ РЕКЛАМУ
ТОВАРОВ КАК СПОСОБ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ НАСЕЛЕНИЯ (НА
ПРИМЕРЕ БИОЛОГИЧЕСКИ АКТИВНЫХ ДОБАВОК)**

В.А. Туровская.**К.А. Корчагина.**

Статья рассматривает некоторые нарушения законодательства Российской Федерации о рекламе, способные повлиять на здоровье населения, а также деятельность Федеральной антимонопольной службы по их пресечению. Авторы формулируют предложения о внесении изменений и дополнений в законодательство Российской Федерации о рекламе и о защите прав потребителей, направленные на более эффективное обеспечение права потребителя на надлежащую рекламу товаров и охрану здоровья населения.

Ключевые слова: надлежащая реклама, добросовестная и достоверная реклама, законодательство о рекламе, антимонопольный орган власти, государственный контроль и надзор.

В современном мире реклама играет важную роль. Создавая её, специалисты стремятся любыми способами создать продукт, способный повлиять на потребителей, акцентировать их внимание на презентуемом товаре (услуге), сформировать потребность в нем, а также убедить его приобрести.

По нашему мнению, необходимость эффективного государственного регулирования общественных отношений, складывающихся в процессе производства, распространения и размещения рекламы, не вызывает сомнений. Прежде всего, это связано с тем, что информация, содержащаяся в рекламе, являясь частью информационных ресурсов, способна вводить граждан в заблуждение, воздействовать на массовое сознание людей, а также во многих случаях влияет на окончательный выбор потребителей, причем не всегда разумный. Кроме того, рекламная деятельность может недобросовестно использоваться в процессе конкурентной борьбы хозяйствующих субъектов, что нарушает принцип добросовестной конкуренции.

Отношения, возникающие в процессе производства, размещения и распространения рекламы, регулируются Федеральным законом «О рекламе» (далее – закон о рекламе), а также иными нормативными правовыми актами Президента РФ и Правительства РФ, принятыми в соответствии с ним.

Согласно российскому законодательству, ре-

клама – информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования (в частности, товаров), формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке (п. 1 ст. 3 закона о рекламе).

Современное российское законодательство о рекламе установило право потребителя на получение надлежащей рекламы, сформулировало основные понятия, систему запретов и обязательных для исполнения предписаний, определило систему органов государственной власти, осуществляющих административно-правовое регулирование, административную ответственность и порядок привлечения к ней, а также контрольно-надзорные полномочия органов государственной власти в сфере рекламы.

Акцентируем внимание на том, что в законодательстве определены два термина, составляющие в целом понятие надлежащей рекламы, – это добросовестность и достоверность. Посредством осуществления государственного контроля и надзора Федеральная антимонопольная служба (далее – ФАС России) призвана, в частности, обеспечивать защиту от ненадлежащей рекламы. Данному вопросу посвящена глава 5 закона о ре-

Туровская Виктория Александровна, руководитель пресс-службы Департамента лесного хозяйства по Дальневосточному федеральному округу Федерального агентства лесного хозяйства
e-mail: viptppp@mail.ru

Корчагина Ксения Александровна, кандидат юридических наук, преподаватель-методист отделения методического обеспечения учебного процесса учебного отдела Ростовского юридического института МВД России
e-mail: viptppp2@mail.ru

© Туровская В.А., 2016

© Корчагина К.А., 2016

Статья получена: 19.11.2015

кламе, которая устанавливает систему государственных мер защиты от ненадлежащей рекламы, определяет порядок рассмотрения дел по фактам нарушения принципов добросовестной конкуренции и прав потребителей на достоверную информацию при рекламе товаров. Например, в соответствии с законом о рекламе антимонопольный орган осуществляет в пределах своих полномочий государственный надзор за соблюдением законодательства РФ о рекламе, в том числе: предупреждает, выявляет и пресекает нарушения физическими или юридическими лицами законодательства РФ о рекламе; возбуждает и рассматривает дела по признакам нарушения законодательства Российской Федерации о рекламе (п. 1 ст. 33 закона о рекламе). Существенным недостатком главы 5 закона о рекламе авторы считают формулировку пункта 2 статьи 33, которая определяет полномочия антимонопольного органа как его права, а не как непосредственные обязанности. Данный вывод был сделан на основании того, что перед перечнем полномочий рассматриваемого органа правотворец употребил следующее словосочетание «Антимонопольный орган вправе». В связи с этим видится необходимым заменить обозначенное словосочетание на «Антимонопольный орган обязан».

В целях реализации надзорной функции ФАС России наделен рядом полномочий. В их число, кроме прочего, входят: выдача рекламопроизводителям, рекламодателям, рекламодателям обязательных для исполнения предписаний о прекращении нарушения законодательства РФ о рекламе; предъявление в суд или арбитражный суд исков о запрете распространения ненадлежащей рекламы, о публичном опровержении недостоверной рекламы; выдача предписания о расторжении договоров на оказание услуг по распространению телевизионной рекламы, заключенных с нарушением требований закона о рекламе; применение мер ответственности в соответствии с законодательством РФ об административных правонарушениях.

Таким образом, ФАС России призвана обеспечивать такое право потребителя, как право на получение добросовестной и достоверной рекламы товаров. Однако, несмотря на то, что о наличии данного права говорится в законе о рекламе (ст. 1 закона о рекламе), определения его содержания в нем не дано. Исходя из содержания понятий «реклама», «объект рекламирования» (п. 1, п. 2 ст. 3 закона о рекламе), обозначенное право не что иное, как право потребителя на получение необходимой и достоверной информации, в том числе о товарах при их рекламировании. Кроме того, Федеральном законе «О защите прав потреби-

лей» от 7 февраля 1992 года № 2300-1 о данном праве вообще умалчивается. В его преамбуле, а также в статьях 8, 10 говорится лишь о праве потребителей на получение информации о товарах, которое трактуется законодателем весьма узко и необоснованно не включает в себя право потребителя на получение основной из обозначенной информации при её рекламировании. Исходя из анализа статьи 8, можно ошибочно прийти к выводу о том, что обозначенная информация должна доводиться до потребителей лишь в двух случаях: при заключении договоров купли-продажи либо по требованию потребителя. Таким образом, мы полагаем, что указанная норма не соответствует правовой действительности, вступает в коллизию с нормами закона о рекламе, а так же с нормами самого закона о защите прав потребителей, закрепляющего в пункте 1 статьи 10 принцип своевременности предоставления потребителю необходимой и достоверной информации о товаре, обеспечивающей возможность их правильного выбора. Авторы считают, что принцип своевременности предоставления такой информации в полной мере будет реализован лишь в том случае, если она будет предоставляться не только в момент выбора и покупки товара в местах его реализации, но и вне этих мест, в том числе в момент её рекламирования. Данный вывод был сделан с учетом того факта, что информация, содержащаяся в рекламе, во многих случаях влияет на окончательный выбор потребителя. Безусловно, объем указанной информации в том и ином случае будет значительно отличаться. Содержание информации о товарах при их рекламировании должно быть иным (более узким), чем содержание информации, установленное в статье 10 закона о защите прав потребителей, предоставляемой покупателю в местах их реализации, в частности при заключении договора купли-продажи.

Вместе с тем, по нашему мнению, существенным недостатком формулировки статьи 8 закона о защите прав потребителей является её наименование. Данный вывод обусловлен тем, что в её названии отсутствует ссылка на качественные показатели рассматриваемой информации, что не только не способствует отражению её содержания, но и искажает смысл статьи. Подчеркнем, что, исходя из содержания статей 8–10 данного закона, видно, что потребитель имеет право не просто на информацию, в том числе о товаре, а на полную и достоверную информацию.

На основании вышеизложенного предлагаем:

1) изменить наименование статьи 8 закона о защите прав потребителей. Слова «Право потребителя на информацию об изготовителе

(исполнителе, продавце) и о товарах (работах, услугах)» заменить на слова «Право потребителя на полную и достоверную информацию об изготовителе (исполнителе, продавце) и о товарах (работах, услугах)»;

2) дополнить статью 8 закона о защите прав потребителей пунктами 3, 4 в следующей редакции:

«3. Потребитель вправе получать необходимую, достоверную и добросовестную информацию о товарах (работах, услугах) при их рекламировании.

4. Указанная в пункте 3 настоящей статьи информация в наглядной и доступной форме доводится до сведения потребителей в соответствии с законодательством о рекламе»;

3) дополнить статью 10 закона о защите прав потребителей пунктом 4 в следующей редакции: «Обязательные требования к содержанию информации о товарах (работах, услугах) при их рекламировании (требования к рекламе) отражены в понятиях «добросовестная реклама» и «достоверная реклама», устанавливаются законодательством о рекламе».

Необходимо отметить: право потребителя на получение добросовестной и достоверной рекламы товаров тесно переплетается с конституционным правом человека на охрану здоровья (ст. 7, ст. 41 Конституции РФ), поскольку информация о рекламном продукте может ввести потребителей в заблуждение относительно их истинных потребительских свойств и привести к нанесению вреда здоровью. Реклама может способствовать тому, чтобы потребитель как недооценил свойства БАД, так и переоценил. Например, вред здоровью в первом случае, может быть связан с побочными эффектами от применения таких пищевых продуктов, как биологически активные добавки (далее – БАД), содержащих в своем составе определенные компоненты, позволяющие приблизить некоторые из них по своим свойствам к лекарственным средствам, но рекламируемые как безобидная или даже полезная во всех отношениях добавка. Туровская К.А. в своем исследовании подчеркивала: «Современная классификация подразумевает разделение БАД на два основных класса: нутрицевтики (вещества, обладающие преимущественно пищевой ценностью) и пара-фармацевтики (вещества, обладающие регулирующим действием и занимающие промежуточное положение между лекарственными средствами и пищевыми продуктами, поскольку в своем составе содержат биологически активные вещества, имеющие терапевтическую активность)» [1]. Однако на законодательном уровне указанное деление не произведено, что и предлагает исправить названный исследователь.

Кроме того, по её мнению, подходить к определению сущности БАД необходимо иначе, нежели к «традиционным» пищевым продуктам. При этом указанный исследователь обосновывает необходимость выделения БАД – парафармацевтиков в отдельную категорию продуктов с включением их в сферу применения федерального закона «Об обращении лекарственных средств» [1, с. 3, с. 17], с прохождением последних клинических испытаний как фармацевтические препараты, регулярным сбором информации об их побочных действиях уполномоченными на то государственными органами.

Вред здоровью во втором случае может быть связан действиями недобросовестных хозяйствующих субъектов, которые, используя различные источники информации, представляют населению заведомо ложные сведения о потребительских свойствах БАД, рекомендуют их к применению в качестве лечебных препаратов или как альтернативу здоровому питанию, что может привести, например, к прогрессированию имеющихся у потребителей болезней. Однако, в соответствии с ч. 1 ст. 25 закона о рекламе, реклама БАД не должна: создавать впечатление о том, что они являются лекарственными средствами и (или) обладают лечебными свойствами; содержать ссылки на конкретные случаи излечения людей, улучшения их состояния в результате применения таких добавок; содержать выражение благодарности физическими лицами в связи с применением таких добавок; побуждать к отказу от здорового питания; создавать впечатление о преимуществах таких добавок путем ссылки на факт проведения исследований, обязательных для государственной регистрации таких добавок, а также использовать результаты иных исследований в форме прямой рекомендации к применению таких добавок. В одной из статей авторов говорилось о том, что «побуждение в рекламе к отказу от здорового питания встречается редко, а вот косвенное побуждение к отказу от лекарственных средств реклама БАД призывает довольно часто, но этот пункт в законе отсутствует» [2]. Именно поэтому в указанной публикации предлагалось п. 4. ч.1. ст. 25 ФЗ «О рекламе», который говорит, что реклама БАД не должна «побуждать к отказу от здорового питания», изложить в следующей редакции:

«4) побуждать к отказу от здорового питания или к отказу от лекарственных средств».

Подобная ситуация складывается и при рекламировании иных товаров. Например, некоторые современные технические аппараты не редко рекламируют как медицинские, способные заменить ту или иную медицинскую процедуру, хотя их истинное назначение – в лучшем случае

профилактика здоровья, а не лечение. Указанные действия – нарушения п. 6 ч. 5 ст. 5, в соответствии с которым не допускается указание на лечебные свойства, то есть положительное влияние на течение болезни, объекта рекламирования, за

исключением такого указания в рекламе лекарственных средств медицинских услуг, в том числе методов лечения, изделий медицинского назначения и медицинской техники.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Туровская К.А. Административно-правовое регулирование общественных отношений в сфере обращения биологически активных добавок: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2012.
2. Туровская В.А. Туровская К.А. Некоторые нарушения законодательства РФ о рекламе биологически активных добавок и административная ответственность за них // Административное право и процесс. 2012. № 6. С. 63–65.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Демидова-Петрова Е.В.

Формы и методы предупреждения преступности несовершеннолетних в Республике Татарстан: учебное пособие / Е.В. Демидова-Петрова. – Казань : КЮИ МВД России, 2016. – 210 с.

Учебное пособие посвящено проблеме предупреждения преступности несовершеннолетних, его научному определению, а также разработке предложений по совершенствованию системы предупреждения преступности несовершеннолетних. В работе рассматриваются понятие, сущность и основные принципы предупреждения преступности несовершеннолетних, исследованы общесоциальное и специальное предупреждение преступности несовершеннолетних (по материалам Республики Татарстан), предложен правовой анализ законодательства, затрагивающего права, свободы и интересы несовершеннолетних, проиллюстрированы программы, реализуемые в Республике Татарстан в отношении несовершеннолетних, обобщены международно-правовые основы предупреждения преступности несовершеннолетних.

Адресована ученым-криминологам, работникам правоохранительных органов и органов социальной защиты населения, студентам и курсантам юридических вузов, а также широкому кругу читателей.

УДК 343.35

СОВРЕМЕННЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ: РЕАЛЬНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

С.И. Грачев.

В статье проведен мониторинговый анализ террористических действий (актов) в конце 2015 года. Рассматривается криминальная деятельность международной террористической организации «Исламское государство» (ИГ). Обозначаются тенденции возможных преступных действий приверженцев ИГ на территории России. Отмечается важность постоянного мониторингового анализа и владения информацией о современной террористической практике сотрудниками правоохранительных органов.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, террористическая деятельность, террористические акты, информация, мониторинг, «Исламское государство», преступность.

Терроризм в современных условиях представляет собой глобальное, широко распространенное, прочно объединенное в единое целое политико-социально-экономическое явление, сравнимое по своей опасности с мировыми войнами, бесконтрольным распространением оружия массового уничтожения и иными особо опасными угрозами существования человечества. С позиции современной права, политологии, криминологии терроризм характеризуется как комплекс преступных деяний, относимых к преступлениям против государственной, общественной и личной безопасности, где целью являются – нанесение ущерба государствам, обществу, конкретным людям [1]. А значит, современный терроризм является одной из главных угроз национальной безопасности России.

Несмотря на достигнутые успехи в структуре антитерроризма, насущными остаются такие проблемы, как: поверхностное отношение к вопросам безопасности, особенно в региональных и муниципальных органах власти; слабое антитеррористическое мировоззрение в сознании людей; нередко формальная реализация программ информационно-пропагандистского обеспечения антитеррористической деятельности; беспечность в вопросах личной безопасности российских граждан. К проблемным факторам следует также отнести

С.Н. Мольков.

недостаточное (в ряде случаев) владение мониторинговой информацией о современных угрозах, опасностях, тенденциях современного терроризма оперативным составом правоохранительных органов, который, в рамках оперативно-розыскной деятельности, призван осуществлять выявление, предупреждение и пресечение преступлений экстремистского характера, а также проводить превентивные мероприятия в системной детерминанте антитерроризма. Учитывая особое значение перечисленного выше комплекса проблем, постоянное изменение в тактике деятельности террористических формирований, большое количество информационного материала о террористических актах конца 2015 года, не подвергнутого мониторинговому анализу, считаем данную тему весьма актуальной как в плане мониторингового анализа, так и в прикладном отношении.

Среди ведущих тенденций современного терроризма выделяется та, которая во второй половине 2015 года аккумулировала в себе возрастающий уровень организации террористической деятельности, блокирование террористических организаций и жестокость насильственных актов, уносящих сотни человеческих жизней.

13 ноября 2015 года во Франции произошла серия терактов, которые унесли жизни 153 человек. [2]. Днем раньше (12 ноября 2015 года) взрывы про-

Грачев Сергей Иванович, доктор политических наук, профессор кафедры социально-правовых дисциплин Приволжского Института повышения квалификации ФНС России
e-mail: sig-nur@mail.ru

Мольков Сергей Николаевич, аспирант Института международных отношений и мировой истории (ИМОМИ) Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
e-mail: sig-nur@mail.ru

© Грачев С.И., 2016

© Мольков С.Н., 2016

Статья получена: 08.12.2015

гремели в южном пригороде Бейрута на оживленной улице рядом со зданием полиции. Количество жертв в результате двойного теракта в пригороде Бейрута составило 37 человек, 180 мирных граждан были ранены [3]. 17 ноября 2015 года Директор ФСБ РФ Александр Бортников сообщил, что катастрофа российского самолета в Египте (31.10.2015 г.) произошла в результате теракта. Погибло 224 человека, из них 25 детей [4]. Только за ноябрь-декабрь 2015 г. было совершено более 20 террористических актов, унесших более тысячи человеческих жизней. Папа Римский в ноябре 2015 года заявил, что «нападение на Париж является частью и началом Третьей мировой войны. Не может быть никаких оправданий произошедшему» [4]. Это значит, что мир несколько последних лет находился в преддверии мировой войны, субъектами которой являлись террористические объединения. Следует заметить, что в последние годы они активно заявляют о себе, как о полноправных акторах региональной и даже международной политики [5, с. 242]. Понимая, что против них могут объединиться государства, они сами начали процесс блокирования. Так, лидер террористической организации «Аль-Каида» Айман аль-Завахири летом 2015 года призвал своих сторонников к прекращению внутренней борьбы и совместному противостоянию странам Запада, России, Сирии и Ирану [6]. 2 ноября 2015 года семеро лидеров террористических группировок договорились прекратить вражду друг с другом ради общих целей [7]. Таким образом, объективной следует считать информацию американского телеканала NBC со ссылкой на высокопоставленный источник в разведке США, что к терактам в Париже может быть причастна и организация «Аль-Каида» [8].

В данном контексте следует отметить, что события во Франции 13 ноября 2015 года вызвали у экспертов серию вопросов. И главный вопрос: почему подготовка к преступлениям террористического характера оказалась вне поля зрения специальных служб Пятой республики и их бельгийских коллег? Ведь среди террористов были не вновь прибывшие мигранты из Сирии, Ирака, Афганистана и т.д. Хотя и в составе вновь прибывших немало радикально настроенных людей, направленных топ-менеджментом от терроризма на «оседание» в Европе и для дальнейшего участия в экстремистской деятельности. Подготовка к терактам проходила не один день. Террористы базировались по нескольким адресам. В подготовке акций принимали участие не один десяток людей. Весьма странно, как это не попало в зону внимания специальных служб Франции. Вместе с этим следует отметить, что активизации экстремистской

деятельности в республике не только не мешала, а даже «способствовала» и «слепая вера» в политику мультикультурализма, которая, к сожалению, не сближала культуры, а благоприятствовала созданию своего рода «закрытых» для французских правоохранительных органов национальных анклавов. Этому же потворствовала чрезмерная толерантность в Республике, которая в нынешних условиях не является синонимом терпимости, а скорее всего это фактор сдачи своих национальных, да и религиозных позиций. Не хотелось бы, чтобы подобное произошло на российской земле. А предпосылки к этому, к сожалению, имеются.

Значительную опасность также вызывает тенденция *активного блокирования организованной преступности и терроризма*, которая приняла в настоящее время форму прямого сращивания. При этом организованная преступность – это форма преступности, для которой характерны (кроме прочего) связи с государственными структурами, основанные на коррупционных механизмах. А это значит, что террористическая деятельность невозможна без соответствующих (коррупцированных) контактов в органах власти и управления. Таким образом, существование и «функционирование» экстремистских и террористических формирований предполагает участие в преступной деятельности коррупционного элемента [9, с. 18]. Следовательно, терроризм и коррупция в действительности тесно взаимосвязаны друг с другом.

Яркими международными примерами этого является деятельность «Аль-Каиды», «Исламского государства» и целого ряда других формирований. Да и в России, по мнению специалистов, «не всегда было ясно, за что боролись чеченские террористы: «национальную независимость» Чечни или сохранение возможностей продолжать весьма прибыльный криминальный бизнес». К тому же, по мнению аналитиков, сближение мафиозно – клановых ответвлений западных стран и радикальных исламистских группировок ряда стран Ближнего Востока началось не вчера. Сегодня их взаимодействие выходит на качественно новый этап [10, с. 53]. А поэтому «Исламское государство» рассматривается в качестве крупномасштабного трансграничного криминального проекта, который после Балкан, Северного Кавказа в качестве плацдарма использует арабский мир.

Обратимся к примерам и статистике. Так, на ноябрь 2015 года ИГ контролировало активы на сумму до 2 млрд долларов и располагало значительными валютными резервами, пополнявшимися, прежде всего, от нефтяных доходов. Нефть (бандитская, преступная, террористическая нефть) продавалась тому, кто имел организационные и

финансовые возможности. А это – транснациональные компании и финансово-экономические группы с выходом на государственные структуры [10, с. 50–52]. Следовательно, тезис о самофинансировании ИГ, который активно транслировался через средства массовой коммуникации, на поверку, как минимум, не состоятелен. Ибо эффективная экономическая деятельность в современном мире невозможна без посредничества международных финансовых структур или банковской системы отдельных государств. По этому поводу на итоговом саммите G20 В.В. Путин отметил, что необходимо предотвращать незаконную продажу и получение террористами доходов от нефти и нефтепродуктов. Тем более, что финансирование террористов в Сирии ведут четыре десятка стран, в том числе из государств «двадцатки» [11].

Еще одним из важнейших факторов в структуре национальной безопасности нашей страны является опасность экспорта терроризма из Исламского государства на территорию России при участии граждан РФ, прошедших подготовку в лагерях ИГ и участвовавших в боевых действиях. По состоянию на октябрь 2015 года принимали участие в преступной деятельности ИГ 2719 российских граждан [12]. По мнению экспертов, ротация прошедших «исламистские» горячие точки контингента приведет к еще большей радикализации ислама в России. Подобное явление наблюдалось в Саудовской Аравии и других арабских странах, чьи моджахеды участвовали в войне с советскими войсками в Афганистане. Когда участники военных действий вернулись в свои страны, они принесли с собой абсолютную нетерпимость к инакомыслию. К тому же человек, привыкший убивать, считающий это справедливым актом и получающий за это солидные деньги, редко возвращается к ненасильственной жизни и мирной профессии [5, с. 242]. Сообщая о начале операции в Сирии, Президент России В.В. Путин отметил, что в рядах ИГ находится значительное число выходцев из России и «если они достигнут успеха в Сирии, то неминуемо вернуться в свои страны, придут и в Россию» [10, с. 62].

В современной ситуации, деятельность специалистов в области обеспечения антитеррористической безопасности возрастает вдвойне. Ибо возможность использования возвратившихся из т.н. «горячих точек» граждан России для инспирирования всевозможных негативных политических и

социальных движений, экстремистских действий и террористических операций, создания так называемых «спящих ячеек» становится реальностью. К тому же лидер «Исламского государства» Абу Бакр аль-Багдади, объявив себя верховным халифом, заявил, что одним из главных врагов Исламского государства является Россия [13].

Активно используя новейшие методики в области Public Relations, специалисты «Исламского государства» профессионально поддерживают в массах версию о «новом крестовом походе против исламской цивилизации, приобретая все новых симпатизантов в умме, в том числе – из числа мусульман, проживающих на территории «дальних врагов» (Россия, Китай, Европа, США).

Одновременно в отношении «дальних врагов» активно проводится так называемая политика «баланса рисков». Смысл ее заключается в следующем: точечными акциями поддерживать страх у населения перед терроризмом и террористами; активизировать процесс исламофобии на указанных территориях; увеличить число своих сторонников, в том числе среди мусульман, постоянно проживающих в России, Европе т.д. Учитывая хорошую подготовленность специалистов Public Relations, находящихся в составе «Исламского государства», на легкую победу в области контрпропаганды в системе антитерроризма рассчитывать не следует.

В 2015 году было предотвращено 20 преступлений террористической направленности [14]. Количество попыток проведения террористических актов на территории России, к сожалению, не будет уменьшаться. Активизация деятельности специальных служб и правоохранительных органов в данной ситуации несомненна. Вместе с этим следует озаботиться и руководителям антитеррористических комиссий на местах, ибо основная работа по вербовке и мотивированию будущего «боевика» происходит не только в виртуальном, но и в реальном мире – в мечетях, в общинах верующих, в учебных учреждениях, на молодежных встречах и т.п. И там тоже должна проходить линия информационного антитеррористического противодействия. А это невозможно осуществить на достойном уровне без постоянного мониторинга, продуктивного анализа и владения информацией о современной террористической практике, которая не имеет статического состояния и постоянно совершенствуется, в ряде случаев опережая развитие системы антитерроризма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грачев С.И., Сорокин М.Н., Азимов Р.А. Терроризм: концепты, идеология, проблемы противодействия: монография. **Н.Новгород**: Институт ФСБ России, 2015. С. 4.
2. URL: <http://www.mixnews.lv/ru/world/news/2015-11-14/188964> (дата обращения: 12.11.2015).
3. URL: <http://ria.ru/world/20151112/1319481996.html> (дата обращения: 12.11.2015).

4. URL: <http://newru.org/75993-2/> (дата обращения: 12.11.2015).
5. Грачев С.И., Корнилов А.А. К вопросу о дефиниции «терроризм» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2014. № 3. С. 242–245.
6. URL: http://www.topnews.ru/news_id_83626.html (дата обращения: 12.11.2015).
7. URL: <http://nsn.fm/in-the-world/ekspert-obedinenii-igil-i-al-kaidy-zasluga-ssha.php> (дата обращения: 12.11.2015).
8. URL: <http://saint-petersburg.ru/m/accidents/apaley/342855/> (дата обращения: 12.11.2015).
9. Грачев С.И., Морозова А.С. Детерминирующие факторы в превенции коррупции, терроризма и экстремизма у студенческой молодежи в новейшей истории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2. С. 18–23.
10. «Исламское государство»: Сущность и противостояние. Аналитический доклад. Владикавказ, 2015. С. 50–67.
11. URL: <http://tass.ru/politika/2442334> (дата обращения: 12.11.2015).
12. URL: <http://www.1tv.ru/news/social/294081> (дата обращения: 10.10.2015).
13. URL: <http://enews.md/news/view/45814/> (дата обращения: 12.10.2015).
14. URL: <http://www.1tv.ru/news/social/294081> (дата обращения: 12.10.2015).

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Сайфутдинова А.Д.

Механизм реализации права на неприкосновенность жилища в правоохранительной деятельности органов внутренних дел: монография / А.Д. Сайфутдинова. – Казань: КЮИ МВД России, 2016. – 132 с.

Монография посвящена теоретическим вопросам и практическим проблемам реализации права на неприкосновенность жилища в процессе осуществления правоохранительной деятельности органов внутренних дел.

Работа адресована курсантам и слушателям юридических вузов МВД России, сотрудникам органов внутренних дел.

ЭВОЛЮЦИЯ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: 2006–2016 ГОДЫ

П.В. Самолысов.

Т.Э. Щерба.

Настоящая статья имеет целью рассмотреть эволюцию антимонопольного законодательства за десять лет существования Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции». Впервые приведенный анализ включает как количественные, так и содержательные параметры произошедших изменений.

Ключевые слова: конкуренция, Закон о защите конкуренции, антимонопольные пакеты поправок, антимонопольные органы, ФАС России.

Предприниматели справедливо говорят о необходимости стабильного законодательства и предсказуемых правил.

В.В. Путин [1]

Современное российское антимонопольное законодательство берет своё начало в 1991 году после принятия Закона РСФСР от 22 марта 1991 года № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», который «продержался» 15 лет и был поправлен законодателем 10 раз.

В 1999 году российское антимонопольное законодательство пополнилось Федеральным законом от 23 июня 1999 года № 117-ФЗ «О защите конкуренции на рынке финансовых услуг». Данный закон действовал 7 лет и был поправлен 2 раза.

Указанные законы были положены в основу нового антимонопольного законодательства – Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон, Закон о защите конкуренции), за 10 лет существования которого было принято 35 федеральных законов, вносящих в него те или иные изменения и дополнения (см. таблицу 1). При этом одни законы вносили концептуальные изменения (вводились новые статьи и главы или признавались утратившими силу некоторые положения), другие носили «косметический» характер и связаны были в основном с юридико-техническими правками.

Как видно из таблицы 2 количество изменений, вносимых каждым из принятых федеральных за-

конов в Закон о защите конкуренции, различно и не имеет однозначной связи с численностью последних, и достигло, по состоянию на 1 июля 2016 года значения 466 (!).

Приведенные данные свидетельствуют о повышенном внимании законодателя к антимонопольному законодательству и продолжающейся «рецепции общеевропейских норм и институтов конкурентного права» [2, с. 13].

При этом нововведения в антимонопольное законодательство в истекшем десятилетии шло путём содержательных новаций, затрагивающих функции, полномочия, права и обязанности участников отношений, связанных с защитой конкуренции при сохранении общей структуры Закона о защите конкуренции.

1. Новеллы.

Всего в Закон о защите конкуренции за время его действия было внесено 20 статей и новый институт «Недобросовестная конкуренция», регламентируемый 8 статьями.

Новый институт развил сферу пресечения недобросовестной конкуренции, детализировав перечень форм недобросовестной конкуренции.

Что касается новых статей, то большинство из них восполняют пробелы в процедуре:

- проведения проверок соблюдения антимонопольного законодательства (ст. 25.1 «Проведение проверок антимонопольным органом», ст. 25.2 «Доступ должностных лиц антимонопольного органа на территорию или в помещение для про-

Самолысов Павел Валерьевич, кандидат педагогических наук, доцент, заместитель начальника Контрольно-инспекционного управления в сфере государственного оборонного заказа Федеральной антимонопольной службы
Щерба Тахир Эдуардович, начальник пятого отдела Управления по борьбе с картелями Федеральной антимонопольной службы

© Самолысов П.В., 2016

© Щерба Т.Э., 2016

Статья получена: 19.04.2016

Таблица 1.

Распределение принятых федеральных законов, вносящих изменения и дополнения в Закон о защите конкуренции, по годам

Год	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016 (1-е полугодие)	Всего
Кол-во	1	3	4	3	7	2	7	2	6	0	35

Источник: разработано и посчитано авторами.

Таблица 2.

Количество изменений, внесенных федеральными законами в Закон о защите конкуренции

Год	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016 (1-е полугодие)	Всего
Внесено дополнений (новых пунктов, абзацев, частей, статей, глав)	0	10	28	1	58	2	1	2	65	0	167
Изложено в новой редакции, произведено замен	1	8	57	3	108	2	40	1	57	0	277
Признано утратившими силу, исключено	0	3	1	0	6	0	4	0	8	0	25
Итого:	1	21	86	4	172	4	45	3	130	0	466

Источник: разработано и посчитано авторами.

ведения проверки», ст. 25.3 «Осмотр», ст. 25.4 «Истребование документов и информации при проведении проверки», ст. 25.5 «Общие требования, предъявляемые к протоколу, составленному при проведении действий по осуществлению антимонопольного контроля», ст. 25.6 «Оформление результатов проверки»). Приведенные нормы расширяют и уточняют права антимонопольного органа при проведении проверок соблюдения антимонопольного законодательства;

- рассмотрения дел о нарушении антимонопольного законодательства (ст. 41.1 «Сроки давности рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства», ст. 42.1 «Иные лица, участвующие в рассмотрении дела о нарушении антимонопольного законодательства», ст. 42.2 «Отводы членов комиссии по рассмотрению дела о нарушении антимонопольного законодательства», ст. 45.1 «Доказательства и доказывание по делу о нарушении антимонопольного законодательства» [3], ст. 45.2 «Порядок доступа лиц, участвующих в деле о нарушении антимонопольного законодательства, к материалам дела, содержащим коммерческую тайну», ст. 48.1 «Заключение об обстоятельствах дела», ст. 51.1 «Разъяснение решения и (или) предписания по делу о нарушении антимонопольного законодательства. Исправление описки, опечатки и арифметической ошибки», ст. 51.2 «Пересмотр решения и (или) предписания по делу о нарушении антимонополь-

ного законодательства по новым и (или) вновь открывшимся обстоятельствам»). Указанные новеллы напрямую не влияют на состав полномочий антимонопольного органа, но имеют важное значение для участников процесса.

Введение «третьим антимонопольным пакетом»: - ст. 11.1 «Запрет на согласованные действия хозяйствующих субъектов, ограничивающие конкуренцию» позволило окончательно исключить «смещения» в антимонопольном законодательстве двух совершенно разных понятий, не находящихся в причинно-следственной связи друг с другом – «соглашения» и «согласованные действия» [4]. Фактически статья 11 Закона о защите конкуренции (Запрет на ограничивающие конкуренцию соглашения и согласованные действия хозяйствующих субъектов) «разделена» на две части: статью 11 «Запрет на ограничивающие конкуренцию соглашения хозяйствующих субъектов» и статью 11.1 «Запрет на согласованные действия хозяйствующих субъектов, ограничивающие конкуренцию».

В результате запреты на антиконкурентные «соглашения» и «согласованные действия» оказались «разведены» по разным статьям Закона о защите конкуренции;

- ст. 18.1 «Порядок рассмотрения антимонопольным органом жалоб на нарушение процедуры торгов и порядка заключения договоров, порядка осуществления процедур, включенных

в исчерпывающие перечни процедур в сферах строительства» расширила полномочия антимонопольного органа по рассмотрению жалоб на нарушение процедуры торгов и порядка заключения договоров, порядка осуществления процедур, включенных в исчерпывающие перечни процедур в сферах строительства, а также определило порядок их рассмотрения;

- ст. 25.7 «Предостережение о недопустимости нарушения антимонопольного законодательства» и ст. 39.1 «Предупреждение о прекращении действий (бездействия), которые содержат признаки нарушения антимонопольного законодательства», расширила применение превентивных мер, применяемых антимонопольным органом в целях предупреждения нарушения антимонопольного законодательства и (или) пресечения действий (бездействия), которые приводят или могут привести к недопущению, ограничению, устранению конкуренции и (или) ущемлению интересов других лиц (хозяйствующих субъектов) в сфере предпринимательской деятельности либо ущемлению интересов неопределенного круга потребителей;

- ст. 26.1 «Сделки, иные действия, подлежащие государственному контролю» определила, что государственному контролю подлежат сделки, иные действия в отношении активов российских финансовых организаций и находящихся на территории Российской Федерации основных производственных средств и (или) нематериальных активов либо в отношении голосующих акций (долей), прав в отношении российских коммерческих и некоммерческих организаций, а также иностранных лиц и (или) организаций, осуществляющих поставки товаров на территорию Российской Федерации в сумме более чем один миллиард рублей в течение года, предшествующего дате осуществления сделки, иного действия.

Ст. 17.1 «Особенности порядка заключения договоров в отношении государственного и муниципального имущества» введена в действие Федеральным законом от 30.06.2008 № 108-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О концессионных соглашениях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и касается вопросов предоставления имущества [Разъяснения ФАС России от 01.11.2011 «По применению статьи 17.1 Закона о защите конкуренции, Правил проведения конкурсов или аукционов на право заключения договоров, предусматривающих переход прав владения и (или) пользования в отношении государственного или муниципального имущества, утвержденных Приказом ФАС России № 67 от 10.02.2010»; Разъяснения ФАС России от 05.06.2012 «По применению

статьи 17.1 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 06.12.2011 № 401-ФЗ) и Правил проведения конкурсов или аукционов на право заключения договоров аренды, договоров безвозмездного пользования, договоров доверительного управления имуществом, иных договоров, предусматривающих переход прав в отношении государственного или муниципального имущества, утвержденных Приказом ФАС России от 10.02.2010 № 67 (с учетом изменений, внесенных Приказами ФАС России от 20.10.2011 № 732 и от 30.03.2012 № 203)»].

Наряду с приведенными новеллами в антимонопольное законодательство предлагается внести следующие изменения [3]:

- дополнить ст. 45.1 Закона о защите конкуренции ч. 6 следующего содержания:

«6. Недопускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона»;

- изложить последнее предложение ч. 4 ст. 45.1 Закона о защите конкуренции в следующей редакции:

«К письменным доказательствам также относятся результаты анализа состояния конкуренции, результаты и материалы проверок соблюдения антимонопольного законодательства, проведенные в порядке, установленном федеральным антимонопольным органом»;

- дополнить ст. 45.1 Закона о защите конкуренции ч. 5.1 следующего содержания:

«5.1. Вещественные доказательства в случае необходимости фотографируются или фиксируются иным установленным способом и приобщаются к делу о нарушении антимонопольного законодательства»;

- дополнить ст. 45.1 Закона о защите конкуренции ч. 7 следующего содержания:

«7. Доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, имеющих значение для полного и всестороннего рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства».

2. Нормы, утратившие силу (исключенные).

По сравнению с первой редакцией Закона о защите конкуренции утратили силу 2 статьи (ст. 14, 30) и 23 нормы, содержащиеся в частях, пунктах статей Закона. Приведем только статьи, которые утратили силу:

Ст. 14 «Недобросовестная конкуренция». На смену утратившей силу статье после принятия Федерального закона от 5 октября 2015 г. № 275-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», который

вступил в силу 05 января 2016 года, пришел целый правовой институт под одноименным названием, включающий в себя уже 8 статей. Указанная норма просуществовала 10 лет и законодателем не правилась, что может свидетельствовать о стабильности института недобросовестной конкуренции в Российской Федерации.

Ст. 30 «Сделки, иные действия, об осуществлении которых должен быть уведомлен антимонопольный орган». Данная норма утратила силу 30.01.2014 после принятия Федерального закона от 28.12.2013 № 423-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции»», после чего исключена обязанность уведомления антимонопольных органов о сделках и иных действиях, не оказывающих существенного влияния на состояние конкуренции (Разъяснения ФАС России от 24.01.2014 «О необходимости подачи в антимонопольный орган уведомлений в связи с принятием Федерального закона от 28.12.2013 № 423-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции»»; Информационное письмо ФАС России от 06.02.2014 № АД/3939/14 «О применении отдельных положений Федерального закона «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ»).

Данная мера направлена на сокращение административной нагрузки на средний бизнес, что позволило антимонопольным органам сосредоточиться на крупных сделках (действиях), существенно влияющих на конкуренцию.

Вместе с тем до сих пор остаётся открытым вопрос о целесообразности действия Закона РСФСР от 22 марта 1991 года № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», который практически утратил силу, за исключением абз. 26–35 ст. 4, определяющих понятие «аффилированные лица». При этом указанная норма упоминается всего 2 раза в Законе о защите конкуренции в п. 3, 4 ч. 5 ст. 6 «Монопольно высокая цена товара».

Поэтому в качестве новеллы, которую необходимо реализовать, предлагается признать без изъятий утратившим силу Закон РСФСР от 22 марта 1991 года № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», а норму об «аффилированных лицах» внести в Закон о защите конкуренции в ст. 4 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе», и дополнить Закон новой статьей 9.1 «Аффилированные лица», в которой описать критерии отнесения к аффилированным лицам юридического лица и аффилированным лицам физического лица.

3. Редакционные правки.

По сравнению с первоначальными изменено название 4 глав (гл. 2, 3, 4, 5) и 12 статей (ст. 11, 15, 17, 18, 18.1, 19, 20, 21, 24, 27, 43, 47.1) Закона о защите конкуренции. При этом:

- название главы 4 «Антимонопольные требования к торгам, запросу котировок цен на товары, запросу предложений, особенности заключения договоров с финансовыми организациями, порядка заключения договоров в отношении государственного и муниципального имущества, порядка рассмотрения антимонопольным органом жалоб на нарушение процедуры торгов и порядка заключения договоров, порядка осуществления процедур, включенных в исчерпывающие перечни процедур в сферах строительства» правилось законодателем 4 раза, и в первоначальной редакции, на наш взгляд, больше соответствовало принципам юридической техники и было удобочитаемым – «Антимонопольные требования к торгам и особенности отбора финансовых организаций»;

- название статьи 21 «Последствия нарушения требований настоящего Федерального закона при предоставлении и (или) использовании государственной или муниципальной преференции» менялось 2 раза. В первоначальной редакции – «Последствия нарушения требований настоящего Федерального закона при предоставлении и использовании государственной и муниципальной помощи».

Если брать количественный аспект изменений и дополнений норм Закона о защите конкуренции (во многом совпадающий с содержательным), то больше всего их было в следующих главах:

- Глава 7 «Государственный контроль за экономической концентрацией» (118);

- Глава 4 «Антимонопольные требования к торгам, запросу котировок цен на товары, запросу предложений, особенности заключения договоров с финансовыми организациями, порядка заключения договоров в отношении государственного и муниципального имущества, порядка рассмотрения антимонопольным органом жалоб на нарушение процедуры торгов и порядка заключения договоров, порядка осуществления процедур, включенных в исчерпывающие перечни процедур в сферах строительства» (81);

- Глава 9 «Рассмотрение дел о нарушении антимонопольного законодательства» (73);

- Глава 6 «Функции и полномочия антимонопольного органа» (71);

- Глава 1 «Общие положения» (40);

- Глава 2 «Монополистическая деятельность» (33).

Интересно отметить, что одна и та же норма Закона о защите конкуренции в значительном числе случаев становилась предметом успешно

реализовавшихся законодательных инициатив в различные годы.

«Рекордсменами» в этой законотворческой гонке являются:

- ст. 23 «Полномочия антимонопольного органа», поправки в которую вносились 40 раз;

- ст. 17.1 «Особенности порядка заключения договоров в отношении государственного и муниципального имущества» была поправлена 36 раз;

- ст. 32 «Лица, представляющие в антимонопольный орган ходатайства и уведомления об осуществлении сделок, иных действий, подлежащих государственному контролю, а также документы и сведения» – 27;

- ст. 18.1 «Порядок рассмотрения антимонопольным органом жалоб на нарушение процедуры торгов и порядка заключения договоров, порядка осуществления процедур, включенных в исчерпывающие перечни процедур в сферах строительства» – 25;

- ст. 27 «Создание и реорганизация коммерческих организаций, заключение соглашений между хозяйствующими субъектами-конкурентами о

совместной деятельности с предварительного согласия антимонопольного органа» – 20.

Приведенная эволюция «развития конкурентного законодательства отражает динамичность конкурентных отношений, которая, в свою очередь, обусловлена постоянным процессом совершенствования и изменения рыночной конъюнктуры»[5].

Вместе с тем чрезвычайно большое количество изменений и дополнений, вне-сенных в нормы Закона о защите конкуренции? затрудняют выявление доминирующего вектора развития антимонопольного законодательства, и, наряду с гармонизацией и имплементацией законодательства, приводят к невозможности предсказать дальнейшее изменение антимонопольного законодательства.

Таким образом, все отмеченные обстоятельства приводят к выводу, что законодательная конструкция Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» не может быть признана устоявшейся, а её окончательное формирование – завершённым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию, 4 декабря 2014 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173> (дата обращения: 01.05.2016).
2. Конкурентное право России: учебник / Д.А. Алешин и др.; отв. ред. И.Ю. Артемьев, С.А. Пузыревский, А.Г. Сушкевич. М., 2014.
3. Самолысов П.В. Правовое регулирование доказательств и доказывания по делам о нарушении антимонопольного законодательства // Вестник арбитражной практики. 2016. № 1.
4. Кинёв А.Ю. «Третий антимонопольный пакет» и борьба с картелями // Закон. 2012. № 2.
5. Кинёв А.Ю. Административно-правовая защита конкуренции : проблемы и пути совершенствования: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2014.

УДК 331.56

С.Ю. Бытко .

БЕЗРАБОТИЦА – ЛОКОМОТИВ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ

В статье дается объяснение периодических колебаний преступности, раскрывается роль уголовного наказания в воздействии на нее и пределы такого воздействия, предлагаются меры по повышению эффективности уголовного наказания.

Ключевые слова: преступность безработных, уголовное наказание, эффективность уголовного наказания, ритмы преступности, рецидив преступлений.

Криминологами подмечено, что всплески преступности, вызванные сильными социальными и экономическими потрясениями, сменяются последующими периодическими колебаниями, механизм которых до сегодняшнего дня остается невыясненным. В теории они объясняются инерцией общественных отношений, затухающих по закону маятника [1], неуставленными процессами [2], существенными изменениями уголовной политики и уголовного законодательства, судебной и регистрационной практики [3], случайностью, практикой сокрытия преступности [4].

На рисунке 1 видно, что с 1988 по 1992 гг. количество совершаемых преступлений возросло в 3 раза. Затем всплески преступности наблюдались в периоды с 1998 по 2001 гг. и с 2004 по 2006 гг.

Сопоставление данных о количестве краж с численностью малоимущих и значениями коэффициента Джинни (показатель имущественного расслоения в обществе, принимающий значение от 0 до 1. Чем ближе к 1, тем сильнее степень расслоения) за период с 1991 по 2013 гг. показывает, что экономические факторы неплохо объясняют динамику краж на интервале до 2002 года. Однако в последующие годы такой корреляции не наблюдается (рис. 2).

Не объясняет поведения преступности в 2004-2006 гг. и алкогольный фактор, поскольку доля лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения, в общей массе осужденных постоянно снижается (рис. 3). Не наблюдалось в этот период и политических потрясений. Наоборот, именно в это время государственная власть укреплялась, а политических потрясений не было.

Таким образом, всплеск преступности в 2004–2006 гг. не может быть объяснен в рамках традици-

онных представлений о ее механизме и причинах. Между тем практические интересы борьбы с преступностью требуют объяснения данного явления и роли уголовного наказания в ее предупреждении.

В поисках ответа на эти вопросы мы предположили, что причины, порождающие всплески преступности, отражаются в структуре осужденных и ее динамике. Нами были выявлены группы осужденных, обладающие наибольшим удельным весом в массе всех лиц, привлеченных к уголовной ответственности, и отслежена динамика изменения удельного веса этих категорий (рис. 3). Обращают на себя внимание следующие тенденции:

1. Постоянно возрастает удельный вес осужденных, не имевших работы на момент совершения преступления, а с 2004 г. их доля превысила 50%.

2. Также возрастает удельный вес осужденных, имеющих на момент совершения преступления неснятую или непогашенную судимость.

3. Численность всех осужденных и осужденных-безработных колеблется сходным образом, следовательно, детерминанты, воздействующие на преступность безработных, определяют состояние и динамику всей преступности. Можно предположить, что значимая информация о механизмах ритмических колебаний преступности связана с особенностями преступности безработных.

Для проверки этой гипотезы мы вычислили удельный вес осужденных-безработных в общей массе безработных, а также удельный вес работавших осужденных в массе работающих за период с 1992 по 2014 гг. (рис. 4).

Анализ соответствующих графиков позволил сделать следующие выводы:

Удельный вес осужденных, не имевших посто-

Бытко Сергей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Поволжского юридического института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции
e-mail: sergej-bytko@yandex.ru

© Бытко С.Ю., 2016

Статья получена: 11.10.2015

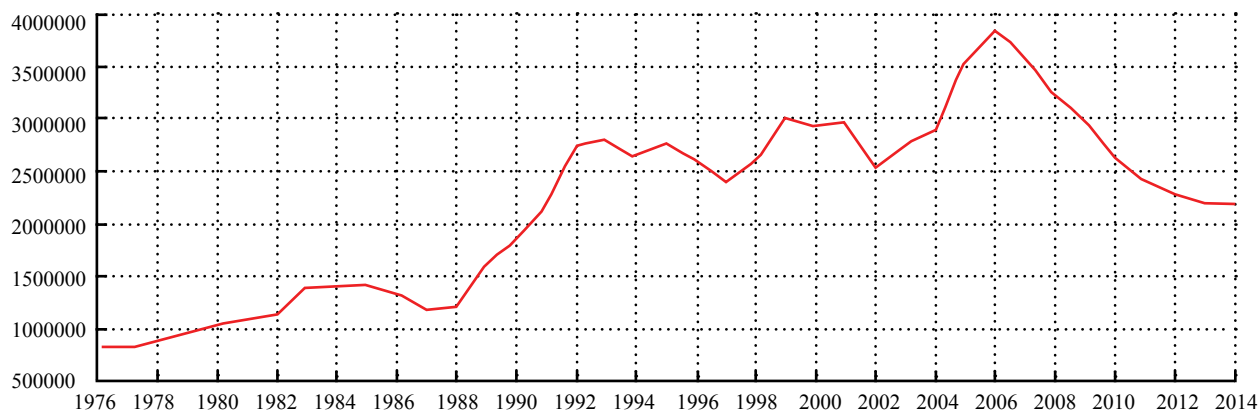

Рисунок 1. Состояние преступности в Российской Федерации (РСФСР)

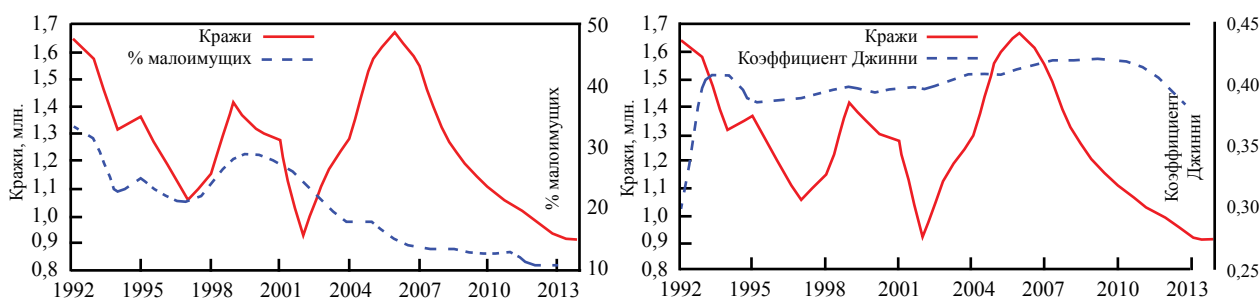

Рисунок 2. Кражи и уровень благосостояния [5]

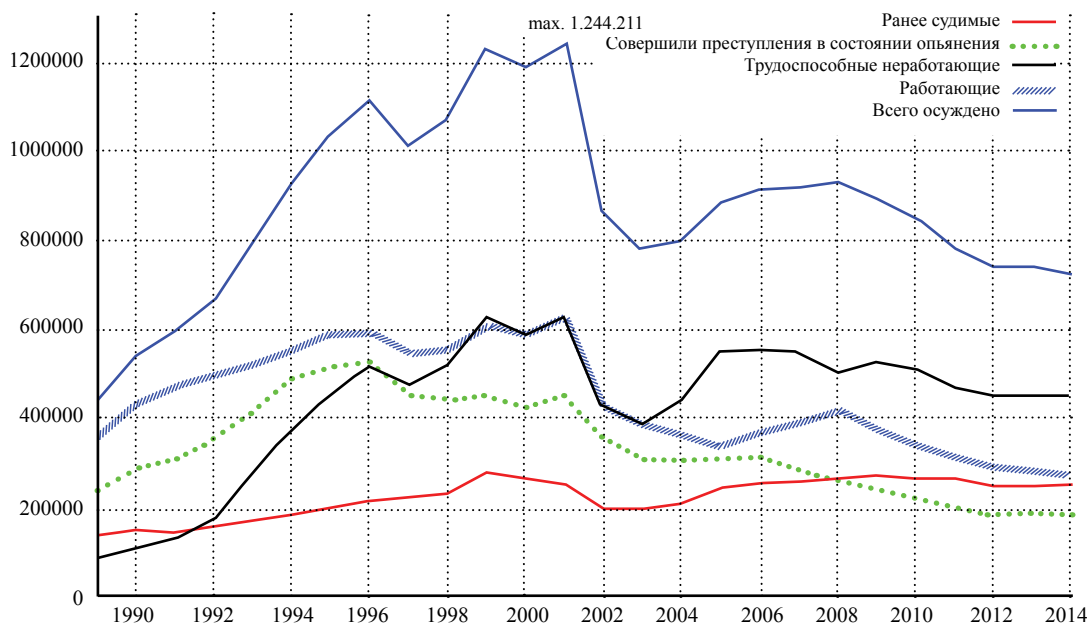

Рисунок 3. Сведения о количестве осужденных в РФ (РСФСР) [6]

янного места работы, в общей массе безработных (мы назвали этот показатель «уровнем криминализации безработных») многократно превышает удельный вес осужденных, имевших работу на момент осуждения, в общей массе работающих («уровень криминализации работающих»). В 2006 г. на 10 тыс. безработных приходилось 1 197,5 человек, совершивших преступление, тогда как на 10 тыс. работающих в 22,6 раза меньше – всего 53 человека. В 2014 году дифференциация по этому показателю значительно усилилась: уровень криминализации безработных составил 1

078,8 осужденных на 10 тыс. безработных, в то время как для работающих – в 30,6 раза меньше – всего 35,3 осужденных на 10 тыс. работающих. С учетом того, что в массе осужденных-безработных женщины составляют всего 15%, уровень криминализации безработных-мужчин в 2013 г. составил 1 712,6 осужденных на 10 тыс. мужчин-безработных (данные рассчитаны на основании отчета Судебного департамента при Верховном Суде РФ по ф. 11 «Данные о составе осужденных и месте совершения преступления» за 2013 г. и статистического сборника Федеральной службы государственной статистики за 1992–2013 гг.).

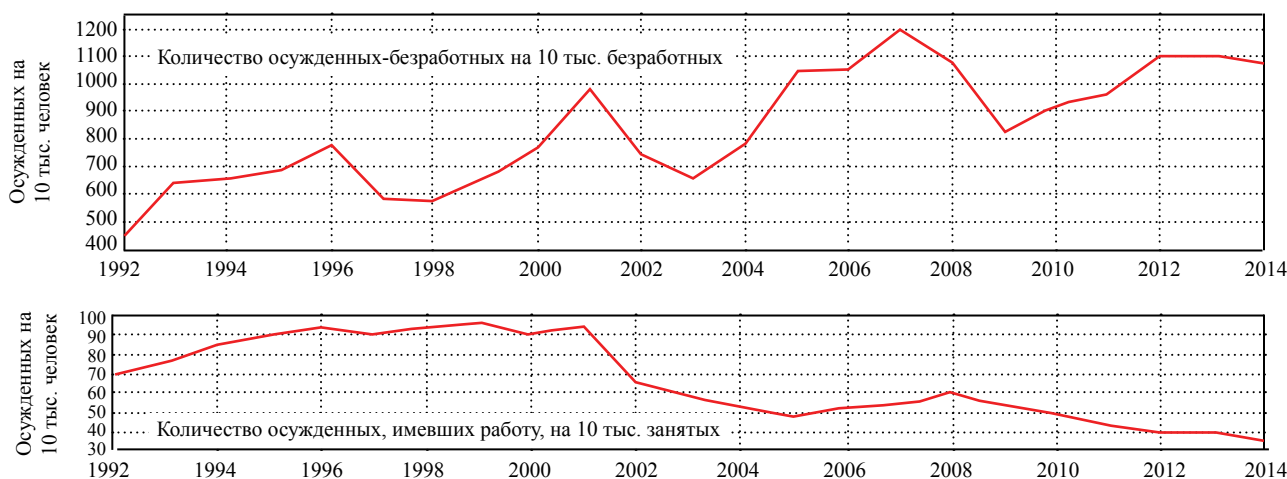

Рисунок 4. Удельный вес осужденных, не имевших работы в общей массе безработных, и осужденных, имевших работу, в массе трудоустроенных

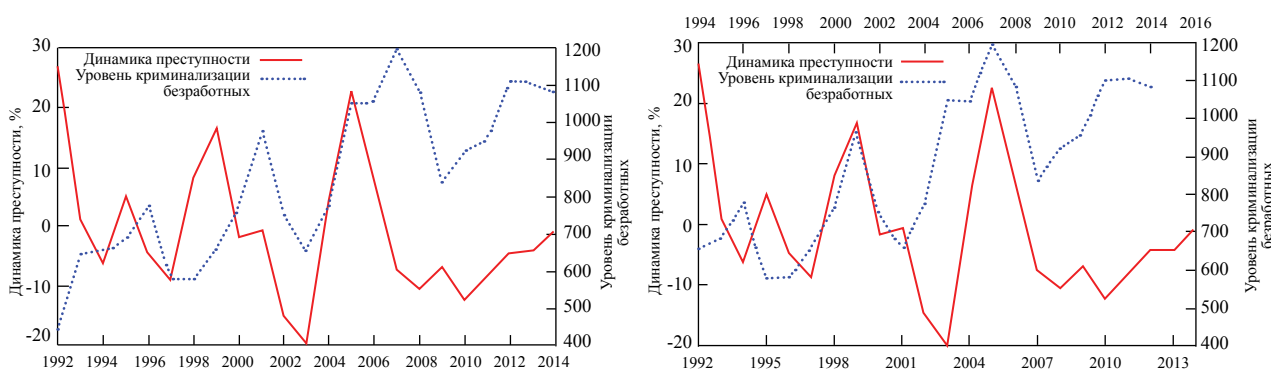

Рисунок 5. Сведения о динамике преступности и уровне криминализации безработных (на правом графике кривая безработных сдвинута на 2 года назад, ей соответствует верхняя временная шкала)

Данные о количестве безработных взяты из статистического сборника Федеральной службы государственной статистики за 1992-2013 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_13_p/IssWWW.exe/Stg/tab04.xls (дата обращения: 10.07.2015 г.). Данные о количестве осужденных-безработных взяты из Статистических сборников о состоянии преступности, данные о работавших осужденных получены вычитанием из общего числа осужденных количества осужденных, не имевших на момент осуждения определенного места работы.

2. Кривая уровня криминализации безработных демонстрирует выраженные периодические колебания, воспроизводящие поведение кривой динамики преступности с запаздыванием на два года. Такое несовпадение объясняется тем, что: 1) всплески динамики преступности опережают на 1 год всплески состояния преступности: в год, когда преступность достигает пиковых значений, скорость ее прироста минимальна, а наибольшее значение динамики наблюдается в предшествующий период, когда преступность еще не достигла максимальных значений. Например, максимальное число преступлений было зарегистрировано в 2006 г., когда динамика преступности была минимальной. Наибольший же рост преступность показывала в предшествующем 2005 г.; 2) показатели

уровня криминализации отстают от состояния преступности также на 1 год, поскольку преступления отражаются в статотчетах в том году, когда они были совершены, а сведения о лицах, осужденных за их совершение, попадают в отчеты следующего года, поскольку до осуждения какое-то время необходимо на их розыск, проведение следствия и суда.

На рисунке 5 отражена динамика преступности и уровень криминализации безработных. В правой части графика данные о безработных для наглядности смещены на 2 года влево, чтобы компенсировать запаздывание сведений о количестве осужденных. Самые сильные всплески кривой динамики преступности хорошо коррелируют с повышением уровня криминализации безработных. И это обстоятельство наглядно показывает, что в настоящее время **наиболее значимые изменения преступности обусловлены преступностью безработных.**

При этом последняя, судя по всему, слабо зависит от экономических факторов и обладает специфическими детерминантами, придающими ей собственную динамику. Криминальная активность безработных не коррелирует ни с числом лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, ни с состоянием экономики. Экономический кризис 2008 г. безработные «не заметили» — их удельный вес

в массе осужденных в этот период даже сократился.

Нами установлена очень тесная связь между численностью осужденных-безработных и осужденных, имевших неснятую или непогашенную судимость на момент совершения преступления. Коэффициент Пирсона для соответствующих рядов данных равен 0,904. В то же время для работавших и ранее судимых осужденных корреляционной зависимости не наблюдается (коэффициент Пирсона – минус 0,15). Большая часть осужденных, имевших судимость, были на момент совершения преступления безработными: в 2014 году из 241 765 осужденных, имевших судимость, 177 463, или 73,4%, были безработными. Уровень рецидива среди безработных составил 39,17%, а среди работавших осужденных – всего 24,2% (данные из отчета Судебного Департамента при Верховном Суде РФ по ф. 11 за 2014 г. «Данные о составе осужденных, месте совершения преступления»).

Таким образом, **безработица как криминальное явление тесно связана с рецидивом**. Безработные формируют облик рецидивной преступности и ее основные тенденции, в то время как наличие работы является важнейшим антикриминальным фактором. Если работающие имеют судимость, то от рецидива они воздерживаются, судя по всему, не столько под влиянием отбытого наказания, сколько из страха потерять работу.

Объяснить различие в уровне рецидива между работавшими и безработными можно лишь тем, что **эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания, в первую очередь, зависит от антикриминального потенциала общества и его отдельных групп, в которые попадает бывший осужденный**. И лишь затем – от строгости уголовного наказания.

Работающие граждане усваивают нормы поведения в коллективе, стараются воздерживаться от употребления алкогольными напитками, чтобы не потерять работу. Безработные же находятся в качественно иной обстановке – вынужденное безделье приводит к постепенной моральной и нравственной деградации, границы дозволенного поведения у них существенно расширяются, а необходимость в удовлетворении потребностей подталкивает к незаконным или даже преступным действиям.

На основе изложенного можно предложить следующее объяснение механизма периодических колебаний преступности, наблюдаемых с 1991 г.:

1. Политические и экономические потрясения, сопровождавшие распад СССР, вызвали первоначальный всплеск преступности 1991–1993 гг.

2. Правоохранительные органы отреагировали на него, изолировав от общества большое число преступников, что вызвало снижение преступности.

3. По прошествии периода, равного среднему сроку лишения свободы, синхронно освобождается большая масса осужденных, причем те из них, кто не смог или не захотел найти работу, интенсивно рецидивируют в первые годы после отбытия наказания [8], вовлекая в совершение преступлений ранее не судимых лиц. Это порождает в 1998 г. вторичный всплеск преступности. Нужно иметь в виду, что периодичность рецидива у отдельного лица определяется продолжительностью отбывания наказания в виде лишения свободы, а ритмы рецидивной преступности определяются средним сроком лишения свободы.

4. Правоохранительные органы вновь «изымают» преступников, большая часть которых являются безработными (причем 40% из них составляют рецидивисты) и пресекают развитие очередного всплеска преступности.

5. С 2001 г. начинается очередной спад преступности. Количество рецидивистов в этот период снижается, уменьшается и уровень криминализации безработных. Однако криминализация данной среды усиливается. Именно этим можно объяснить то, что растут не только пиковые значения уровня криминализации осужденных (рис. 5), но и минимальные значения между пиками.

6. По прошествии очередного периода, равного среднему сроку лишения свободы, вновь синхронно освобождается большая масса безработных-рецидивистов, и цикл повторяется в 2006 г.

Подтверждением предложенного объяснения механизма долговременных колебаний преступности стало совпадение средних сроков лишения свободы с периодичностью колебаний уровня криминализации безработных. Так, в 2014 г. средний срок лишения свободы составил 6 лет (средний срок лишения свободы вычислен нами на основании отчета Судебного департамента при Верховном Суде РФ по ф. 10.3.1. «Отчет о сроках лишения свободы и размерах штрафов» за 2014 год), что совпадает с периодичностью всплесков криминальной активности безработных. На рис. 6 видно, что она возростала каждые 6 лет: в 1995, 2001, 2007 и 2012–2013 гг. (напомним о запаздывании статистики осужденных примерно на 2 года).

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

1. В настоящее время облик и динамика всей преступности определяются преступностью лиц, не имеющих работы. Ликвидация безработицы позволит существенно снизить ее уровень. Полагаем, что это должно стать важнейшей государственной задачей, а динамика числа безработных должна учитываться при оценке деятельности глав субъектов федерации. Непринятие руково-

дителями регионов мер по сохранению рабочих мест либо отсутствие активности в создании новых производств должны оцениваться как потворствование преступности.

2. Предупредительный эффект уголовного наказания в виде лишения свободы состоит в том, что лица, по отношению к которым имеющиеся средства воздействия неэффективны, изымаются из привычной среды и изолируются от общества. Предполагается, что после освобождения они должны помещаться в среду с выраженной антикриминогенной направленностью. Если же они попадают в криминогенную среду (например, в среду безработных), они интенсивно рецидивируют. Особенно ярко действие этого механизма проявляется в периоды сильных экономических и политических потрясений: изолированные от общества преступники после освобождения из мест лишения свободы возвращаются в совершенно другие условия. Криминогенный потенциал среды, в которую они попадают, собственно и определяет эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания.

3. При назначении наказания работающим осужденным суды должны учитывать возможность для таких лиц сохранить работу на прежнем месте, мнение работодателя о продлении трудовых отношений. При условно-досрочном освобождении таких лиц употребление спиртных напитков должно рассматриваться как обстоятельство, требующее отмены этой меры, а повторное совершение преступления в состоянии опьянения – как отягчающее обстоятельство.

4. Естественное воспроизводство преступности, как это видно на примере безработных, делает нецелесообразным увеличение среднего

размера наказания. На рис. 5 видно, что значение уровня криминализации безработных на пике 1995 г. меньше, чем минимум этого показателя между колебаниями 2007 и 2012–2013 гг. Это означает, что за 10 лет преступность в этой среде успевает восстановиться. Поэтому в текущих условиях увеличение средних размеров наказаний в виде лишения свободы приведет лишь к увеличению численности осужденных и к последующим всплескам преступности с большей, чем в 2006 году, амплитудой. Более предпочтительной мерой нам представляется сочетание уголовных наказаний с иными мерами, позволяющими нейтрализовать криминогенное влияние безработицы.

5. Наибольшего предупредительного эффекта в отношении преступности безработных можно добиться путем исключения возможности их возврата к привычному образу жизни. Для этого необходимо при решении вопроса об условно-досрочном освобождении учитывать гарантии их трудоустройства со стороны организаций и частных предпринимателей. При этом работодатель должен быть заинтересован в найме бывших осужденных предоставляемыми государством льготами по обязательным социальным выплатам за таких лиц. При планировании крупных проектов государство (или субъекты федерации) должны выделять квоты для привлечения определенного числа бывших осужденных. Последние, в свою очередь, в местах лишения свободы заранее проходят соответствующую профессиональную подготовку и к моменту освобождения от наказания (условно-досрочного освобождения) будут гарантировано трудоустроены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев В.С. Причинность преступлений и статистические закономерности // Криминальная ситуация на рубеже веков в России. М., 1999. С. 61–64.
2. Тищенко В.Н. Признаки объективного в динамике современной преступности в Российской Федерации // Актуальные проблемы экономики и права. 2009. № 3. С. 148–154.
3. Лунеев В.В. Преступность 20 века. М., 1997. С. 65–66.
4. Корсантия А.А. Латентность убийств в современной России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 20. С. 73–86.
5. Статистический сборник Федеральной службы государственной статистики за 1992–2013 гг. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_13_p/IssWWW.exe/Stg/tab04.xls (дата обращения: 10.07.2015).
6. Преступность и правонарушения в СССР. 1990: статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1991; Преступность и правонарушения 1993: статистический сборник. М., 1994; Преступность и правонарушения 1997: статистический сборник. М., 1997; Преступность и правонарушения (1998–2002): статистический сборник. М., 2003; Статистические сборники МВД России за 2004, 2005, 2006, 2007, 2008 и 2014 гг; Преступность и правонарушения 2009–2013: статистический сборник. М., 2014.
7. Бытко Ю.И. Рецидив, отдаленный во времени. Саратов, 1984. С. 135.

УДК 343.53; 343.544

М.В. Гусарова .**НЕЗАКОННОСТЬ ИЗГОТОВЛЕНИЯ И ОБОРОТА ПОРНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ИЛИ ПРЕДМЕТОВ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ**

В статье обосновывается необходимость принятия федерального закона «О противодействии распространению порнографических материалов или предметов», содержащего официальное определение порнографии и раскрывающего содержание «законных» действий с порнографическими материалами или предметами. В законе, по мнению автора статьи, должен быть указан перечень конкретных действий с порнографической продукцией, разрешенных на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: незаконный оборот порнографической продукции, порнографические материалы или предметы, общественная нравственность.

Отечественное уголовное законодательство содержит три нормы, предусматривающие ответственность за незаконный оборот порнографических материалов или предметов. Так, статья 242 действующего Уголовного кодекса Российской Федерации содержит норму, устанавливающую ответственность за незаконное распространение порнографических материалов или предметов. Федеральным законом от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ в УК РФ дополнительно включена ст. 242.1 УК РФ, предусматривающая ответственность за действия с материалами или предметами с порнографическими изображениями несовершеннолетних. Действие указанной нормы первоначально охватывало изготовление и оборот порнографической продукции с изображениями несовершеннолетних, а также привлечение несовершеннолетнего в качестве исполнителя для участия в зрелищном мероприятии порнографического характера. В соответствии с Федеральным законом от 29 февраля 2012 года № 14-ФЗ в Уголовный кодекс РФ была введена ст. 242.2 «Использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов», а редакции статей 242–242.1 УК претерпели существенные изменения. Так, в числе прочего, деяние в виде привлечения несовершеннолетнего в качестве исполнителя для участия в зрелищном мероприятии порнографического характера было исключено из ст. 242.1 УК и составило объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 242.2 УК. Помимо указанных новшеств, нормы уголовного законодательства о незаконном обороте порнографической продукции подверга-

лись неоднократно изменению. В настоящее время уголовное законодательство Российской Федерации о противодействии незаконному обороту порнографической продукции составляют ст. 242–242.2 УК РФ. Включение в Уголовный кодекс РФ статей 242.1–242.2, направленных на защиту несовершеннолетних от вовлечения в оборот порнографической продукции, демонстрирует приоритетность политики государства в охране прав несовершеннолетних в указанной сфере. Однако введение новых норм не компенсировало сложности применения ст. 242 УК РФ.

Согласно статистическим данным МВД России, за 2014 год в общей сложности зарегистрировано 781 преступление, предусмотренное ст. 242 УК РФ «Незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов», 996 преступлений, предусмотренных ст. 242.1 УК РФ «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическим изображением несовершеннолетних» и 45 – по ст. 242.2 УК РФ «Использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов». Количество выявленных лиц, совершивших указанные преступления, составило: по ст. 242 УК РФ – 264 человека (в т.ч. 201 – по наиболее тяжкому составу преступления), по ст. 242.1 УК РФ – 205 (в т.ч. 189 – по наиболее тяжкому составу преступления), по ст. 242.2 УК РФ – 22 (в т.ч. 7 – по наиболее тяжкому составу преступления) [1]. Вместе с тем в реальности значительная часть аналогичных деяний остается за пределами уголовно-правового реагирования. *Так, в отношении жителя г. Санкт-Петербур-*

Гусарова Мария Викторовна, кандидат юридических наук, старший следователь Следственной части Главного следственного управления МВД по Республике Татарстан

e-mail: Rr-maria@mail.ru

© Гусарова М.В., 2016

Статья получена: 07.09.2015

га Прянишникова за съемку им видеосюжетов, избилующих сексуально откровенными кадрами, на фоне крейсера «Аврора», Медного всадника и других памятников истории и культуры неоднократно возбуждались уголовные дела по факту совершения им преступления, предусмотренного ст. 242 УК РФ. Однако в силу размытой формулировки предмета преступления указанной нормы (отсутствия единого определения порнографических материалов или предметов), а также отсутствия методических рекомендаций для проведения соответствующей искусствоведческой экспертизы и критериев отличия порнографии от эротики заключения экспертной комиссии признавали материалы, изготовленные Прянишниковым, «жесткой эротикой» [2].

Объясняется это, на наш взгляд, в первую очередь, неопределенностью в решении об отношении той или иной продукции к порнографии в условиях отсутствия официального определения порнографии и единой методики проведения искусствоведческой экспертизы, а также особенностями законодательной конструкции статьи 242 УК РФ. Наименование и содержание ст. 242 УК РФ «Незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов», указывающие на незаконность действий с порнографическими материалами или предметами, предполагает, что существуют законные действия с порнографической продукцией, но фактически, при отсутствии соответствующих правоустанавливающих документов, данные действия на законных основаниях осуществляться не могут. Очевидно, что на практике данное несоответствие закономерным образом затрудняет применение рассматриваемой нормы.

Рядом авторов неоднократно высказывались мнения о легализации части действий с порнографической продукцией. Так, М.П. Полянская предлагает установить правила оборота продукции порнографического характера, которая не представляет опасности, на уровне федерального законодательства. При этом абсолютно запрещено должна быть порнография с изображением несовершеннолетних, а также сексуальных сцен насилия, сексуальных действий людей с животными, некрофилии [3, с. 10].

По нашему мнению, указанные меры совершенствования ст. 242 УК РФ являются не вполне оправданными: помимо указанных законодательных сложностей, высокая степень доходности от занятия порнобизнесом, в случае легализации части порнографической продукции и сделок с ней, неизменно приведет к увеличению числа лиц, вовлеченных в этот оборот, что в итоге отрицатель-

но скажется на общественной нравственности.

Следует отметить, что на федеральном уровне неоднократно предпринимались попытки разграничить легальную и запрещенную порнографию, а также ввести официальное определение порнографии, но по различным причинам указанные законопроекты так и остались непринятыми.

Впервые данный проект закона на федеральном уровне появился в 1996 году под названием «Об ограничениях оборота продукции, услуг и зрелищных мероприятий сексуального характера в Российской Федерации» [4, с. 5–12]. Статья 4 указанного законопроекта включала определение порнографических материалов или предметов, под которыми понимался «особый вид продукции сексуального характера, основным содержанием которой является детальное изображение анатомических и (или) физиологических подробностей сексуальных действий». В тексте содержались нормы о запрете любого использования несовершеннолетних как участников в обороте продукции сексуального характера, в том числе порнографической, а все виды деятельности, связанные с оборотом данной продукции, должны подлежать лицензированию. Безусловно, указанный законопроект имел множество недостатков. Помимо неточности и узости определения порнографических материалов или предметов, содержащегося в тексте рассматриваемого документа, закон фактически легализовывал секс-индустрию.

Следующая попытка законодательного ограничения сексуально ориентированной продукции была предпринята в проекте федерального закона «О государственной защите нравственности и здоровья граждан и об усилении контроля за оборотом продукции сексуального характера», принятом Государственной Думой Федерального Собрания РФ в третьем чтении 7 апреля 1999 года за № 3848-II ГД [5, с. 18], но отклоненном Президентом РФ. Законопроект содержал определение порнографии, к которой относилась «печатная и аудиовизуальная продукция, в том числе реклама, переданные и полученные по коммуникационным линиям сообщения и материалы, целью которых является натуралистическое, циничное изображение и (или) описание сексуальных действий с несовершеннолетними, насильственных действий сексуального характера, а также сексуальных действий, связанных с надругательством над телами умерших или совершаемых в отношении животных». Законопроект имел ряд недоработок, в том числе противоречие со ст. 242 Уголовного кодекса РФ: п. 3 ст. 2 законопроекта предусматривал запрещение оборота порнографической продукции на территории Российской Федерации,

в то время как существующая норма уголовного законодательства (ст. 242) устанавливает ответственность только за «незаконные» действия с порнографическими материалами или предметами и, следовательно, предполагает наличие законного оборота порнографической продукции.

Помимо указанных законов, на обсуждение вносились и иные проекты нормативных правовых актов в области регулирования действий с порнографической продукцией, которые впоследствии так и не были доработаны.

Отсутствие правового акта, регламентирующего отношения в сфере оборота порнографических материалов или предметов, на федеральном уровне в ряде регионов компенсируется внутренним законодательством субъектов. Так, в Магаданской области в 1999 году принят закон «Об охране общественной нравственности». Аналогичные законы, включающие положения о противодействии распространению порнографической продукции, существуют и в других регионах. Безусловно, их наличие способствует предупреждению рассматриваемых деяний, а местный уровень разработки позволяет наиболее полно приблизить текст указанных документов к социальным реалиям с учетом конкретных особенностей региона. Вместе с тем принятие закона о противодействии распространению порнографических материалов или предметов на федеральном уровне необходимо для осуществления единой государственной политики в этой сфере, в том числе эффективного применения уголовного законодательства.

Попытки разработки законопроектов о запрете или ограничении действий с порнографической продукцией продолжают непрерывно. Нормы указанных документов во многом дублируют друг друга и вместе с тем не разрешают основных вопросов (не содержат перечень правомерных действий с порнографической продукцией). Так, 26 марта 2010 года в Государственную Думу был внесен проект федерального закона № 349188-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних». Этот законопроект прошел первое и второе чтения, однако при третьем чтении 7 февраля 2012 г. был отклонен. В настоящее время подготовлены или проходят определенные стадии законотворческого процесса еще несколько аналогичных проектов федеральных законов. Так, 17 июля 2012 года в Государственную Думу Федерального Собрания РФ внесен законопроект «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в це-

лях противодействия изготовлению и обороту порнографической продукции» [6]. Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка в настоящее время поддерживает проект закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления в сфере изготовления, хранения и оборота материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних».

Таким образом, согласно содержательной части вышеуказанных законодательных инициатив последних лет противодействие незаконному обороту порнографической продукции ограничено оборотом порнографических материалов или предметов с изображением несовершеннолетних либо вовлечением указанных лиц в оборот порнографии. Следовательно, изготовление и оборот так называемой взрослой порнографии, ответственность за которые установлена ст. 242 УК РФ, постепенно выпадают из поля зрения авторов. Указанная тенденция не нова в мировой практике. В ряде стран, например, в Дании [7, с. 179], Испании [8, с. 63–64], Франции [9, с. 273–274], оборот порнографической продукции без изображения несовершеннолетних разрешен. Вместе с тем в России запрет на определенные действия с указанной продукцией существует, в связи с чем, по нашему мнению, необходимо решать проблему эффективного противодействия незаконному обороту порнографической продукции комплексно, регламентируя и оборот так называемой взрослой порнографии.

В свою очередь меры, направленные на повышение эффективности статей 242.1 и 242.2 УК, не должны сводиться к усилению ответственности и расширению диспозиции указанных норм. Анализируя существующие в области оборота детской порнографии законопроекты, профессор Академии управления МВД России Скобликов П.А. отмечает в них отсутствие системного подхода и тенденции к дальнейшему расширению сферы действия норм, предусмотренных ст. 242.1–242.2 УК РФ [10, с. 12].

На наш взгляд, в настоящее время в целях единого понимания и применения статьи 242 УК РФ следует принять федеральный закон «О противодействии распространению порнографических материалов или предметов», содержащий официальное определение порнографии, перечень правомерных действий с порнографическими материалами или предметами, меры предупреждения распространения порнографической продукции и иные положения.

К разрешенным действиям с порнографическими материалами или предметами, по нашему

мнению, следует отнести:

- изготовление порнографических материалов или предметов для личных нужд лицами, достигшими восемнадцати лет;
- совершение процессуальных действий с указанной продукцией в рамках уголовного, гражданского и иного судопроизводства;
- использование порнографических материалов или предметов при лечении сексуальных расстройств по назначению лечащего врача;
- использование порнографических материалов или предметов в научных целях.

В качестве одного из основных понятий, включаемых в текст указанного проекта федерального закона, предлагается следующее определение:

порнография – это детальная демонстрация половых органов либо полового акта, умышленно созданная с целью производства сильного полового возбуждения, не обладающая при этом культурной, научной и исторической ценностью и являющаяся по своей сути оскорбительной для общественной нравственности.

В настоящее время экспертная комиссия Управления по кинематографии при Министерстве культуры Республики Татарстан ввиду отсутствия методических рекомендаций по определению порнографического характера исследуемой продукции при проведении киноведческой экспертизы руководствуется трактовкой термина «порнография»,

данной в Советской энциклопедии. Учитывая, что такая трактовка рассматриваемого понятия не является официальной, поставить под сомнение выводы экспертной комиссии несложно. Разработка и внедрение методики проведения искусствоведческой экспертизы упростит ее процедуру, а наличие официального определения порнографии устранил сомнения в выводах.

Таким образом, предлагаемый федеральный закон будет способствовать устранению имеющихся сложностей в разграничении понятий «законные» и «незаконные» действия с порнографическими материалами или предметами: незаконными окажутся все действия с порнографической продукцией, не указанные в федеральном законе «О противодействии распространению порнографических материалов или предметов» как разрешенные на территории Российской Федерации. Помимо указанного закона, в целях эффективного применения законодательства, предусматривающего ответственность за незаконные действия с порнографическими материалами или предметами, необходимо принять соответствующее постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в котором должно внимание уделить особенностям правовой оценки изготовления и оборота порнографической продукции в целом, а также отдельным ее видам, в том числе виртуальной порнографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сборник «Состояние преступности в России за январь-декабрь 2014 года» ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД РФ. URL: https://mvd.ru/upload/site1/document_file/pxOrdPt4BF.pdf
2. См.: <http://www.mvdinform.ru/index.php?docid=3441>
3. Полянская М.П. Уголовно-правовая охрана общественной нравственности в сфере половой морали: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009.
4. Об ограничениях оборота продукции, услуг и зрелищных мероприятий сексуального характера в Российской Федерации: проект ФЗ // Законодательство и практика СМИ. 1998. № 5.
5. О государственном регулировании и контроле за оборотом продукции сексуального характера: проект федерального закона от 7 апреля 1999 г. № 3848-П ГД // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 16.
6. Законопроект № 113185-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях противодействия изготовлению и обороту порнографической продукции» (в части легального определения правовых понятий и расширения перечня уголовно наказуемых деяний в сфере сексуальной эксплуатации детей).
7. Уголовный кодекс Дании. СПб., 2001.
8. Уголовный кодекс Испании. М., 1998.
9. Уголовный кодекс Франции. СПб., 2002.
10. Скобликов П.А. Криминализация оборота детской порнографии: системный анализ существующих законопроектов // Закон. 2013. № 3.

УДК 343.53; 343.773

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ
В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ЛЕСА И
ЛЕСОМАТЕРИАЛОВ****П.И. Иванов.**

В статье авторы рассматривают отдельные проблемы, связанные с предупреждением и раскрытием преступлений в сфере незаконного оборота леса и лесоматериалов, и предлагают пути их решения.

Ключевые слова: лесопромышленный комплекс, криминальные схемы, незаконный оборот леса и лесоматериалов, борьба с преступлениями, взаимодействие с таможенной.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537) к числу источников угроз отнесены организованная преступность и коррупция, которые, как известно, существенным образом мешают проведению дальнейших реформ.

Анализ многолетней практики убедительно показывает, что на фоне роста влияния криминальных структур и коррупционных проявлений бюджетобразующие отрасли экономики, включая лесопромышленный комплекс (ЛПК), оказались наиболее подверженными криминальному влиянию, и такая криминогенная ситуация в лесопромышленном комплексе, как отмечают некоторые исследователи, сложилась достаточно давно [1]. Что же касается лесопромышленного комплекса, то эта отрасль экономики привлекает внимание не только российской организованной преступности, но и международной. Криминальные структуры в своих корыстных целях пытаются использовать и то обстоятельство, что лесопромышленный комплекс является одной из самых экспортно-ориентированных отраслей экономики России. По объемам экспорта данный комплекс занимает 4-е место среди российских отраслей промышленности, после экспорта газа, нефти, черных и цветных металлов. Не случайно еще в 2007 г. МВД России на очередном заседании коллегии специально рассмотрело вопрос «О состоянии борьбы с преступлениями в лесопромышленной отрасли Российской Федерации и мерах по повышению ее эффективности» (приказ

П.Г. Кузнецов.

МВД России № 1169 – 2007 г.). По итогам коллегии МВД России была предусмотрена система организационных и практических мер по предупреждению и раскрытию преступлений в сфере незаконного оборота леса и лесоматериалов. В 2007 же году распоряжением Правительства РФ от 28 сентября 2007 г. № 1305-р была утверждена Концепция развития лесного хозяйства Российской Федерации до 2010 года, а затем приказом Министерства природных ресурсов РФ, МВД РФ № 238/802 от 12 сентября 2007 г. была образована межведомственная комиссия по противодействию незаконным заготовкам и обороту древесины.

Спустя три года был принят Федеральный закон «О внесении изменений в Лесной кодекс РФ и Кодекс РФ об административных правонарушениях» от 28 декабря 2013 г. № 415-ФЗ, который предусмотрел несколько иной порядок учета и маркировки древесины, ее транспортировки и учета сделок с ней. Законодательно также была закреплена необходимость создания единой государственной автоматизированной информационной системы (ЕГАИС) учета древесины и сделок с ней. В целях реализации норм названного закона Правительством РФ был принят ряд постановлений [2].

Несмотря на проделанную большую работу, в том числе нормативно-правового плана, не удалось стабилизировать криминогенную ситуацию в лесопромышленном комплексе [3]. Об этом свидетельствуют следующие статистические данные. Так, в 2015 году в сфере ЛПК было выявлено более 1,4 тыс. преступлений экономической направ-

Иванов Петр Иванович, доктор юридических наук, профессор Академии управления МВД России, заслуженный юрист РФ

e-mail: amvd@mail.ru

Кузнецов П.Г., адъюнкт Академии управления МВД России, начальник отдела ЭБиПК МУМВД России «Подольское» ГУ МВД России по Московской области

e-mail: amvd@mail.ru

© Иванов П.И., 2016

© Кузнецов П.Г., 2016

Статья получена: 24.10.2015

ленности, в том числе 889 (+41,4) совершенных в крупном или особо крупном размерах, 53-в составе организованной группы или преступного сообщества. Размер причиненного ущерба составил 3 млрд рублей, в счет его погашения изъято имущества и денежных средств на 1,1 млрд рублей.

Тревожная ситуация продолжает сохраняться. Согласно сведениям, предоставленным Организационно-аналитическим департаментом МВД России за 1 полугодие 2015 г., принятыми мерами за указанный период было выявлено 735 преступлений. Характерно то, что более 50% из них составили должностные преступления. Размер материального ущерба, причиненного в результате совершения преступлений коррупционной направленности, составил около 1,2 млрд рублей. Наложено арест на имущество, добровольно погашено, изъято имущества, денег на сумму более 1 млрд рублей.

Исследователи также отмечают, что прогноз экономической и коррупционной преступности в ЛПК в ближайшем будущем неутешителен.

В настоящей статье нами предпринята попытка на основе обобщения практики деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (ЭБиПК) рассмотреть некоторые проблемы борьбы с преступлениями в сфере оборота леса и лесоматериалов.

Рассмотрим ситуацию по интересующей нас проблеме, сложившуюся в Дальневосточном федеральном округе. С сожалением следует отметить, что она требует пристального внимания со стороны правоохранительных и контрольно-надзорных органов, поскольку свыше 70% дохода лесной отрасли проходит через теневые схемы. Данное обстоятельство, безусловно, серьезно настораживает, ибо государство и сама отрасль не получают в полном объеме чистую прибыль. Криминальные и полукриминальные схемы, используемые при заготовке (незаконные рубки деревьев (особенно ценных пород) составляют сегодня более 30% от общего объема заготовок), транспортировке и реализации древесины (а древесина в соответствии с Перечнем, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 13.09.2012, является стратегически важным сырьем), способствуют расширению теневого сектора в названной отрасли.

В 2015 году на Дальнем Востоке криминогенная ситуация может обостриться. Лесными пожарами уничтожена большая площадь лесного массива. Под видом ликвидации последствий пожара незаконная заготовка и оборот древесины, в том числе ценных пород, получают некоторое распространение. Со своей стороны полагаем, что только объединенными усилиями служб лесной охра-

ны, подразделений МЧС России, МВД России и иных заинтересованных министерств и ведомств можно приостановить процесс дальнейшей криминализации таких стадий технологического цикла, как заготовка и оборот древесины.

Древесина, как известно, стратегически важный товар (сырье), при незаконной ее заготовке и обороте государству наносится колоссальный ущерб, включая экологический. Опасность такого рода действий очевидна.

Приведем для подкрепления высказанных идей несколько примеров из практики деятельности подразделений ЭБиПК. Управление ЭБиПК МВД по Республике Бурятия совместно с Бурятской таможенной выявили и задокументировали 12 преступлений, предусмотренных ст. 226.1 УК РФ, ущерб от которых превысил 300 млн рублей. Преступления совершались членами организованных преступных групп. В состав группы входили и граждане КНР, которые незаконно перемещали через таможенную границу Таможенного союза лесоматериалы.

Крупномасштабные операции по декриминализации лесной отрасли одновременно пришлось провести на территории трех субъектов Российской Федерации – Ленинградской, Новосибирской и Иркутской областей.

В результате была пресечена деятельность международной организованной группы, специализировавшейся на **незаконных закупках и поставках больших партий древесины и лесоматериалов в Китайскую Народную Республику**.

Было установлено, что группа граждан КНР в приграничных регионах России активно скупает за наличные деньги большие объемы незаконно заготовленной лесопродукции, легализует ее через документы, сфальсифицированные российскими сообщниками, после чего экспортирует в Китай.

По предварительным подсчетам только за последние три года деятельности группы государству нанесен ущерб на сумму свыше 2 млрд рублей.

На основании собранных материалов было возбуждено уголовное дело по статье «Контрабанда стратегически важных товаров и ресурсов» УК РФ.

В связи с масштабностью действий, разветвленностью группировки, а также возможными коррупционными связями в местных органах власти руководством МВД России было принято решение провести операцию в названных регионах силами сотрудников Центрального аппарата Министерства. В ней приняли участие более 100 полицейских – следователей Следственного департамента МВД России, оперативников ГУЭБиПК МВД России и бойцов ОМОН «Зубр» ЦСН СР МВД. К активной фазе мероприятий были подключены сотрудники УЭБиПК ГУ МВД Рос-

сии по Иркутской области, а также бойцы региональных подразделений спецназа. Общая численность задействованных сотрудников полиции составила около 300 человек.

В ходе операции осуществлено более 50 обысков в различных населенных пунктах Иркутской, Ленинградской и Новосибирской областей, допрошено свыше ста свидетелей, специалистов и лиц, причастных к противоправной деятельности группы.

В жилых помещениях, офисах, гаражах, автомобилях и иных объектах, используемых основными участниками группы, изъято большое количество оргтехники, печатей различных коммерческих организаций, других предметов и финансово-хозяйственных документов, имеющих значение для расследования дела. Кроме того, у одного из участников группы изъято боевое огнестрельное оружие – автомат АКСУ-74, а также большое количество боеприпасов к нему.

Пресечена отправка за рубеж не менее 40 тысяч кубометров незаконно заготовленного леса кругляка и пиломатериалов, которые обнаружены оперативными группами МВД России на площадках у заготовителей. В общей сложности указанная продукция заполнила бы 1000 железнодорожных вагонов, предназначенных для перевозки древесины.

Задержано и этапировано в Москву четверо наиболее активных участников группы, один из которых – гражданин Китая.

Другой пример. Сотрудниками Управления ЭБиПК УМВД России по *Хабаровскому краю* в ходе мероприятий по пресечению незаконного вывоза за рубеж стратегически важных ресурсов выявлены факты контрабанды через Хабаровский таможенный пост круглого леса хвойных пород, заготовленного на территории края. Общий объем нелегального груза превысил 330 тысяч кубических метров, стоимость – около 10 млн рублей.

В реализации противоправной схемы подозреваются трое жителей Хабаровска, которые от имени подконтрольной фирмы заключили с китайской торгово-экономической компанией ряд договоров на экспортную *поставку в КНР лесоматериалов из России*. Было установлено, что при перемещении леса злоумышленники внесли недостоверные сведения в таможенные декларации, существенно занижив объемы и стоимость товаров. Таким образом, нелегально вывезено более 50 железнодорожных вагонов фактически незадекларированных лесоматериалов, которые в соответствии с Перечнем, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 13.09.2012, являются стратегически важным сырьем.

В отношении подозреваемых возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного статьей УК РФ «Контрабанда стратегически важных товаров и ресурсов».

В местах работы и жительства фигурантов проведены обыски, изъяты предметы и документы, подтверждающие их противоправную деятельность. В частности, обнаружены электронные таблицы, содержащие сведения об объемах незадекларированного леса, а также суммы не указанной при таможенном оформлении стоимости товаров.

Чтобы стабилизировать складывающуюся ситуацию, на местах принимаются меры по реализации основных направлений развития лесной отрасли. В частности, ими выступают: повышение конкурентоспособности отечественной лесопромышленности на российском и мировом рынках; увеличение инвестиционной привлекательности отрасли; снижение привлекательности сырьевого экспорта и увеличение переработки древесины внутри страны (в плоскости таможенной политики).

Как нам представляется, успешное осуществление названных функций во многом зависит от декриминализации ЛПК как одной из градо- и бюджетообразующей отрасли экономики страны. Потребность в декриминализации несмотря на некоторое снижение уровня криминализации отношений в сфере оборота леса и лесоматериалов сохраняется. О ее снижении свидетельствует тот факт, если в 2008 г. было зарегистрировано в лесной отрасли 8,1 тыс. преступлений с материальным ущербом 3,3 млрд рублей, то в 2014 г. – менее 3 тыс. преступлений. Ущерб от которых составил 1,7 млрд рублей. Организованная преступность и коррупция в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года названы в числе источников угроз безопасности. Они, как известно, существенным образом тормозят проведение коренных преобразований в названной отрасли.

Для организованных преступных структур с коррупционными связями средой совершения противоправных деяний является сфера незаконного оборота леса и лесоматериалов. Основные усилия таможенных и правоохранительных органов, и прежде всего, органов внутренних дел на транспорте, сосредоточены в направлении противодействия преступным деяниям.

Выборочное изучение показывает, что чаще всего сотрудникам ОВД приходится перекрывать каналы транспортировки незаконно заготовленной древесины. Для этого ими проводится скрупулезное документирование преступных действий криминальных структур.

Так, на территории участка обслуживания ЛО

МВД России на ст. Уссурийск УТ МВД России по ДФО [4, с. 110–115] ежегодно регистрируются десятки сообщений о совершенных (совершаемых) в сфере незаконного оборота леса и лесоматериалов преступлениях, предусмотренных статьями 260, 193, 194, 226.1, 159, 327 УК РФ.

Однако в правоприменительной практике сотрудники ОВД, решая задачу, связанную с противодействием преступлениям в сфере незаконного оборота леса и лесоматериалов, встречаются со множеством проблем.

В настоящее время взамен прямой контрабанды леса все активнее стали использоваться ухищренные способы: необоснованное применение преференций, занижение таможенной стоимости товаров и ресурсов, фальсификация кодов товарной номенклатуры и стран производителей товаров, а также фиктивные сделки. Помимо них, с целью ухода от налогов и наложенных штрафов участились случаи ликвидации организаций. Затем создаются и регистрируются новые юридические лица, использующие реквизиты «дочерних» организаций для получения новых лицензий таможенных перевозчиков. Тем самым возобновляется начатая противоправная деятельность.

Анализ практики показывает, что весьма острой продолжает оставаться проблема ликвидации фирм-однодневок. Последние – основные нарушители таможенного законодательства. Среди них есть предприятия со 100-процентным иностранным капиталом, которые созданы для проведения, как правило, одной экспортной операции.

Такого рода предприятие после государственной регистрации заключает контракт на экспорт древесины. После того как лес уходит за границу, предприятие самоликвидируется, валютная выручка за экспортированный лес, естественно, в Россию не поступает.

Со своей стороны полагаем, что одним из основных условий своевременного пресечения подобных действий фирм-однодневок выступает наиболее тесное взаимодействие ОВД на транспорте с таможенными органами.

Перемещение через государственную границу Российской Федерации стратегически важных товаров и ресурсов, безусловно, имеет свои особенности, которые должны знать сотрудники транспортной полиции. Чтобы их правильно интерпретировать в процессе документирования либо расследования уголовного дела, возбужденного по ст. 226.1 УК РФ, рекомендуется привлекать высококвалифицированных специалистов таможенных органов. С их помощью на основе глубокого анализа криминальной информации дополнительно можно получить интересующие ОВД сведения.

Объектом изучения нередко становятся фиктивные договоры. В таможенные органы организацией-экспортером представляются документы и сведения, необходимые для целей таможенного оформления лесоматериалов, следующих по внешнеторговому контракту в адрес иностранной фирмы. Изучая представленные документы, таможенный орган может установить факты, когда иностранная фирма с российской организацией-экспортером никакие контракты не заключала. А это, в свою очередь, означает отказ в оплате экспортированного лесоматериала. Как видим, теневое посредничество при экспорте леса и лесоматериалов – частое явление в таможенной практике. Такие действия для оперативных подразделений транспортной полиции служат одним из признаков, указывающих на совершение преступления, предусмотренного ст. 226.1 УК РФ.

Для оперативных подразделений транспортной полиции представляют интерес и факты уклонения от уплаты НДС. Приведем схему противоправных действий. Давайте представим ситуацию, когда одна из фирм (производитель либо посредник) не уплачивает НДС и после благополучного совершения операции (сделки) с лесоматериалом прекращает свою деятельность. В итоге предприятие-экспортер заключает договор, по которому к нему переходит право собственности на лес. На самом же деле леса вообще не существует и все документы, свидетельствующие о поставке леса на экспорт, являются фиктивными. Фирмы, которые будут принимать участие в цепочке перепродаж леса, регистрируются с использованием подложных документов либо на подставных лиц. В результате предприятие-экспортер получает право на возмещение НДС, несмотря на то, что другие фирмы, участвовавшие в цепочке перепродаж, уклонились от уплаты НДС. Таким путем члены организованной группы похищают бюджетные деньги, представив пакет документов в налоговый орган.

Учитывая это, на межведомственном уровне целесообразно рассмотреть вопрос о введении подразделениями ФНС России обязательной государственной регистрации контрактов на поставку лесопродукции, что будет способствовать контролю за объемами перевозимой древесины. В целом, налоговым органам в обязательном порядке надлежит организовать постоянный учет лиц, занимающихся реализацией и перевозкой древесины и изделий из нее, а также предоставлять данную информацию в правоохранительные и контролирующие органы.

По общему мнению правоохранительных орга-

нов и экспертных организаций, негативная ситуация по экспорту древесины сложилась из-за разобщенности действий государственных органов, осуществляющих контроль в этой сфере. Таможенно интересует только уплата пошлины; налоговую инспекцию – уплата налогов со стоимости, которую обосновывает экспортер. Минэкономразвития проверяет соответствие цен экспортера уровню индикативных цен. Госстандарт выявляет соответствие росстандарта требованиям рынка. В связи с этим целесообразно рассмотреть вопрос о возложении контроля экспорта продуктов лесопромышленного комплекса на отдельный государственный орган, который мог бы проводить экспертизу лесотоваров, отгружаемых на экспорт, на предмет определения качества, количества, стоимости.

Также в целях совершенствования законодательства, регламентирующего лесопользование, следует разработать законопроекты, определяющие порядок организации лесопользования, с учетом соблюдения государственных интересов. Необходимо законодательно установить обязательное лицензирование деятельности по переработке и реализации лесопродукции, а также для транспортировки леса и лесопродукции разработать пакет документов единой формы, подтверждающих законность ее приобретения и транспортировки. Утвердить порядок по обеспечению весового контроля необработанной древесины, экспортируемой в железнодорожных вагонах и платформах. Разработать и утвердить порядок по совершенствованию механизма приемки лесных грузов к перевозке железнодорожным транспортом. Утвердить порядок закрепления за ОАО «РЖД» обязанностей по предоставлению на постоянной основе налоговым органам информации, касающейся транспортировки леса и лесопродукции железнодорожным транспортом и наделения его правами требования от грузоотправителя лесоматериалов разрешительного документа, подтверждающего происхождение предполагаемых к перевозке лесных грузов.

Необходимо ввести в перечень документов, предоставляемых при перевозке круглого леса, заверенную лесхозом копию лесопорубочного билета с целью установления достоверного собственника леса, места порубки, объема вырубленного леса и предъявленной сортности древесины.

В настоящее время у таможенных органов отсутствуют законные основания запретить погрузку леса на судно или иной транспорт до прохождения контрольных процедур. В связи с этим при оформлении документов на экспорт древесины проверить партию леса, доставляемую по воде, гораздо сложнее, чем транспортируемую по

суше.

Оценить количество и качество лесоматериала можно только в пункте погрузки. Определить со стопроцентной точностью, сколько леса вмещает уже нагруженное судно, практически невозможно. Чтобы проверить трюмы судна, нужно разгрузить весь лес, который навалом лежит на палубе, а это потребует и дополнительного времени, и специальной техники, и дополнительных затрат на персонал.

Наиболее распространенными схемами при незаконном экспорте являются занижение стоимости и сортности вывозимой древесины, использование поддельных санитарных сертификатов, а также продажа партий леса по поддельным документам.

Подобные схемы используются во всех округах, экспортирующих лес. Самые «популярные» уголовные правонарушения – недекларирование или недостоверное декларирование товаров, а административными – несоблюдение сроков подачи таможенной декларации.

Так же продажа (контрабанда) лесоматериалов возможна через подставные фирмы с использованием поддельного валютного контракта с иностранными компаниями. Незаконно заготовленный и перевезенный лес скупается частными предпринимателями (в основном из КНР). Зачастую экспортеры оформляют документы о покупке леса на лиц, не зафиксированных в реестре налогоплательщиков, либо на компании, которые хоть и существуют, но фактически никакого леса никуда не поставляли. Заведомо ложные документы дают возможность получить налоговую выгоду, когда сумма материальных затрат больше, а налогооблагаемая база меньше.

В 2013 году в Российской Федерации произошло сокращение мест декларирования лесоматериалов, вывозимых с территории России с 421 до 123.

В результате отдельные пункты погрузки находятся более чем в 300 км от мест таможенного декларирования. Это создает проблемы и для экспортеров, которым приходится тратить деньги на дальние перевозки лесоматериалов в пункты декларирования, и для таможенников, которые не могут в полной мере контролировать экспорт круглого леса и продуктов лесопереработки.

К проблемным вопросам в данном направлении также можно отнести и несвоевременное получение или неполучение ответов на международные запросы о правовой помощи как по линии Интерпола, так и в рамках взаимодействия с таможенными органами иностранных государств и представительствами МИД России и ФТС России в иностранных государствах. Так, при выявлении и пресечении преступлений, связанных с неупла-

той таможенных платежей в сфере незаконного оборота леса и лесоматериалов, необходимо получать коммерческие документы (внешнеэкономические договоры и т.п. или их копии), находящиеся у иностранных контрагентов, таможенные декларации, поданные иностранным контрагентом в таможенные органы своего государства и т.п. Однако в большинстве случаев на международные запросы такого рода приходят ответы о невозможности получения таких документов по разным причинам, в том числе в связи с обеспечением коммерческой тайны.

- По ст. 194 УК РФ – несоставление в рамках таможенного контроля актов таможенного органа об обнаружении факта неуплаты или неполной уплаты таможенных платежей, а также ненаправление плательщику таможенных пошлин, налогов требований об уплате таможенных платежей в порядке, установленном ст. 152 Федерального закона от 27.11.2010 № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации».

Неясность вопроса о статусе незаконно перемещенного товара при обнаружении фактов неуплаты таможенных платежей, необходимости его изъятия в рамках оперативно-розыскной деятельности либо выемки в рамках расследования уголовного дела, а также признания либо непризнания в качестве вещественного доказательства.

- По ст. 193 УК РФ – отсутствие возможности получения объяснений от представителей китайских компаний ввиду их нахождения на территории КНР.

Возможная утечка информации о проводимых оперативно-розыскных мероприятиях при обращении с запросами в уполномоченные банки, тогда как получение требуемой информации из уполномоченного банка возможно только при направлении официального запроса.

Отсутствие объектов лесопользования на участке оперативного обслуживания, где осуществляются незаконные вырубki и заготовки леса и лесоматериалов, в том числе ценных пород древесины, так как это участок обслуживания территориальных ОВД УМВД России по Приморскому краю.

Наконец, приведем еще одну немаловажную проблему. Она последняя по счету, но не последняя по ее значимости. Речь идет о профессиональном мастерстве сотрудников (человеческом факторе), в частности, подразделений ЭБиПК, обслуживающих объекты рассматриваемой сферы. Для того чтобы поправить сложившуюся ситуацию, на наш взгляд, необходимо хотя бы на первых порах обеспечить их научно обоснованной рекомендацией, разработанной на основе обобщения

оперативно-следственной практики, особенно полезной для молодых специалистов, только что переступивших порог вузов системы МВД России. Мы имеем в виду рекомендацию, содержащую *пошаговый алгоритм* действий сотрудников по наиболее типичным криминальным ситуациям.

В качестве примера приведем авторский вариант структурной модели документирования фактов незаконного оборота леса и лесоматериалов.

Осуществляемые сотрудниками ЭБиПК совместно с таможенными органами действия условно можно разбить на семь взаимосвязанных между собой этапов.

1. Получение и проверка первичной информации, содержащей сведения о криминальных структурах, имеющих коррупционные связи среди должностных лиц, ведающих вопросами заготовки древесины, незаконной порубки леса, фактах коррупции при организации транспортировки лесных грузов, незаконной эксплуатации подъездных путей.

При необходимости следует организовать получение по запросу информации из единой государственной автоматизированной информационной системы учета древесины и сделок с ней.

На этом этапе объектом пристального внимания, на наш взгляд, должны стать контракты (договора), заключенные с иностранной компанией, осуществляющей вывоз леса и лесоматериалов за рубеж.

2. Таможенное декларирование груза. Посредством его осуществления удастся задокументировать факт вывоза груза с отражением его количественно-качественных параметров. Для сотрудников подразделений ЭБиПК имеет немаловажное значение факт сокращения перечня документов, представляемых при таможенном декларировании товаров. Теперь таможенные органы не требуют представления контракта (договора) купли-продажи при подаче в электронной форме декларации на товары, декларирование таможенной стоимости которых осуществляется путем заявления сведений в декларации таможенной стоимости, сохранением требования об указании номера и даты контракта (договора) купли-продажи в декларации на товары и в декларации таможенной стоимости в установленном приказом Федеральной таможенной службы от 26 августа 2015 г. № 173718 «О сокращении перечня документов, представляемых при таможенном декларировании товаров» порядке.

3. Определение объема вывозимого лесоматериала.

4. Получение копии сопровождающих груз документов.

5. Сличение фактического объема вывозимого

груза на экспорт с данными, свидетельствующими о незаконной заготовке леса и лесоматериалов.

6. Привлечение специалистов отдела документальных проверок и ревизий для исследования изъятых документов.

7. Предоставление результатов ОРД следователю.

Предложенный нами вариант является лишь каркасом для разработки полноценных методических рекомендаций.

Таким образом, повышение эффективности борьбы с преступлениями в сфере оборота леса и лесоматериалов зависит не только от реше-

ния правовых проблем, но и организационных. В частности, от налаживания информационного взаимодействия с подразделениями ОВД на транспорте и таможенных органов. Своевременный обмен информацией о фактах незаконной вырубке и заготовки леса и лесоматериалов, контрабанды лесоматериалов с помощью подставных фирм с использованием поддельных контрактов с иностранными компаниями позволяет совместными усилиями предотвратить подготавливаемые либо совершаемые преступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сафиюлина П.Р. Факторы, обуславливающие необходимость защиты лесопромышленного комплекса от преступных посягательств // Оперативник (сыщик). 2008. № 2 (15). С. 41–42; Иванов П.И., Шегабудинов Р.Ш., Сафиюлина П.Р. К вопросу о сращивании российской организованной преступности с транснациональной преступностью в сфере незаконного оборота леса и лесоматериалов // Сборник научных трудов по проблемам транснациональной преступности. М.: ЦОКР МВД России, 2009. Выпуск 2. С. 40–49.
2. Об утверждении Правил учета древесины: постановление Правительства РФ от 26 декабря 2016 г. № 1525; Об утверждении Перечня информации о маркировке древесины ценных лесных пород (дуб, бук, ясень), предоставляемой в единую государственную автоматизированную информационную систему учета древесины и сделок с ней: Распоряжение Правительства РФ от 17 декабря 2014 г. № 2582-р; Об утверждении Правил представления информации в единую государственную автоматизированную информационную систему учета древесины и сделок с ней: постановление Правительства РФ от 3 декабря 2014 г. № 1301; О порядке эксплуатации единой государственной автоматизированной информационной системы учета древесины и сделок с ней: постановление Правительства РФ от 28 января 2015 г. № 55; О направлении запросов о предоставлении информации, содержащейся в единой государственной автоматизированной информационной системе учета древесины и сделок с ней: постановление Правительства РФ от 3 ноября 2014 г. № 1148.
3. Организационно-экономические и правовые механизмы реализации национальных интересов в лесной сфере: монография. М.: ОАО «Институт микроэкономики», 2013. 308 с.
4. Иванов П.И., Кузнецов П.Г. Об опыте проведения оперативно-профилактических мероприятий «Лесовоз-2014» (по материалам УТ МВД России по ДФО) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2 (20).

УДК 343.346.4

А.Г. Рублев .

НЕОСТОРОЖНАЯ ФОРМА ВИНЫ И ЕЕ АЛЬТЕРНАТИВА В НАРУШЕНИИ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

В статье рассматриваются вопросы безопасности дорожного движения. Анализируется действующее законодательство, субъективная сторона преступных нарушений правил дорожного движения.

Ключевые слова: формы вины, неосторожность, вина водителя, состояние опьянения.

Проблема вины является одной из сложнейших проблем в теории уголовного права. Несмотря на проводимые рядом ученых исследования, многие вопросы до сих пор остаются спорными, что создает определенные трудности как для квалификации общественно-опасных деяний, так и для индивидуализации ответственности и наказания.

Вина является основанием привлечения лица к юридической ответственности и ее центральным принципом [1, с. 21]. Понимание вины, ее содержания и сущности является неременным условием правильной квалификации общественно опасных деяний, исключающим возможность объективного вменения.

Впервые как самостоятельная форма вины неосторожность была сконструирована в средневековой итальянской доктрине и явилась результатом выделения из понятия косвенного умысла такой комбинации психических факторов, при которых лицо не предвидело, хотя должно было и могло предвидеть возможность наступления вредных последствий своего неосторожного поведения. В теоретическом плане выделение неосторожности в самостоятельную форму вины и требование возможности предвидения результата для ответственности за неосторожное причинение вреда ознаменовало определенный прогресс, так как означало усиление принципа субъективного вменения.

Характерно, что история развития Общей и Особенной частей уголовного права дает основание для вывода, что распределение между умышленной и неосторожной виной происходило на материалах практики, связанной с преступлениями против жизни. Считалось, что с разделения умышленного и неумышленного убийства началось учение о неосторожной вине в целом.

Полагаем, что в рамках настоящей статьи нет

необходимости детально рассматривать эволюцию квалификации формы вины преступных нарушений правил дорожного движения.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, характеризуется виной в форме неосторожности (легкомыслия или небрежности). Поскольку реальное и достаточно четкое разграничение между косвенным умыслом и легкомыслием можно провести лишь по волевому содержанию, считаем более правильным относить данный вид виновного отношения к совершаемому преступлению как к неосторожной, так и к умышленной форме вины. Подобный подход призван урегулировать спорные моменты разграничения форм и видов вины и базируется на следующем. Деление вины на формы должно осуществляться на основании ее интеллектуального содержания, складывающегося из осознания общественной значимости совершаемого и предвидения возможности причинения какого-либо вреда [2, с. 98]. Для неосторожной вины характерны специфический, отличный от умысла, психологический механизм, особая форма связи сознания и воли субъекта с общественно опасными последствиями.

При легкомыслии недостаточная осторожность оказывается в оценке тех обстоятельств, которые, по мнению субъекта, должны предотвратить наступление общественно опасных последствий (субъект не предвидит недостаточности этих обстоятельств); при небрежности неосторожность оказывается в отношении к самому деянию, субъект не предвидит возможные общественно опасные последствия).

Поэтому последствия при неосторожном деянии наступают не по воле субъекта, не входят в содержание его мотива и цели, а наоборот, чаще всего противоречат субъективной направленно-

Рублев Андрей Геннадьевич, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры АП и АД ОВД Уральского юридического института МВД России

e-mail: dr.feod@yandex.ru

© Рублев А.Г., 2016

Статья получена: 10.11.2015

сти его действий.

Однако отнесение всех неосторожных действий к сфере импульсного поведения вызывает возражение. Очевидно, что волевое и импульсное поведение различаются не по характеру последствий, а по источнику поведения: сознательно принятое решение или импульсный акт, который минует сознательный волевой контроль. Иначе почти любое поведение придется признать импульсивным, поскольку рядом с предусмотренными и желаемыми последствиями оно почти всегда вызывает непредвиденные и нежелательные для нас последствия.

Не менее важное значение для выяснения особенностей неосторожной формы вины имеет нередко случайный для действий виновного характер наступивших последствий. Особенно это относится к неосторожности, связанной с нарушением определенных правил безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

В этом контексте доказывание субъективной составляющей состава преступления, предусмотренного ст.264 УК РФ, для органа предварительного расследования и суда всегда представляет определенную сложность [3, с. 52]. Решение всех этих вопросов в современных условиях, когда заостряется проблема психофизиологической надежности лица и соответствия ее требованиям безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, чрезвычайно актуально. Это способствовало бы предупреждению как неосторожных преступлений, так и случайного вреда в сфере использования источников повышенной опасности.

Отдельного внимания заслуживает обсуждение вопроса о том, что отнесение преступного нарушения правил дорожного движения только к неосторожности в правоприменительной практике способствует росту автотранспортной преступности. Следует отметить следующее: и в РСФСР, и в современной России постоянно проявлялась устойчивая тенденция роста преступных нарушений правил дорожного движения. К тому же в России всегда отмечался высокий уровень латентности данного вида преступлений, причем выше, чем в других странах. Никакими статистическими данными не доказано, что решение вопроса о наличии умысла или неосторожности в действиях водителей транспортных средств влияет на состояние и динамику исследуемых преступлений или правонарушений. Нельзя не учитывать, что, например, в РСФСР осуждение по ст.211.1 УК РСФСР только за сам факт управления в нетрезвом состоянии приводило к увеличению количества дел по автотранспортным преступлениям, не давая ожидаемого позитивного результата снижения аварийно-

сти на дорогах по вине нетрезвых водителей.

Не стоит забывать, что это заставило законодателя усомниться в целесообразности применения уголовной репрессии к водителям только за сам факт управления транспортным средством, хотя и повторный, в нетрезвом состоянии (24 декабря 1992 г. согласно Закону РФ «О внесении изменений и дополнений в Кодекс РСФСР об административных правонарушениях, УК РСФСР, УПК РСФСР» данный формальный состав переведен в разряд административных правонарушений).

Всегда существует возможность возникновения экстремальных ситуаций, в которых не каждый водитель способен правильно действовать. Нельзя также исключать и возможность изменения, в том числе и спонтанного, психофизиологических качеств лица.

По этому вопросу С.В. Векленко отметил, что положение о психическом отношении субъекта к последствиям «лишний раз свидетельствует об односторонности и ограниченности психологической теории вины, не позволяющей объединить в единое целое все заслуживающие упрека и наказания разновидности преступного поведения» [4, с. 10]. Не стоит упускать из виду, что преступление, предусмотренное ст. 264 УК РФ, характеризуется неосторожной формой вины, которая может быть как в виде легкомыслия, так и в виде небрежности. При легкомыслии виновный предвидит возможность наступления в результате нарушения им правил безопасности движения или эксплуатации транспортного средства общественно-опасных последствий, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывает на их предотвращение. Представляется теоретически неоправданным устанавливать различные формы вины в отношении деяния и в отношении последствия.

Мы согласны с мнением В. Лукьянова, который утверждает, что при «оценке механизма дорожно-транспортного происшествия исчезает необходимость придумывать различные варианты «раздвоенной» вины». В связи с этим заслуживает внимания его позиция, что «далеко не все дорожно-транспортные преступления совершаются по неосторожности», «умысел и неосторожность в совершении дорожно-транспортного преступления следует определять по характеру отношения виновного к созданию аварийной обстановки» [5, с. 60]. Однако закон не требует установления формы вины в отношении деяния в материальных составах неосторожных преступлений. В нем говорится об осознанности опасности своего поведения лишь при совершении умышленных преступлений. В неосторожных же преступлениях согласно закону учитывается лишь возможность осознания

наступления общественно опасных последствий.

Рассмотрим некоторые аспекты объективного вменения в случае совершения преступления в нетрезвом состоянии. На практике объективное вменение, несмотря на его запрет в УК РФ (ч. 2 ст. 5), является абсолютно необходимым средством борьбы с преступностью. Речь в таких случаях, на наш взгляд, необходимо вести не о полном искоренении объективного вменения, что вряд ли возможно, а лишь о разработке четких критериев его применения, которые бы содержались непосредственно в уголовном законе [2, с. 98].

Общее во всех видах умысла – интеллектуальное содержание виновного отношения лица к совершаемому им преступному деянию. Критерий их разграничения есть волевое содержание вины: при косвенном умысле – упречная воля в виде непринятия мер по предотвращению неизбежного или возможного вреда, при легкомыслии – безупречная воля [6, с. 47]. В перечисленных случаях речь необходимо вести уже не просто об объективном вменении, а о вменении, имеющем субъективно-объективное начало. Привлечение к ответственности лиц указанных категорий, безусловно, необходимо, однако реализация ответственности в данных случаях осуществляется уже с преобладанием объективного начала. Между тем, соглашаясь, что в основе ответственности таких лиц лежит объективное вменение, нельзя не согласиться и с выводом о его целесообразности [2, с. 30].

Анализируя статистические данные, нельзя не отметить увеличение числа дорожно-транспортных происшествий по причине управления транспортным средством в состоянии опьянения.

Как правило, ДТП с участием нетрезвых водителей имеют достаточно серьезные последствия, при этом такие водители на дороге не замечают опасности и склонны переоценивать свои способности. За 9 месяцев 2015 года, например, в Еврейской автономной области по вине водителей, находящихся в состоянии опьянения, зарегистрировано 22 дорожно-транспортных происшествия, в которых 13 человек погибли и 25 получили телесные повреждения различной степени тяжести [7]. В условиях российских реалий не стоит упускать из виду, что мотивация поведения водителей, находящихся в состоянии опьянения, характеризуется «явным пренебрежением нормами и правилами поведения на дороге, хулиганскими мотивами и уверенностью в абсолютной или относительной безнаказанности» [8, с. 118].

Как известно, нарушение правил безопасности функционирования транспорта, повлекшее указанные в ст. 264 УК РФ последствия, совершенные умышленно, к числу транспортных престу-

плений не относится. Это преступления против личности, против собственности, в зависимости от направленности умысла и наступивших последствий. Нам это положение представляется спорным, поскольку далеко не все аргументы той или иной стороны представляются убедительными. Прежде всего, в теории уголовного права время от времени делались попытки допущения возможности косвенного умысла при совершении автотранспортных преступлений. «Дорожно-транспортные преступления, – говорит В.В. Лукьянов, – в одних случаях (при умышленной форме вины по отношению к действию и последствиям) должны быть отнесены к разряду умышленных деяний, а в других (при умышленном или неосторожном отношении – к действию и неосторожности – к последствиям) признаваться неосторожными» [9, с. 108–111]. Такое мнение, на наш взгляд, обусловлено тем, что в ряде случаев весьма малая обоснованность надежды на благоприятный исход дела в конкретной ситуации плюс мотивация нарушения правил, типа хулиганства, лихачества, озорства и т.п., действительно приближают такие деяния к умышленным.

С другой стороны, наличие косвенного умысла при нарушениях правил дорожного движения свидетельствует об ином характере преступного деяния и требует инкриминировать виновному одно из умышленных преступлений против личности. УК 1996 г. отнес рассматриваемые преступления к числу неосторожных деяний. Несмотря на столь четкие нормативные предписания, по мнению И.Л. Трунова, «пьяный, садясь за руль источника повышенной опасности, знает, что это опасно, но делает это. Умышленным преступлением, совершенным с косвенным умыслом, согласно ст. 25 УК РФ, является деяние, при котором лицо осознавало общественную опасность своих действий, предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично. Ч. 6 ст. 264 УК РФ должна квалифицироваться как умышленное преступление» [10].

Употребление алкоголя, наркотических веществ водителем для удовольствия при осознании возможных негативных последствий необходимо оценивать как обстоятельство, отягчающее уголовную ответственность.

Напомним, что с 1 июля 2015 года Уголовный кодекс РФ дополнен новой статьей 264.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за управление автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, подвергнутым административному наказанию за управление

транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения либо имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного частями второй, четвертой или шестой статьи 264 УК РФ. С субъективной стороны преступление, предусмотренное данной статьей, характеризуется умышленной виной.

В конце концов, нельзя не отметить, что в кодексах ряда зарубежных стран транспортные преступления признаются совершаемыми умышленно. При этом наказание смягчается, если устанавливается неосторожная вина. Составы преступлений в этих случаях сконструированы чаще всего как составы конкретной опасности. Определенные же последствия (в основном это смерть и тяжкий вред здоровью) выступают в качестве квалифицирующих это деяние признаков.

Например, УК Польши в главе XXI, озаглавленной «Преступления против безопасности движения», также предусмотрена ответственность за нарушение правил безопасности движения сухопутного транспорта, если такое нарушение угрожает жизни или здоровью многих людей либо имуществу в больших размерах (ст. 173). При этом ответственность дифференцирована в зависимости от того, действовал ли виновный умышленно или неумышленно, от тяжести последствий, от стадии преступления, от посткриминального поведения и пр. Наказание в соответствии со ст. 178 назначается за указанное преступление, если виновный был в состоянии опьянения или скрылся с места происшествия, в размере до верхнего предела, установленного в санкции наказания, увеличенного наполовину [11].

При этом остаются открытыми ряд вопросов, в частности, возможно ли привлечение лица, совершившего преступление, предусмотренное ч. 2, ч. 4 либо ч. 6 ст. 264 УК РФ к уголовной ответственности по совокупности со ст. 264.1 УК РФ при наличии у него судимости, указанной в диспозиции ст. 264.1 УК РФ. Кроме того, в некоторых случаях законодатель признает деяния умышленными лишь при осознании лицом их противоправности. Это относится к преступлениям со специальным субъектом, когда на лицо возложена обязанность по выполнению каких-либо правил, предписаний [12]. До вступления поправки в силу было немало случаев, когда водителя лишали права управления, а он снова водил пьяным. Рекордный срок лишения составил 80 лет! [13, с. 18].

Состояние опьянения, вызванное употреблением алкоголя, наркотических средств или других

одурманивающих веществ, не относится к категории психических расстройств, составляющих медицинский критерий невменяемости. Указанные обстоятельства и явились фундаментом положений ст. 23 УК РФ об ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения [14].

Считаем, что не только по ч. 6 ст. 264 УК РФ должно квалифицироваться деяние как умышленное преступление [10, с. 133], но и преступления, предусмотренные ч. 2, ч. 4 либо ч. 6 ст. 264 УК РФ, совершенными умышленно. Уголовно-правовое значение неспособности лица осознавать фактический характер и общественную опасность своего поведения либо руководить в нетрезвом состоянии является характерным для установления вины. В ст. 23 УК РФ находит закрепление концепция опасного состояния как исключение из общего принципа виновной ответственности.

Между тем именно повторность противоправных действий, их прямой умысел, в предусмотренные ст. 264.1 УК РФ, в большей мере, чем что-либо иное, характеризуют виновного и должны влиять на характер назначаемого наказания. В силу п. 30 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» принадлежащее обвиняемому транспортное средство в соответствии со ст. 81 УПК РФ подлежит конфискации только в случаях, когда оно использовалось в качестве орудия умышленного преступления. При совершении преступления лицом, признанным виновным в содеянном по статье 264 УК РФ, транспортное средство не может быть признано орудием преступления [15].

Соответственно, принимая во внимание возможную реализацию высказанных С.В. Векленко предложений по совершенствованию ст. 25, ст. 26 УК РФ [16, с. 30–31], в частности, по отнесению легкомыслия к умышленной форме вины, считаем, что это положит конец теоретическим спорам о возможности наличия умышленной формы вины в преступных действиях водителя. Подобный подход позволит признать орудием совершения преступления при квалификации деяний, повлекших смерть человека в состоянии опьянения, транспортное средство, на котором совершено преступление. В соответствии со ст. 81 УПК РФ орудия преступления подлежат конфискации. По этому пути пошел белорусский законодатель, введя в качестве санкции конфискацию автомашин за вождение в нетрезвом виде в рамках Уголовного кодекса [10].

Как справедливо отмечает А. Шеслер, установ-

ление формы вины при нарушении специальных правил в материальных составах преступлений должно осуществляться на основе отношения лица к нарушению таких правил в совокупности с отношением лица к наступившим в результате нарушения последствиям [17]. Вместе с тем в настоящее время в результате повторного нарушения административного законодательства водителем (ст. 12.8 КоАП РФ «Управление транспортным средством в состоянии опьянения», ст. 12.26 КоАП РФ «Невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения») при наличии объективных признаков, предусмотренных ст. 264 УК РФ, может возникнуть вопрос о том, каким в целом является данное преступление, а именно: умышленным или неосторожным.

Есть ли сейчас альтернатива неосторожной вине в автотранспортных преступлениях? Реальным путем решения вопросов субъективной стороны преступных нарушений правил дорожного

движения могли бы служить изменения, высказанные в современной научной литературе по совершенствованию ст. 25 и ст. 26 УК РФ. В связи с этим мы разделяем точку зрения И.Л. Трунова [10, с. 133], что умышленная вина содержится в действиях лица, совершившего преступление, предусмотренное ч. 6 ст. 264 УК РФ. Однако, апеллируя к логике, то же возможно предложить и при реализации уголовной ответственности, предусмотренной ч. 2, ч. 4 ст. 264 УК РФ.

Подводя итоги, мы сказали бы так: высказанные нами вопросы и предложения, касающиеся субъективной стороны в преступном нарушении правил дорожного движения, рассчитаны на перспективу, являются частично убедительными, частично спорными, но в совокупности приемлемыми решениями. Вопрос в другом: соответствует ли такая трактовка изложенной проблематики для эффективного противодействия преступлениям в современной России?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юрчак Е.В. Концепции вины в юридической науке // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 7.
2. Векленко С.В., Бавсун М.В., Фаткуллина М.Б. Вина и ответственность в уголовном праве. Омск: Омская академия МВД России, 2009.
3. Колоколов Н.А. Преступная неосторожность группы лиц по делам о ДТП // Уголовный процесс. 2011. № 12.
4. Векленко С.В. Неосторожная форма вины в уголовном праве и законодательстве // Правоохранительные органы: теория и практика. 2004. № 2 (3).
5. Лукьянов В.В. Формы вины в дорожно-транспортных правонарушениях // Российская юстиция. 2002. № 12.
6. Векленко С.В. Значение категорий диалектики для познания вины в уголовном праве // Научный вестник Омской академии МВД России. 2008. № 2 (29).
7. «В автономии продолжается операция «Нетрезвый водитель». URL: http://www.gibdd.ru/news/79/1948755/?sphrase_id=6726029
8. Танага И.В. Причины и условия, способствующие дорожно-транспортным преступлениям, и пути их устранения // Общество и право. 2009. № 2 (24).
9. Лукьянов В.В. Проблемы квалификации дорожно-транспортных преступлений / В.В. Лукьянов. М.: Юрид. лит., 1979.
10. Трунов И.Л. Проблемы безопасности дорожного движения // Евразийский юридический журнал. 2013. № 7.
11. Польский Уголовный кодекс. URL: <http://kodeks.ws/karny/art178.htm> (дата обращения 09.11.2015).
12. Комментарий к УК РФ: научно-практический (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2013. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
13. Лысаков В. Кнут и пряник для водителя // Полиция России. 2015. № 10.
14. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект, 2015. Том 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
15. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25: ред. от 23.12.2010. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.10.2015).
16. Векленко С.В. Виновное вменение в уголовном праве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2003.
17. Шеслер А. Субъективная сторона преступного нарушения правил безопасности на взрывоопасных объектах // Уголовное право. 2014. № 3. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

УДК 343.2/.7

К.Н. Евдокимов .**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С КОМПЬЮТЕРНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ**

В статье автор проводит анализ наиболее актуальных проблем, с которыми сталкивается правоприменитель при квалификации компьютерных преступлений, и вносит предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства.

Ключевые слова: компьютерная преступность, преступления в сфере компьютерной информации, неправомерный доступ к компьютерной информации, программы для ЭВМ, вредоносные компьютерные программы.

Применение современных информационных технологий в банковской, торговой, промышленной, научной, образовательной, культурной и других сферах общественной жизни детерминировали существование компьютерной преступности в Российской Федерации, ее динамический рост и качественное обновление, что создает новые угрозы для развития российского общества и государства.

Так, согласно последнему отчету международной компании «Лаборатория Касперского», в 2014 году ее программные продукты заблокировали 6 167 233 068 вредоносных атак на компьютеры и мобильные устройства пользователей. Кроме того, решения «Лаборатории Касперского» отразили 1 432 660 467 атак, проводившихся с 9 766 119 хостов (интернет-ресурсов), размещенных в разных странах мира. При этом 44% атак проводились с веб-ресурсов, расположенных в США и Германии. Также в 2014 году было задетектировано 123 054 503 новых уникальных вредоносных объектов (скрипты, эксплойты, исполняемые файлы и т.д.).

Вместе с тем, по данным «Лаборатории Касперского», Российская Федерация занимает 1-е место в мире по количеству атакованных вредоносными программами пользователей мобильных устройств (45,7%); банковских пользователей, атакованных вирусами-троянками (87,75%); количеству инфицированных через сеть «Интернет» компьютеров (53,81% пользователей) [1].

Кроме того, компьютерные преступления наносят колоссальный ущерб российской экономике. По оценкам аналитиков международной компании Group-IB, объем рынка киберпреступности в РФ и странах СНГ за второе полугодие 2014 – первое полугодие 2015 года составил почти 4 млрд ру-

блей. В том числе, хищения в интернет-банкинге у юридических лиц – 1 912 320 000 рублей, целевые атаки на банки – 638 000 000 рублей, обналичивание похищаемых средств – 1 192 239 900 рублей. Примерный ущерб от одного хищения в интернет-банкинге у юридических лиц составил 480 000 рублей, а у физических лиц – 76 500 рублей [2].

По данным исследования «2014 Cost of CyberCrime Study», проведенного компанией Ponemon Institute при поддержке HP Enterprise Security, среднегодовой ущерб российской организации от киберпреступлений в 2014 году достиг \$3,3 млн [3].

Между тем, по данным ГИАЦ МВД России, общее количество преступлений в сфере компьютерной информации (зарегистрированных в текущем периоде), предусмотренных ст. 272 и ст. 273, 274 УК РФ, в 2009г. составило соответственно 9489 и 2097, 4; в 2010 г. – 6132 и 1010, 0; в 2011 г. – 2005 и 693, 0; в 2012 г. – 1930 и 889, 1; в 2013 г. – 1799 и 764, 0; в 2014 г. – 1151 и 585, 3 [4].

Таким образом, за последние шесть лет количество выявленных преступлений в сфере компьютерной информации сократилось более чем в 6,5 раз, с 11590 до 1739 уголовных дел, что не может не настораживать. Поскольку аналитические отчеты экспертов в сфере информационной безопасности («Доктор Web», «Лаборатория Касперского», Symantec, Group-IB и др.) говорят не столько об улучшении и усилении борьбы правоохранительных органов с преступлениями данного вида, сколько о том, что в данной сфере наблюдается качественная трансформация компьютерной преступности, выраженная в приобретении последней высоколатентного и орга-

Евдокимов Константин Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ
e-mail: kons-evdokimov@yandex.ru

© Евдокимов К.Н., 2016

Статья получена: 12.11.2015

низованного характера.

Это в свою очередь, по мнению автора, значительно затрудняет эффективное выявление и расследование указанных преступных деяний, а также определяет тенденцию к снижению количества зарегистрированных в РФ уголовных дел о компьютерных преступлениях.

Следует также отметить, что сокращается количество не только выявленных, но и раскрытых преступлений. Так, например, если из находившихся в производстве в 2010 году 1066 уголовных дел (возбужденных по ст. 273 УК РФ) направлено в суд 914, то в 2011 году из 754 уголовных дел в суд направлено 558; в 2012 году соответственно из 953 уголовных дел направлено в суд только 664, а в 2013 году из 860 уголовных дел направлено в суд 575; в 2014 году из 665 уголовных дел в суд направлено 344 [4].

По мнению автора, основной причиной сокращения количества направленных в суд уголовных дел по преступлениям в сфере компьютерной информации является снижение качества предварительного следствия, в т.ч. ошибки следователей при уголовно-правовой квалификации преступного деяния на стадии возбуждения уголовного дела [5, с. 255].

Вместе с тем вопросы уголовно-правовой квалификации компьютерных преступлений в последнее время стали предметом обсуждения российского научного сообщества [6, с. 24–19; 7, с. 12–16; 8, с. 61–64; 9, с. 27, 32].

Однако, несмотря на научную разработанность данной проблемы, на практике, при квалификации преступлений в сфере компьютерной информации правоприменитель часто сталкивается с затруднениями технико-юридического характера.

Так, например, у следователя или судьи возникает проблема при уяснении некоторых понятий, содержащихся в диспозициях ст. 272–274 УК РФ, а именно: «компьютерная программа», «несанкционированное уничтожение, блокирование, модификация, копирование компьютерной информации», «нейтрализация средств защиты компьютерной информации», «средства хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации». Это связано с тем, что указанные технико-юридические термины законодательно нигде не определены. Поэтому, как правило, судьи, прокуроры, следователи вынуждены обращаться к текстам комментариев Уголовного кодекса РФ. Однако в отсутствие разъяснений пленума Верховного Суда РФ выводы авторов комментариев УК РФ носят часто субъективный и взаимопротиворечивый характер. Это, к сожалению, негативно влияет на единообразие судебной практики по уголовным делам о престу-

плениях в сфере компьютерной информации.

Кроме того, при квалификации деяний, предусмотренных ст. 272–274 УК РФ возникает ряд вопросов, требующих конкретного толкования для правоприменителя Верховным Судом Российской Федерации.

Например, будет ли являться уничтожением компьютерной информации деяние, при котором информация была изначально уничтожена, но спустя определенное время частично или полностью восстановлена специалистами? Как квалифицировать уничтожение компьютерной информации сильным электромагнитным или высокочастотным излучением, не повлекшим уничтожение самого носителя информации? Будут ли являться незаконным копированием компьютерной информации действия преступника при получении копии путем распечатывания информации на принтере, фотографирования или видеосъемки изображения монитора компьютера? Будет ли являться созданием вредоносной компьютерной программы написание вредоносного кода «вирус-мейкером» на бумажном носителе?

Наконец, как квалифицировать несанкционированное ознакомление с компьютерной информацией, когда преступник, визуально запомнив конфиденциальные сведения (например, персональные данные лица; информацию о содержании коммерческой сделки и сторонах договора; сведения об усыновлении (удочерении), врачебную тайну и т.д.), впоследствии переносит их на другой материальный носитель информации, создав ее копию (написав на листе бумаги, введя информацию в память своего компьютера или иного компьютерного устройства: айфона, смартфона, планшетного компьютера, коммуникатора и т.п.).

По мнению автора, описанные деяния и последствия носят противоправный характер и должны учитываться при квалификации преступлений в сфере компьютерной информации.

Кроме того, полагаем целесообразным дополнить главу № 28 УК РФ статьей 272. 1 «Незаконное завладение носителем компьютерной информации с целью осуществления неправомерного доступа к компьютерной информации», предусмотрев наказание до двух лет лишения свободы. Данное авторское предложение основано на том, что преступник, тайно, открыто или обманным путем завладев носителем компьютерной информации, например, флэш-картой или DVD-диском, для последующего извлечения и использования информации, избегает уголовной ответственности в силу малозначительности совершенного деяния. Учитывая, что стоимость вышеуказанных носителей информации не превышает тысячи ру-

блей, это грозит виновному (в лучшем случае) наступлением административной ответственности по ст. 7. 27 КоАП РФ (мелкое хищение) и наказанием до 15 суток административного ареста. При этом виновное лицо получает доступ к компьютерной информации, представляющей большую ценность для ее обладателя, чем сам носитель информации.

При квалификации преступных действий, предусмотренных ст. 273 УК РФ, следует отметить неудачную юридическую конструкцию ч. 1 ст. 273 УК РФ, в диспозиции которой указывается на «создание, распространение или использование компьютерных программ ... заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации». Указание законодателем на создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ во множественном числе по смыслу статьи можно трактовать как то, что правоприменитель не вправе привлекать к уголовной ответственности лицо, которое создало, использовало или распространило одну вредоносную компьютерную программу.

Также, по мнению автора, нецелесообразным является исключение из диспозиции ст. 273 УК РФ такого преступного действия, как «внесение изменений в существующие программы». Данный вопрос приобретает актуальность в связи с тем, что в последние годы создаются уже не отдельные вредоносные программы, а целые семейства компьютерных вирусов, имеющих в основе однотипный цифровой код, либо лицензионные программы в результате модификаций приобретают вредоносный характер.

Так, например, вирусмейкеры Джеффри Ли Парсон (США) и Димитрий Чобан (Румыния) модифицировали компьютерный вирус «Blaster», который нанес в 2003–2005 годах ущерб от 2 до 10 млрд долларов владельцам и пользователям компьютеров в США и странах Европы. Однако, по их признанию, они не создавали вредоносную компьютерную программу «Blaster», а произвели ее модификацию, внося изменения в существующую вредоносную компьютерную программу, получив тем самым компьютерные вирусы «Blaster.B» и «Blaster.F» [10].

Думается, что с уголовно-правовой точки зрения, постановление пленума Верховного Суда РФ могло бы устранить сомнения в части, считать ли подобные действия модификацией, т.е. внесением изменений в существующую вредоносную компьютерную программу (информацию), либо

созданием новой вредоносной компьютерной программы (информации).

По нашему мнению, в данном случае виновное лицо должно нести ответственность в равной степени как за модификацию, так и за создание новой разновидности вредоносной программы.

Кроме того, считаем логичным в число преступных действий, закрепленных в ч. 1 ст. 273 УК РФ, включить такое деяние, как приобретение компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации.

Свою позицию обосновываем тем фактом, что подавляющее большинство преступников, использующих вредоносные компьютерные программы, не являются их создателями, а приобретают их для преступных целей у представителей хакерского сообщества на специализированных сайтах, форумах или веб-страницах. При этом вредоносные компьютерные программы опасны для общества так же, как и оружие, наркотики, сильнодействующие или психотропные вещества, взрывчатые вещества, за приобретение которых предусмотрена уголовная ответственность. Поэтому, по мнению автора, лица, приобретающие компьютерные вирусы, должны нести уголовную ответственность наравне с лицами, их создающими и распространяющими.

Данная точка зрения ранее уже высказывалась рядом авторов [11, с. 98; 12, с. 86], но законодательного закрепления не нашла.

Вызывает определенное недоумение также установление законодателем в ч. 2 ст. 272, 273, ч. 1 ст. 274 УК РФ уголовной ответственности за причинение крупного ущерба в сумме, превышающей один миллион рублей.

При этом, например, размер крупного ущерба в ч. 1, 2 ст. 146 за причинение вреда авторским или смежным правам установлен в сто тысяч рублей, а за преступления против собственности (ст. 158, 159, 163, 167 УК РФ) в размере, превышающем двести пятьдесят тысяч рублей. Таким образом, по мнению автора, размер крупного ущерба при совершении преступлений в сфере компьютерной информации явно завышен, что также негативно влияет на борьбу с преступлениями в сфере компьютерной информации.

Кроме того, компьютерная информация, технические средства ее обработки, носители информации могут находиться в собственности физических лиц. Поэтому, по нашему мнению, представляется целесообразным учесть имуще-

ственные права и интересы потерпевшего, дополнив диспозицию ст. 272, 273 УК РФ новым квалифицирующим признаком: «с причинением значительного ущерба гражданину...».

С учетом вышесказанного, считаем целесообразным снизить крупный размер вреда, причиненного преступлением в сфере компьютерной информации, и изложить примечание к ст. 272 УК РФ в следующей редакции: «1. Под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи.

2. Значительный ущерб гражданину в статьях настоящей главы определяется с учетом его имущественного положения, но не может составлять менее двух тысяч пятисот рублей.

3. Крупным ущербом в статьях настоящей главы признается ущерб, сумма которого превышает сто тысяч рублей».

Это позволит привести ст. 272–274 УК РФ в соответствие с остальными уголовно-правовыми нормами по вопросу о сумме ущерба, причиненного преступным деянием, устранив в данном случае возникшую коллизию в размерах причиненного вреда.

Продолжая анализ проблем при квалификации преступлений в сфере компьютерной информации, нельзя не остановиться на мотивах и целях преступления.

Необходимо отметить, что в действующей редакции ч. 3 ст. 272 УК РФ и ч. 2 ст. 273 УК РФ в качестве квалифицирующего признака преступления закреплен корыстный мотив: «Деяния, ... совершенные из корыстной заинтересованности». Это положительный шаг в совершенствовании уголовной ответственности за преступные деяния данного вида, т.к., по мнению большинства опрошенных работников правоохранительных органов (74%), корыстный мотив присутствует не менее чем в 90% случаев совершения преступлений в сфере компьютерной информации [13, с. 27].

Однако считаем целесообразным дополнить диспозиции статей 272, 273 УК РФ новым квалифицирующим признаком: «С целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение», поскольку преступления в сфере компьютерной информации часто выступают способом совершения множества других преступных деяний (хищений денежных средств, нарушения авторских и смежных прав, сбыта наркотических веществ, умышленного уничтожения или повреждения имущества, шпионажа, государственной измены и т.д.).

Анализ научных трудов [14, с. 115, 116; 15, с. 58], посвященных совершенствованию уго-

ловной ответственности за преступления в сфере компьютерной информации, подтверждает позицию автора об учете вышеуказанных целей для всесторонней и полной квалификации рассматриваемых преступных деяний.

Нельзя не учитывать и политические мотивы (цели) совершения преступлений в сфере компьютерной информации, которые, по мнению автора, вызваны: 1) развитием хактивистского движения как политического протестного движения против государственного контроля в глобальной информационной сети «Интернет»; 2) причинением вреда государственным интересам, деятельности механизма государственной власти Российской Федерации вооруженными силами враждебных стран путем использования вредоносных компьютерных программ в качестве информационного оружия; 3) деятельностью спецслужб иностранных государств в отношении российских органов власти, учреждений, предприятий для получения информации геополитического, военно-технического, дипломатического и иного стратегического характера, т.е. «кибершпионаж»; 4) неправомерным использованием вредоносных компьютерных программ и компьютерных технологий в период предвыборных компаний для дискредитации кандидатов на выборные должности в органы государственной власти и местного самоуправления.

Поэтому для более эффективного противодействия преступлениям в сфере компьютерной информации автор предлагает дополнить диспозиции ч. 3 ст. 272, ч. 2 ст. 273, ч. 2 ст. 274 УК РФ новым квалифицирующим признаком: «То же деяние, совершенное по политическим мотивам либо с целью устрашения населения или воздействия на принятие решения органами государственной власти и (или) местного самоуправления, воспрепятствования нормальной деятельности средств массовой информации, органов государственной власти и (или) местного самоуправления, государственных и (или) муниципальных предприятий, учреждений», установив уголовное наказание до 10 лет лишения свободы.

Данное предложение, по мнению автора, обусловлено повышенной общественной опасностью «киберсаботажа», «кибершпионажа», «кибертерроризма», «кибервандализма» и прочих компьютерных преступлений политической направленности. При этом автор полагает необходимым также внести изменения в ст. 151 УПК РФ и отнести преступления, предусмотренные ч. 3, 4 ст. 272, ч. 2, 3 ст. 273, ч. 2 ст. 274 УК РФ, к подследственности органов ФСБ РФ, поскольку данные составы преступлений угрожают национальной безопасности России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kaspersky Security Bulletin 2014. Основная статистика за 2014 год. URL: <https://securelist.ru/files/2014/12/Kaspersky-Security-Bulletin-2014-RU.pdf> (дата обращения: 30.10.2015).
2. Тенденции развития преступности в области высоких технологий 2015. URL: <http://report2015.group-ib.ru/> (дата обращения: 30.10.2015).
3. URL: <http://www.octree.co.uk/Documents/2014-Global-Report-on-the-Cost-of-Cybercrime.pdf> (дата обращения: 05.05.2015).
4. Ф-615 кн.1. Преступления в сфере компьютерной информации. Сводный и сборник по России за январь-декабрь 2010–2014 гг. URL: <http://mvd.ru> (дата обращения: 09.03.2015).
5. Евдокимов К.Н. Актуальные вопросы совершенствования уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере компьютерной информации // Проблемы современного российского законодательства: материалы III Всероссийской научно-практической конференции (Иркутск, 3 декабря 2014 г.). Иркутск; М.: РПА Минюста России, 2015.
6. Евдокимов К.Н. Актуальные вопросы уголовно-правовой квалификации преступлений в сфере компьютерной информации // Российский следователь. 2015. № 10.
7. Ефремова М.А. К вопросу об уголовной ответственности за создание, распространение и использование вредоносных компьютерных программ // Информационное право. 2015. № 3.
8. Родивилин И.П. Проблемы квалификации преступлений в сфере компьютерной информации, совершаемых с использованием дистанционного управления банковским счетом и их предупреждение // Пролог. 2014. № 2 (6).
9. Степановегианц В.Г. Проблемы разграничения неправомерного доступа к компьютерной информации со смежными составами // Право и кибербезопасность. 2014. № 2.
10. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Blaster_\(компьютерный_червь\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Blaster_(компьютерный_червь)) (дата обращения: 07.10.2014).
11. Максимов В.Ю. Незаконное обращение с вредоносными программами для ЭВМ: проблемы криминализации, дифференциации ответственности и индивидуализации наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: РГБ, 1998. 168 с.
12. Маслакова Е.А. Незаконный оборот вредоносных компьютерных программ: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Орел: РГБ, 2008. 198 с.
13. Чекунов И.Г. Некоторые особенности квалификации преступлений в сфере компьютерной информации // Российский следователь. 2012. № 3.
14. Мальковцев М.М. Уголовная ответственность за создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ: дис. ... канд. юрид. наук. М.: РГБ, 2007. 186 с.
15. Менжега М.М. Криминалистические проблемы расследования создания, использования и распространения вредоносных программ для ЭВМ: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: РГБ, 2005. 238 с.

УДК 342.9

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НАЗНАЧЕНИЯ СУДОМ АДМИНИСТРАТИВНОГО АРЕСТА И ЕГО ИСПОЛНЕНИЯ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Т.Ф. Шайхутдинова.

Н.В. Малахова.

В статье рассматриваются некоторые правовые аспекты назначения административного ареста судом и его исполнения органами внутренних дел в свете нового законодательства, регулирующего исполнение административного наказания. Определённое внимание уделено проблемам исполнения административного ареста органами внутренних дел.

Ключевые слова: назначение административного ареста, судьи, исполнение административного ареста, органы внутренних дел, полномочия органов внутренних дел в сфере исполнения административного ареста, проблемы исполнения административного ареста.

Согласно Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (части 1 и 2 статьи 3.9) административный арест, как наиболее строгое административное наказание, устанавливается и назначается лишь в исключительных случаях за отдельные виды административных правонарушений. Административный арест в системе административных наказаний Российской Федерации занимает существенное место, предусматривается по 29 составам административных правонарушений и представляет собой содержание нарушителя в условиях изоляции от общества в предназначенных для этой цели учреждениях.

Процессуальным основанием отбывания административного ареста является постановление судьи о назначении данного административного наказания на срок до пятнадцати суток, а в исключительных случаях, определенных ч. 1 ст. 3.9 КоАП РФ, до тридцати суток, вынесенное в соответствии с рассмотрением конкретного дела об административном правонарушении [1; 2].

Административный арест назначается только судебными органами, что соответствует положению ст. 22 Конституции РФ о праве каждого на свободу и личную неприкосновенность, которое может быть ограничено только по судебному решению.

При этом субъектом применения мер административной ответственности являются не суды

как коллегиальные органы, а судьи (мировые судьи), реализующие свою компетенцию единолично. Уполномоченные органы передают дело об административном правонарушении в суд тогда, когда необходимо применить меру наказания, которую вправе назначить только судья.

При назначении наказания в виде административного ареста принимается во внимание то, что в соответствии с частью 2 статьи 3.9 КоАП РФ данный вид наказания может быть назначен лишь в исключительных случаях, когда с учетом характера деяния и личности нарушителя применение иных видов наказания не обеспечит реализацию задач административной ответственности. При этом существуют основания для отказа в применении данного вида наказания в отношении ряда субъектов либо при наличии определенных обстоятельств. Так, административный арест не может быть применен к лицам, перечисленным в части 2 статьи 3.9 КоАП РФ, в том числе к беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет, несовершеннолетним, инвалидам I и II групп, военнослужащим, сотрудникам ряда правоохранительных органов. Судья при решении вопроса о привлечении лица к административной ответственности должен выяснить особенности правового статуса лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении.

Шайхутдинова Танзиля Фаридовна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
e-mail: TanzilyaV@mail.ru

Малахова Наталья Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
e-mail: nv_malakhova@mail.ru

© Шайхутдинова Т.Ф., 2016

© Малахова Н.В., 2016

Статья получена: 15.01.2016

Административный арест также не может применяться за неуплату штрафа к лицу, совершившему административное правонарушение, предусмотренное главой 12 КоАП РФ, которое было зафиксировано с применением работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средств фото- и киносъемки, видеозаписи (Например, п. 3 примечания к ст. 20.25 КоАП РФ, введенный Федеральным законом от 14 октября 2014 г. № 307-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с уточнением полномочий государственных органов и муниципальных органов в части осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // СПС КонсультантПлюс).

При назначении наказания в виде административного ареста судьи должны учитывать некоторые аспекты, содержащиеся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». В частности, если лицо, в отношении которого вынесено постановление об административном аресте, отбывает этот вид административного наказания по другому делу, то, исходя из части 1 статьи 32.8 КоАП РФ, срок отбывания наказания по данному делу начинает течь со дня вынесения постановления об административном аресте одновременно с неотбытой частью срока административного ареста по другому делу.

Также обращается внимание на то, что в постановлении о назначении административного ареста судье следует указать момент, с которого подлежит исчислению срок ареста. Это связано с тем, что, согласно ч. 3 ст. 32.8 КоАП РФ, срок административного задержания засчитывается в срок административного ареста. А при определении начального момента течения этого срока необходимо иметь в виду часть 4 статьи 27.5 КоАП РФ, согласно которой срок административного задержания лица исчисляется со времени его доставления в соответствии со статьей 27.2 КоАП РФ, а лица, находящегося в состоянии опьянения, – со времени его вытрезвления.

За 12 месяцев 2014 года судьями было вынесено 988 142 решения о назначении наказаний в виде административного ареста (что составило 1,3 % от общего объема постановлений по мате-

риалам органов внутренних дел), в том числе: за административные правонарушения по линии ГИБДД – 253 896 (25,9 %); за мелкое хулиганство – 107891 (11%); за появление в состоянии опьянения – 242259 (25%); за уклонение от исполнения наказания – 256 560 (26%); за административные правонарушения в сфере оборота наркотиков – 27476 (3%); за неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции – 23741 (2%); за мелкое хищение – 23370 (2%); за несоблюдение ограничений при надзоре – 51 360 (5%); за иные правонарушения – 1589 (0,1%) (См. Обзор правоприменительной практики территориальных органов МВД России по исполнению законодательства об административных правонарушениях в 2014 году).

Согласно п. 14 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3 «О полиции» на органы внутренних дел возлагаются обязанности исполнять решения суда (судьи) о лишении права управления транспортным средством, о возмездном изъятии или конфискации оружия и боеприпасов, о направлении несовершеннолетних правонарушителей в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа; содержать, охранять, конвоировать задержанных и (или) заключенных под стражу лиц, находящихся в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых, а также лиц, подвергнутых административному наказанию в виде административного ареста.

Таким образом, полномочия по обеспечению исполнения отдельных видов административных наказаний, в частности, исполнения постановления судьи об административном аресте, возлагаются на органы внутренних дел.

Необходимым условием эффективного осуществления сотрудниками органов внутренних дел своих обязанностей является наличие полноценного правового регулирования в сфере их деятельности.

Исполнение постановления об административном аресте базируется на Конституции Российской Федерации, федеральных законах и подзаконных нормативных актах. Вместе с тем, несмотря на наличие широкого спектра нормативной базы, регулирующей данную сферу деятельности, некоторые вопросы требуют уточнения.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 32.8 КоАП РФ постановление судьи об административном аресте исполняется органами внутренних дел немедленно после его вынесения. Но данное положение противоречит части 2 статьи 31.2 КоАП РФ. Согласно общему правилу, установленному указанной нормой, постановление по делу об административном правонарушении подлежит исполнению с момента его вступления в законную силу.

Постановления судьи вступают в законную силу после истечения срока обжалования, если постановление не было обжаловано или опротестовано, либо в момент вынесения решения по жалобе, протесту на постановление, за исключением случаев, если решением отменяется вынесенное постановление (статьи 30.2–30.9, пункты 1 и 3 статьи 31.1 КоАП РФ).

Конституционность данного положения (о немедленном исполнении данного административного наказания) неоднократно оспаривалась в судебной практике (см.: Определение Конституционного Суда РФ от 24 ноября 2005 г. № 423-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Полетаевой Лилии Алексеевны на нарушение ее конституционных прав положениями части первой статьи 31.4, части второй статьи 31.6, частей первой, второй и четвертой статьи 32.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пунктов 5, 6, 12 и 13 Положения о порядке отбывания административного ареста»; Определение Конституционного Суда РФ от 22 ноября 2012 г. № 2224-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Зотова Максима Павловича на нарушение его конституционных прав частью 1 ст. 19.3 и ч. 1 ст. 32.8 КоАП РФ»; Определение Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2014 г. № 2097-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хаймина Романа Сергеевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 25.1, 29.5, 29.6, 30.6 и 32.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»).

Тем не менее, Конституционный Суд РФ отстаивает конституционность рассматриваемой нормы и обосновывает это следующим образом. Закрепляя особый порядок исполнения постановления об административном аресте, КоАП РФ предусматривает в части 1 статьи 29.11, части 2 статьи 30.2 и части 3 статьи 30.5 гарантии судебной защиты прав лица, подвергнутого административному аресту: мотивированное постановление об административном аресте объявляется немедленно по окончании рассмотрения дела; жалоба на данное постановление направляется в вышестоящий суд в день получения жалобы и подлежит рассмотрению в течение суток с момента ее подачи, если лицо отбывает административный арест. Таким образом, правило о немедленном исполнении постановления об административном аресте уравновешено наличием гарантий скорейшего рассмотрения жалобы лица, подвергнутого этому наказанию.

Согласно ч. 2 ст. 32.8 КоАП РФ лицо, подвергнутое административному аресту, содержится

под стражей в месте, определяемом органами внутренних дел. Органы внутренних дел реализуют полномочия в данной сфере, руководствуясь целым рядом законодательных и подзаконных актов, в том числе Федеральным законом от 26 апреля 2013 г. № 67-ФЗ «О порядке отбывания административного ареста», Постановлением Правительства РФ от 12 декабря 2014 г. № 1358 «Об утверждении перечня заболеваний, препятствующих отбыванию административного ареста», а также нормативными правовыми актами МВД РФ, например, Приказом МВД России от 10 февраля 2014 г. № 83 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка в местах отбывания административного ареста».

Вопрос правового регулирования порядка отбывания административного ареста имеет свою небольшую историю. Почти с момента вступления в силу КоАП РФ на протяжении десяти лет данный порядок устанавливался Постановлением Правительства РФ от 2 октября 2002 г. № 726 «Об утверждении Положения о порядке отбывания административного ареста». Законодательная основа порядка отбывания административного ареста отсутствовала (за исключением частичного регулирования этого вопроса ст. 32.8 КоАП РФ).

Юридическое сообщество отмечало явное противоречие такого положения дел конституционным нормам права. Суть этого противоречия сводилась к тому, что в результате отбывания административного ареста происходит ограничение прав и свобод граждан, а согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только федеральным законом. Таким образом, более десяти лет нарушались конституционные права и свободы граждан.

Кроме того, как отмечают ученые, Положение о порядке отбывания административного ареста, утвержденное Постановлением Правительства РФ от 2 октября 2002 г. № 726, не соответствовало общепризнанным нормам международного права и международным правовым стандартами.

Положения о процедуре отбывания административного ареста сводились к констатации факта о содержании арестованных в закрытых на замки камерах под постоянной охраной, разрешению прогулок в дневное время, необходимости при поступлении в специальный приемник осуществления первичного медицинского осмотра, дактилоскопирования и фотографирования. Правила внутреннего распорядка в местах отбывания административного ареста, порядок медицинского обеспечения, обеспечения арестованных питанием и другие вопросы изначально не были прописаны в Положении и других нормативных правовых актах

правоприменительного характера. А самое главное, в указанном Положении мы находим лишь отдельные права и обязанности лиц, подвергнутых административному аресту, и сотрудников органов внутренних дел. Отсутствие четкости в этом вопросе в основном и вызвало нарекания со стороны общественности, говоря о несоответствии Положения о порядке отбывания административного ареста международным правовым стандартам.

Таким образом, можно констатировать, что рассматриваемое Постановление Правительства РФ от 2 октября 2002 г. № 726 содержало лишь малую часть тех положений, которые должны определять порядок отбывания административного ареста, что указывает на неполноценное обеспечение правового регулирования данной деятельности.

Положение о порядке отбывания административного ареста, утвержденное Постановлением Правительства РФ от 2 октября 2002 г. № 726, отменено Постановлением Правительства РФ от 2 апреля 2015 г. № 306 [13]. По этой причине, а также в связи с принятием Федерального закона от 26 апреля 2013 г. № 67-ФЗ «О порядке отбывания административного ареста» мы можем с уверенностью сказать о значительном улучшении ситуации.

Прежде всего, установлены принципы отбывания административного ареста, соответствующие общепризнанным нормам международного права.

Это – принципы законности, гуманизма, уважения человеческого достоинства. При отбывании административного ареста не допускается причинение физических или нравственных страданий лицам, подвергнутым административному аресту.

Принцип равенства перед законом, изложенный в ч. 2 ст. 19 Конституции РФ и воспроизведенный в ч. 1 ст. 1.4 КоАП РФ, нашел свое место и в Федеральном законе «О порядке отбывания административного ареста». В указанном законе продекларировано: не допускается дискриминация лиц, подвергнутых административному аресту, либо предоставление им льгот и привилегий по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также по иным обстоятельствам.

Федеральный закон «О порядке отбывания административного ареста» закрепил:

- правовой статус лиц, подвергнутых административному аресту;
- обязанности и права администраций и сотрудников мест отбывания административного ареста;
- порядок и условия отбывания административного ареста;

- порядок материально-бытового и медицинского обеспечения лиц, отбывающих административный арест;

- порядок прекращения и приостановления отбывания административного ареста;

- виды контроля и надзора за деятельностью администрации и сотрудников места отбывания административного ареста;

- ответственность администрации и сотрудников места отбывания административного ареста за неправомерные решения, действия (бездействие).

Впервые лица, подвергнутые административному аресту, получили право на: получение юридической помощи, распоряжение собственными денежными средствами, бесплатное обеспечение постельными принадлежностями, посудой и столовыми приборами, средствами личной гигиены, индивидуальное спальное место и восьмичасовой сон в ночное время; ежедневное трехразовое бесплатное питание и др.

В целях усиления государственной защиты прав и свобод человека и гражданина согласно ч. 5 ст. 32.8. КоАП РФ в Федеральный закон «О порядке отбывания административного ареста» введена норма о приостановлении исполнения постановления об административном аресте на срок до семи суток или его прекращении судьей. Основанием для этого может быть:

- письменное заявление лица, подвергнутого административному аресту, в случае возникновения исключительных личных обстоятельств (тяжелого заболевания (состояния здоровья), смерти близкого родственника или близкого лица либо чрезвычайной ситуации, причинившей значительный материальный ущерб лицу, подвергнутому административному аресту, или его семье),

- медицинское заключение о наличии у лица, подвергнутого административному аресту, заболевания, травмы или увечья, препятствующих отбыванию административного ареста.

Данное положение, основанное на принципе гуманизма, введено в российское законодательство впервые.

При этом лица, в отношении которых исполнение постановления об административном аресте было приостановлено, уклоняющиеся от возвращения в установленный срок в место отбывания административного ареста, будут задерживаться полицией до передачи в место отбывания административного ареста, а также привлекаться к административной ответственности по статье 20.25 КоАП РФ (ч. 2 ст. 20.25 КоАП РФ предусматривает ответственность за самовольное оставление места отбывания административного ареста или уклонение от отбывания административного ареста).

Инновацией является введение в Федеральный закон «О порядке отбывания административного ареста» положений, определяющих виды контроля и надзора за деятельностью администрации и сотрудников места отбывания административного ареста, за обеспечением прав человека, что свидетельствует о предоставлении арестованным государственных гарантий законности при отбывании административного ареста. Устанавливается:

– ведомственный контроль, осуществляемый вышестоящими органами внутренних дел и их должностными лицами на основании соответствующих нормативных правовых актов, издаваемых федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел;

– судебный контроль – на основании Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ;

– прокурорский надзор – на основании Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»;

– общественный контроль – на основании Федерального закона от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о

содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания».

Внутренний распорядок в местах отбывания административного ареста теперь определяется Правилами внутреннего распорядка в местах отбывания административного ареста, утвержденными приказом МВД России от 10 февраля 2014 г. № 83.

Как мы видим, нормативная основа исполнения постановления судьи о назначении административного ареста значительно усилена и в большей мере соответствует Конституции Российской Федерации и международным стандартам.

Подводя итог, следует сказать, что административный арест, являясь мерой государственного принуждения, представляет собой наиболее строгий вид административного наказания, сопряженный с ограничением неотъемлемых прав человека на свободу и личную неприкосновенность. В связи с этим нормы законодательства о назначении и исполнении административного ареста должны быть наиболее продуманными и четко согласованными с Конституцией РФ и международными нормами права, с тем чтобы в поиске баланса между публичными и частными интересами не перевешивал формализм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комментарий к Федеральному закону от 26 апреля 2013 г. № 67-ФЗ «О порядке отбывания административного ареста» (постатейный) / Н.С. Манова и др.; под ред. Н.С. Мановой. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.10.2014).
2. Чуев В.Н. Комментарий к Федеральному закону от 26 апреля 2013 г. № 67-ФЗ «О порядке отбывания административного ареста» (постатейный). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.04.2013).

УДК 343.98.06

С.В. Дубровин**СИСТЕМА МЕТОДОВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ И РАЗРАБАТЫВАЕМЫХ В
КРИМИНАЛИСТИКЕ**

С точки зрения теоретических основ и практики применения криминалистических знаний рассматривается классификационный подход к распределению и упорядочению методов, которые используются и разрабатываются в криминалистике.

Ключевые слова: «общие» и «частные» специальные криминалистические методы познания, криминалистическое идентифицирование, диагностирование и классифицирование, «заимствованные» специальные методы, всеобщий диалектический метод познания, общенаучные методы.

Целью раскрытия и расследования преступления является, по существу, наиболее полное и объективное (непредвзятое, беспристрастное) воссоздание в материалах дела всех деталей (подробностей, эпизодов) действительно (реально) имевшего место уголовно наказуемого деяния (динамики его возникновения, развития и завершения – последствий).

Достижение этой цели в своей основе базируется на решении идентификационных, диагностических и классификационных задач, а значит на разрешении соответствующих этим задачам вопросов с помощью специальных криминалистических методов познания: криминалистического идентифицирования, криминалистического диагностирования и криминалистического классифицирования [1; 2].

Их определения формулируются так:

- криминалистическое идентифицирование – это специальный криминалистический метод познания, суть которого состоит в совместном исследовании и оценке как минимум двух криминалистически значимых объектов, имеющих определенную связь (непосредственную, опосредованную или предполагаемую) с событием расследуемого преступления, путем сопоставления их идентификационных признаков; целью такого сопоставления является установление наличия либо отсутствия тождества единичного криминалистически значимого материального объекта и использование этих результатов в раскрытии, расследовании и предупреждении (выявлении) преступлений и судебном разбирательстве;

- криминалистическое диагностирование – это специальный криминалистический метод познания, суть которого состоит в исследовании и

оценке объекта, имеющего определенную связь (непосредственную, опосредованную или предполагаемую) с событием расследуемого преступления, путем сопоставления его диагностических признаков с информацией (сведениями) о диагностических признаках объектов из различных классификационных массивов (структур, систем, групп и т.п.), не имеющих заведомо известной (установленной, определенной) связи (непосредственной, опосредованной либо предполагаемой) с событием расследуемого преступления; целью такого сопоставления является установление природы либо состояния объекта и использование этих результатов в раскрытии, расследовании и предупреждении (выявлении) преступлений и судебном разбирательстве;

- криминалистическое классифицирование – это специальный криминалистический метод познания, сущность (смысл, цель) которого заключается в теоретических исследованиях и практических действиях по образованию (созданию) криминалистических классификационных систем (структур) на основании логически выдержанного, научно (закономерно) обоснованного, опирающегося на практический опыт распределения и упорядочения криминалистически значимых объектов, явлений, понятий и сведений (информации, знаний) в зависимости от их общих и частных признаков, свойств, состояний и иных характеристик.

По природе происхождения рассматриваемые специальные криминалистические методы познания (криминалистическое идентифицирование, криминалистическое диагностирование и криминалистическое классифицирование) базируются на всеобщем диалектическом методе познания.

Дубровин Сергей Викторович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, заслуженный работник высшей школы РФ

e-mail: sdubrovina@rambler.ru

© Дубровин С.В., 2016

Статья получена: 22.04.2016

Они включают в свое содержание использование всего существующего арсенала общенаучных и других специальных методов, подчиненных для каждого из названных специальных криминалистических методов познания своей одной, главной (отдельно объединяющей) цели:

- для криминалистического идентифицирования – это установление наличия или отсутствия тождества единичного криминалистически значимого материального объекта;

- для криминалистического диагностирования – это установление природы и (или) состояния исследуемого и оцениваемого криминалистически значимого объекта;

- для криминалистического классифицирования – это создание той или иной криминалистической классификационной системы.

Именно указанные особенности позволяют представить перечисленные специальные криминалистические методы познания в виде неких абстрактных, собирательных, обобщающих образований, являющихся как бы оболочками, наполненными соответствующим (общим по смыслу, цели) для каждого из них содержанием. И только в таком виде эти специальные криминалистические методы познания существуют, имеют свое проявление в реальной действительности.

Названное в самом начале настоящей статьи обстоятельство, а также содержание (смысл) приведенных определений и природа рассматриваемых специальных методов познания позволяют причислить их к разряду «общих», разработанных непосредственно в науке криминалистике и нашедших самое широкое, незаменимое, теоретическое и практическое применение во всех ее разделах и отраслях.

Наряду с «общими», **на их основе**, в криминалистике традиционно существуют и совершенствуются, а также разрабатываются и научно обосновываются «частные» специальные криминалистические методы познания, например, такие, как: дактилоскопия, исследование (криминалистическое познание) оружия, боеприпасов, взрывных устройств и следов их применения, исследование (криминалистическое познание) письма и почерка, технико-криминалистическое исследование (познание) документов, криминалистическая габитоскопия [3, с. 39–47], одороскопия, фоноскопия, построение криминалистических версий и криминалистическое прогнозирование [4, с. 66–71, 5, с. 56–61], познание криминалистических ситуаций [6, с. 165–167], сокрытий преступлений и противодействий уголовному судопроизводству [7, с. 156–161].

Занимаемое ими место в криминалистической классификационной системе методов обусловлено

тем, что в отличие от «общих» специальных методов, которые универсальны и являются основой решения криминалистических задач, связанных с раскрытием, расследованием и предупреждением (выявлением) преступлений и судебным разбирательством, «частные» специальные методы применяются для познания только лишь ограниченно определенных («частных») традиционных и относительно новых криминалистически значимых объектов.

В свою очередь, «частные» специальные криминалистические методы познания по степени сложности (т.е. конкретности, вещественной определенности содержания познаваемого объекта или его многообразности) и объему (разнообразию) задействуемых ресурсов разделяют на «простые» и «сложные» («сложноструктурные»).

Из вышеперечисленных «частных» специальных криминалистических методов познания к разряду «простых» следует отнести: дактилоскопию, исследование (криминалистическое познание) оружия, боеприпасов, взрывных устройств и следов их применения, исследование (криминалистическое познание) письма и почерка, технико-криминалистическое исследование (познание) документов, криминалистическую габитоскопию, одороскопию, фоноскопию. «Сложными» («сложноструктурными») «частными» специальными криминалистическими методами познания являются: построение криминалистических версий, криминалистическое прогнозирование, познание криминалистических ситуаций, познание сокрытий преступлений и противодействий уголовному судопроизводству.

К классу специальных методов, используемых и разрабатываемых в криминалистике причисляют методы «заимствованные» из других отраслей знаний, например, физики, химии, физической химии и др.

Эти специальные методы делят:

- на те, для которых определяющим основанием будут являться собственные криминалистические научно-практические разработки, внесшие принципиальные новшества в «заимствованные» специальные методы и приспособившие (трансформировавшие) их для решения задач по раскрытию, расследованию и предупреждению (выявлению) преступлений и судебному разбирательству;

- на те, которые используются для разрешения криминалистических вопросов без каких-либо изменений (дополнительных преобразований).

В качестве примера первого вида «заимствованных» специальных методов можно назвать фотографические методы. Они заимствованы из физики (ее раздела «оптика»). В криминалистике (в разделе «криминалистическая техника» и его отрасли «судебная фотография») были разрабо-

таны фотографические методы (способы) запечатлевающей и исследовательской фотографии; они создавались и совершенствовались применительно к решению именно криминалистических задач: это различные способы (включая специально разработанные технические средства обеспечения) панорамной, узловой и детальной фотосъемки; фотограмметрической (измерительной, масштабной), стереофотограмметрической, макро- и микросъемки, методы опознавательной, цветоделительной и контрастной фотосъемки, фотографирование в невидимой области шкалы электромагнитных волн (т.е. в ультрафиолетовой и инфракрасной области спектра) и др.

Примерами второго вида «заимствованных» специальных методов являются:

- виды спектрального метода: исследования в невидимых областях спектра, лазерный микроспектральный анализ, рентгеноструктурный, эмиссионный, атомноабсорбционный анализы и т.п.;

- виды хроматографического метода: тонкослойная, нанотонкослойная и бумажная хроматографии, газожидкостная, капиллярная, жидкостная (высокого давления) и пиролитическая хроматографии.

Подводя итог, отметим, что классификационная система методов, используемых и разрабатываемых в криминалистике, представляет собой следующее:

1. Главенствующим в существующей классификационной системе методов, в целом, является *всеобщий диалектический метод познания* окружающего мира (сущности материальной действительности);

2. Применяемые в криминалистике *общенаучные методы*, которые используются во всех существующих отраслях знаний: наблюдение, описание, сравнение, эксперимент, моделирование, анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, вычисление, измерение и др.;

3. *Специальные методы*:

- «общие» специальные криминалистические методы познания;

- «частные» специальные криминалистические методы познания: «простые» и «сложные» («сложноструктурные»);

- «заимствованные» (из других отраслей знаний) специальные методы: приспособленные (трансформированные) специально для решения криминалистических задач, и специальные методы, используемые без вносимых в их содержание каких-либо изменений.

Следует помнить, что любая классификационная система условна, субъективна и относительна:

- условность означает заранее оговоренный, понятный, согласно существующим закономерностям и положениям (правилам), упорядоченный структурный подход к образованию конкретной классификационной системы;

- субъективность обусловлена тем, что любая классификационная система создается в результате деятельности определенного субъекта либо формируется совместно несколькими, отвечающими за это лицами;

- относительность определяется тем, что изучение, размещение и упорядочение элементов (классификационных характеристик и групп) в каждой отдельной классификационной системе происходит в конкретный период, то есть промежуток времени, в течение которого разрабатывается эта система, а также ее формирование обусловливается соответствующими этому времени обстоятельствами и условиями.

Любая из созданных криминалистических классификационных систем может быть более или менее удачной, но считается состоявшейся, если она логически выдержанна, научно обоснованна и опирается на имеющийся практический опыт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дубровин С.В. Терминология, понятийный аппарат и другие характеристики криминалистической идентификации и криминалистической диагностики: монография М.: МПГУ, 2009. 33 с.
2. Сущность и научно-практическое значение (характеристики) криминалистического классифицирования: учебное пособие / С.В. Дубровин и др. М.: МПГУ, 2011. 143 с.
3. Дубровин С.В. Общие положения габитологии-криминалистического учения о внешнем облике человека // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 1(23).
4. Дубровин С.В. Концептуальные основы учений о криминалистической прогностике и криминалистических версиях (криминалистической версиологии) // Вестник КЮИ МВД России. 2015. № 3(21).
5. Дубровин С.В. Структура, содержание и принципы криминалистического прогнозирования и построения криминалистических версий // Вестник КЮИ МВД России. 2015. № 4(22).
6. Дубровин С.В. Основы криминалистической ситуалогии // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 12.
7. Дубровин С.В. Концептуальные основы криминалистического учения о сокрытии преступлений и противодействии уголовному судопроизводству // Образование, наука, научные кадры. 2015. № 5.

УДК 343.2

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОРГАНИЗОВАННЫЕ ФОРМЫ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

И.В. Жуковская.

С.А. Балеев

Статья посвящена вопросам регламентации ответственности за преступления в сфере экономической деятельности, совершаемые в групповых формах соучастия. Авторами особое внимание уделено проблеме использования законодателем квалифицирующего (особо квалифицирующего) признака «совершение преступления организованной группой» при конструировании составов преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ.

Ключевые слова: экономические преступления, организованная группа, форма соучастия, квалифицирующий признак.

Вопросы борьбы с преступлениями в сфере экономической деятельности находятся в сфере внимания международного сообщества, о чем свидетельствует целый ряд международных конвенций, посвященных этой проблеме. Это, в частности, Женевская конвенция «О борьбе с подделкой денежных знаков», Страсбургская конвенция «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности», Конвенция ООН «Против коррупции», Конвенция Совета Европы «Об уголовной ответственности за коррупцию», Конвенция ООН «Против транснациональной организованной преступности» и др.

Поскольку названные конвенции ратифицированы Россией, отдельные положения этих международных правовых актов имплементированы в правовую систему нашего государства, в том числе в уголовное законодательство. Однако следует отметить, что сопоставление этих положений и содержания ряда уголовно-правовых норм позволяет констатировать наличие коллизий между ними. Одной из таких коллизий является различный подход международного и российского законодателя к определению признаков организованной группы. Сам факт создания такого объединения, руководства и участия в нем согласно положениям Конвенции 2000 г. «Против транснациональной организованной преступности» (г. Палермо, Италия), должен быть криминали-

зован странами – участниками этой конвенции и рассматриваться в качестве самостоятельного преступления.

В соответствии с ч. 3 ст. 35 УК РФ организованной группой признается устойчивая группа лиц, объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений, а ее создание влечет уголовную ответственность за приготовление к тем преступлениям, для совершения которых она создана (ч. 6 ст. 35 УК РФ). Исключение из этого правила составляют наиболее опасные разновидности организованной группы (ст. 205.4, 209, 210, 282.1), когда организация и участие в них образуют самостоятельные составы преступлений.

Полагаем, что было бы более правильным решение российского законодателя об установлении уголовной ответственности за организацию и участие в любой организованной группе. Это объясняется повышенной опасностью названного преступного объединения, обусловленной, прежде всего, тем, что такая группа выступает основным звеном организованной преступной деятельности, которая состоит в систематическом совершении преступлений (преимущественно тяжких и особо тяжких) и направлена на получение незаконных доходов.

Особенностью организованной преступности в России является ее зарождение в сфере экономики, прежде всего, в его «теневом секторе», а

Жуковская Ирина Викторовна, доктор экономических наук, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России

e-mail: zh072@yandex.ru

Балеев Сергей Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета

e-mail: zh072@yandex.ru

© Жуковская И.В., 2016

© Балеев С.А., 2016

Статья получена: 24.02.2016

также ее развитие, связанное с криминализацией экономической деятельности, возрастанием влияния криминальных структур на экономические процессы в стране.

Сфера экономической деятельности издавна является предметом внимания и интереса со стороны криминальных структур, однако если во времена плановой советской экономики число организованных преступлений, как их коллективных субъектов – организованных групп, было весьма незначительным, то в период перехода к рыночным отношениям в условиях радикальных экономических реформ эта ситуация кардинально изменилась. В начале 90-х в сферу контроля организованных преступных структур попали не только крупные промышленные предприятия, как, например, ВАЗ, но и коммерческие банки, страховые организации, предприятия, добывающие и перерабатывающие сырьевые ресурсы и др.

Организованная преступность активно внедряется в легальную экономику, в том числе в финансовую систему. Для этого активно задействуются коррумпированные связи с должностными лицами различных ветвей власти, в том числе правоохранительных органов [1, с. 20–25]. Такие связи используются также «для создания условий, благоприятствующих безнаказанности преступных организаций при реализации ими своих операций, нейтрализации, как отдельных лиц, так и целых учреждений, получения информации коммерческого характера, создания условий для совершения сверхприбыльных сделок, получения информации о предпринимаемых государственным и органами мерах по борьбе и нейтрализации таких действий».

По мнению В.Д. Ларичева [2, с. 26–32], «к сферам экономической деятельности, находящимся под контролем организованной преступности, в первую очередь, относятся предприятия топливно-энергетического комплекса, затем следуют предприятия и организации потребительского рынка, а также сфера внешнеэкономической деятельности». Автор справедливо, на наш взгляд, отмечает, что влияние организованной преступности на экономическую сферу обуславливается факторами объективного и субъективного характера. К первым он относит организационное единство хозяйственных, финансовых и иных экономических операций, в связи, с чем соучастники должны одновременно выполнить ряд хозяйственных и криминальных операций. Субъективными факторами В.Д. Ларичев называет стремление организованных преступных группировок преодолеть сопротивление других групп и обеспечить защиту членам преступных формирований.

По данным официальной статистики, по срав-

нению с 2014 годом число преступлений экономической направленности, выявленных правоохранительными органами в 2015 году, возросло на 3,7%. Всего выявлено 111,2 тыс. преступлений данной категории, удельный вес этих преступлений в общем числе зарегистрированных составил 4,7%. Материальный ущерб от указанных преступлений (по окончанным уголовным делам) составил 271,49 млрд руб.

Тяжкие и особо тяжкие преступления в общем числе выявленных преступлений экономической направленности составили 62,6%. Подразделениями органов внутренних дел выявлено 97,9 тыс. преступлений экономической направленности, их удельный вес в общем массиве преступлений экономической направленности составил 88,0%. Почти треть этих преступлений совершается в составе преступной группы различной модификации, представленной в ч. 1–4 ст. 35 УК РФ.

Групповая преступность в общей структуре преступности по существу характеризуется аналогичным образом. Так, по статистическим данным, за период с 2000 по 2014 гг. удельный вес групповой преступности в России в среднем составил 30,7%, в том числе организованная преступность – 1%.

В последние годы специалисты отмечают тенденцию интеграции участников организованной преступности в сфере экономической деятельности, поскольку лидеры преступных объединений в целях расширения сфер криминального влияния и преодоления конкуренции вынуждены координировать свои действия в части легализации преступных капиталов. Поэтому представляется далеко не случайным решение законодателя о расширении круга деяний, образующих объективную сторону состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 210 УК РФ. Так, наряду с созданием преступного сообщества (преступной организации) и руководством таким объединением к конструктивным признакам этого состава отнесены координация преступных действий, создание устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами, раздел сфер преступного влияния и преступных доходов между ними [3, с. 7–12].

Организованный характер совершаемого преступления в сфере экономической деятельности выступает одним из критериев дифференциации уголовной ответственности. Глава 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности» включает 52 статьи, описывающие составы экономических преступлений и устанавливающие наказание за их совершение. В 24 статьях этой главы совершение преступления организованной

Квалифицирующий (особо квалифицирующий) признак «совершение преступления организованной группой» в статьях главы 22 УК РФ

Совершение преступления организованной группой	Совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой
п. «а» ч. 2 ст. 171 УК	п. «а» ч. 2 ст. 171.1 УК
п. «а» ч. 2 ст. 171.2 УК	п. «а» ч. 4 ст. 171.1 УК
п. «а» ч. 2 ст. 172 УК	п. «а» ч. 6 ст. 171.1 УК
п. «а» ч. 4 ст. 174 УК	ч. 3 ст. 180 УК
п. «а» ч. 4 ст. 174.1 УК	ч. 2 ст. 185 УК
ч. 3 ст. 175 УК	ч. 2 ст. 185.2 УК
п. «в» ч. 2 ст. 179 УК	ч. 2 ст. 185.4 УК
ч. 2 ст. 181 УК	ч. 2 ст. 191 УК
ч. 2 ст. 184 УК	п. «б» ч. 2 ст. 193 УК
ч. 2 ст. 185.3 УК	
ч. 3 ст. 186 УК	
ч. 2 ст. 187 УК	
ч. 3 ст. 189 УК	
ч. 3 ст. 191.1 УК	
п. «а» ч. 3 ст. 193.1 УК	
ч. 4 ст. 194 УК	
ч. 3 ст. 200.2 УК	

группой предусматривается в качестве квалифицирующего (особо квалифицирующего) признака.

Как видно из приведенной таблицы, в девяти составах преступлений в сфере экономической деятельности, закрепленных в семи статьях действующего УК РФ, в качестве квалифицирующего признака одновременно указывается совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Тем самым законодатель нивелирует различия между этими разновидностями групповой формы соучастия и, по сути, уравнивает кардинально различающиеся по степени общественной опасности преступные объединения.

На наш взгляд, вряд ли можно признать такой подход верным. Полагаем, что организованность группы, стабильность состава участников, ее устойчивость, постоянство форм и методов преступной деятельности (именно эти признаки характерны для организованной группы), существенно повышают общественную опасность такого объединения и совершаемых его участниками преступлений. Считаем, что совершение преступления организованной группой должно быть самостоятельным критерием дифференциации уголовной ответственности в сторону ее усиления, а потому в составах экономических преступлений совершение преступления группой лиц по предварительному сговору должно рассматриваться в качестве квалифицирующего, а организованной группой – в качестве особо квалифицирующего признака [4, с. 147–152].

Проведенный авторами анализ составов преступлений в сфере экономической деятельности позволяет сделать вывод о том, что в некоторых статьях, предусматривающих ответственность за них, законодатель вообще не учитывает возможность их совершения в организованных формах соучастия.

В частности, к таким преступлениям следует отнести незаконное образование (создание, реорганизацию) юридического лица (ст. 173.1 УК), ограничение конкуренции (ст. 178 УК), оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса (ст. 184 УК), уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации (ст. 199 УК РФ). Думается, что названные преступные деяния не только могут, но зачастую и совершаются участниками организованной преступной деятельности.

Не совсем логичной также представляется позиция законодателя при конструировании норм, предусмотренных ст. 200.1 «Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов». В п. «б» ч. 2 этой статьи в качестве квалифицирующего признака указывается совершение преступления группой лиц, а группа лиц по предварительному сговору и организованная группа вообще не упоминаются. Каждому специалисту известно, что группа лиц (простая группа) (ч. 1 ст. 35 УК) – это два и более исполнителя, участвующие в совершении преступления без предварительного на то соглашения.

Поэтому трудно себе представить, каким образом без предварительного сговора возможно совместно умышленно совершить деяние, образующее объективную сторону состава преступления, предусмотренного названной статьей. Считаем необходимым как в ст. 200.1, так и в других вышепе-

речисленных статьях УК РФ в качестве квалифицирующего признака предусмотреть совершение преступления группой лиц по предварительному сговору. Совершение таких деяний организованной группой следует рассматривать в качестве особо квалифицирующего признака состава.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жуковская И.В. Актуальные проблемы исследования экономических преступлений // Правовые и социально-экономические проблемы современной России: теория и практика: материалы IV международной научно-практической конференции. Пенза, 2015.
2. Ларичев В.Д., Жуковская И.В. Предупреждение преступлений в сфере экономической деятельности // Безопасность бизнеса. 2015. № 4.
3. Балеев С.А. Дискуссионные вопросы института соучастия в уголовном праве // Российский ежегодник уголовного права. 2008. № 2.
4. Балеев С.А. Понятие соучастия в Российском уголовном праве: законодательная регламентация и доктринальное толкование // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. № 4.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Криминология. Особенная часть: учебник / под общей редакцией Ф.К. Зиннурова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Казань: КЮИ МВД России, 2016. – 525 с.

Содержание учебника соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту высшего образования. В учебнике раскрываются основные теоретические и практические положения организации и осуществления деятельности органов внутренних дел (ОВД) по предупреждению преступлений. На основе современных подходов и статистических данных изложены основные криминологические характеристики насильственной, экономической, организованной, коррупционной, экологической преступности. Предложен комплекс мер, направленных на предупреждение политической, информационной, террористической, пенитенциарной преступности.

Учебник предназначен для курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, студентов юридических вузов, адъюнктов, аспирантов, практических работников системы ОВД.

УДК 341.1

Р.Ш. Богаткина .

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА

В статье автором на основе действующих норм уголовно-процессуального законодательства РФ обозначены и проанализированы особенности производства следственных действий с участием иностранных граждан и лиц без гражданства, представлены предложения по внесению изменений в действующий УПК РФ.

Ключевые слова: иностранные граждане, следственное действие, язык уголовного судопроизводства, возбуждение уголовного дела, проверка сообщения о преступлении.

Данные о преступности на территории РФ, и в частности, в Республике Татарстан, свидетельствуют об их устойчивом сохранении на высоком уровне, что вызывает настороженность, поскольку свидетельствует о существовании угрозы общественной безопасности. Так, органами внутренних дел Республики Татарстан зафиксировано общее количество преступлений, совершенных иностранными гражданами на территории республики: в 2010 году – 341; в 2011 году – 444; в 2012 году – 395; в 2013 году – 359; в 2014 году – 239; по состоянию на сентябрь 2015 года – 313 преступлений. Из общего количества преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства в 2015 году, почти 90 совершено гражданами СНГ, в основном, Узбекистана и Таджикистана. На сегодняшний день увеличен поток мигрантов из Украины. Так, например, в середине января 2015 года в республике находилось более 3 тысяч беженцев.

Иностранцами гражданами в пределах РФ считаются субъекты, не являющиеся российскими гражданами, но имеющие доказательства своей принадлежности к гражданству других государств. Иностранцам гражданам на российской территории гарантируются предусмотренные законом права и свободы. Иностранцы граждане в качестве участников уголовного судопроизводства выступают как свидетели, потерпевшие, подозреваемые, обвиняемые, подсудимые.

Совершение преступлений иностранными гражданами обычно затрагивает интересы, по меньшей мере, двух стран: России, на чьей территории совершено уголовно наказуемое деяние, и той страны, гражданином которой является виновное

лицо. Из преступлений, совершаемых в отношении иностранцев, наиболее распространены вымогательство, кражи личного имущества, угоны и кражи автомобилей, грабежи и разбойные нападения, мошенничество, причинение вреда здоровью, хулиганство. В общем количестве преступлений, совершаемых против иностранных граждан, особенно велика доля имущественных правонарушений.

В связи с вышеуказанными фактами, определенный теоретический и практический интерес вызывают особенности проведения следственных действий с участием иностранных граждан и лиц без гражданства.

Производство очной ставки между иностранцами или с участием иностранца. Производство очной ставки между иностранцами или с участием иностранца подчиняется общим правилам их производства с участием российских граждан. Определенные сложности могут возникать при проведении очной ставки между иностранными гражданами, говорящими на разных языках. В этом случае потребуются два переводчика и двойной перевод. Если оба участника говорят на одном языке, то следователь должен предупредить возможность сговора между ними в ходе очной ставки. В этих целях следователь предварительно предупреждает переводчика, что любое общение в ходе производства данного следственного действия должно происходить через следователя или с его разрешения. Если в ходе очной ставки следователь видит обратное, производство очной ставки следует приостановить, а в случае необходимости – прекратить вообще, о чем делает соответствующую отметку в протоколе следственного действия.

Обязательным условием является использова-

Богаткина Руфия Шафкатовна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России

тел.: 8 917 915 26 12

© Богаткина Р.Ш., 2016

Статья получена: 19.10.2015

ние в ходе очной ставки специальных технических средств фиксации информации (видео- или аудиозаписи). Если в ходе очной ставки участвуют два переводчика, показания допрашиваемых могут фиксироваться на трех языках, для того чтобы максимально точно зафиксировать показания.

Производство предъявления лица или предмета для опознания с участием иностранного гражданина. Свои особенности имеет и предъявление иностранца для опознания. Данное следственное действие состоит в «представлении для восприятия свидетелю, потерпевшему, подозреваемому или обвиняемому в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом, лиц (или их фотографий), предмета или трупа с целью идентификации одного из представленных объектов как воспринимавшегося этим лицом ранее в связи с совершением преступления или при иных обстоятельствах, имеющих значение для расследования по делу (или установления между ними сходства), либо установления отсутствия между ними тождества (сходства)» [1].

В качестве опознающего может выступать свидетель, потерпевший, подозреваемый или обвиняемый. Для опознания могут быть предъявлены лицо (в том числе по фотографии), труп, предмет и другие объекты.

Согласно УПК, опознающие предварительно допрашиваются об обстоятельствах, при которых они видели предъявленные для опознания лицо или предмет, а также о приметах и особенностях, по которым они могут его опознать. Допрос опознающего – иностранного гражданина проводится с соблюдением общих требований к допросу иностранца, изложенных выше. При этом необходимо учитывать, что законодатель дополнительно конкретизирует предмет допроса, ориентируя следователя на установление двух групп обстоятельств: 1) обстоятельств, сопровождающих наблюдение объекта; 2) примет и особенностей объекта.

При описании идентифицирующих признаков объекта в протоколе допроса следует по возможности фиксировать их в точных выражениях допрашиваемого. Если иностранец не владеет языком, на котором ведется судопроизводство, то в протоколе они могут быть указаны на родном для иностранца языке с последующим переводом. При необходимости эти признаки можно сопроводить разъяснениями и комментариями иностранца.

Задача следователя на предварительном допросе состоит в уточнении и детализации отличительных признаков объекта. Если опознающий иностранец затрудняется назвать точные приметы и особенности, по которым он запомнил лицо или предмет, следователь оказывает ему помощь

в оживлении памяти. В этих целях могут использоваться ассоциации, демонстрация рисунков частей человеческого тела, фотоснимков людей и иных объектов предъявления для опознания, заимствованных из справочных книг и пособий, создание условий и обстановки, в которых воспринимался объект. При этом следует избегать постановки наводящих вопросов.

При подготовке к проведению опознания следует также учитывать, что опознающий – иностранный гражданин может иметь неверное представление о процедуре предъявления для опознания и его доказательственном значении. С целью исключения необоснованных и возражений следователю уже в ходе предварительного допроса целесообразно разъяснить опознающему иностранцу сущность и правовые последствия предъявления для опознания.

В конфликтной ситуации, при отказе опознающего-иностранца от опознания, следует убедить опознающего в том, что предъявление для опознания отвечает его интересам и является важным средством получения доказательственной информации по делу. При необходимости предъявления для опознания лица в ходе предварительного допроса опознающего-иностранца необходимо выяснить, желает ли он, чтобы опознание проводилось в условиях, исключающих его визуальное наблюдение опознаваемым, если соответствующее ходатайство еще не было заявлено.

При опознании иностранца часто возникает проблема выбора статистов. По УПК РФ общее число лиц, предъявляемых для опознания, не должно быть менее трех, и они должны быть по возможности сходны между собой. Необходимо подбирать статистов таким образом, чтобы учитывать особенности внешности (например, даже наличие ритуальных шрамов у представителей некоторых африканских племен).

Данное требование касается также национальной и расово-этнической принадлежности опознаваемого. Однако решающим фактором в подборе статистов должно быть не формальное совпадение национальной или расово-этнической принадлежности с опознаваемым, а их внешнее сходство. Проблема может возникнуть в том случае, если представители разных этносов, с позиции следователя, не имеют между собой видимых внешних различий, между тем как эти различия очевидны для опознающего иностранца. Заметим, что требование сходства касается не только внешности предъявляемых для опознания, но означает также, что их одежда, ее элементы не должны иметь существенных различий.

На практике может возникнуть ситуация, тре-

бующая предъявления для опознания иностранца или иностранцу лица по признакам голоса и речи. Например, по делу о вымогательстве, когда высказывалось требование о передачи имущества, подкрепленное угрозой, и опознающий запомнил и уверенно описывает специфические признаки голоса или речи говорившего. Тактика предъявления для опознания по голосу может быть использована в рассматриваемом случае с учетом названных выше особенностей личности иностранца.

Ход опознания иностранца или иностранцем целесообразно фиксировать с помощью видеозаписи. Это позволит в дальнейшем оценить объективность проведенного следственного действия.

Если иностранец-опознаваемый и/или опознающий не владеет русским языком, при опознании должен присутствовать переводчик (или переводчики, если опознающий или опознаваемый являются гражданами различных государств).

Предварительно опознаваемому-иностранцу разъясняется сущность и порядок производства предстоящего следственного действия, после чего следователь опознаваемому присутствующих при опознании лиц (статистов, понятых оперативных работников). Все поступившие от опознаваемого-иностранца замечания заносятся в протокол опознания.

Если имеет место встречное узнавание опознающего опознаваемым, данный факт отражается в протоколе следственного действия. При этом следователь по возможности дословно фиксирует пояснения опознаваемого.

При опознании иностранцем опознаваемого следователь выясняет у него приметы и особенности, по которым тот узнал его среди предъявляемых лиц. Указанные приметы фиксируются в протоколе в терминах и выражениях опознающего. При необходимости следователь просит иностранца дать разъяснение того или иного использованного выражения или термина, которое также заносится в протокол. Следует обязательно уточнить у опознающего, тот ли это человек, о котором он ранее давал показания или только похожий на него, когда и при каких обстоятельствах он его видел. При этом следует избегать постановки наводящих вопросов.

Если результат опознания отрицательный, следователь выясняет у опознающего-иностранца, похожи ли предъявленные для опознания лица на того человека, о котором он давал показания, и если нет, то в чем заключаются сходство и различия.

Особенности производства следственных действий невербального характера по делам о преступлениях иностранцев. Тактические ошибки могут быть допущены следователем не только при производстве допроса иностранца, но и при прове-

дении иных следственных действий, в частности, обыска и выемки. В законодательстве РФ устанавливается особый порядок производства следственных действий в помещениях, занимаемых представительствами иностранных государств. Все необходимые следственные действия производятся в общем порядке, предусмотренном УПК РФ, с учетом положений международных договоров.

Следственные действия невербального характера в помещениях дипломатических представительств производятся с участием представителя МИД РФ и должностных лиц дипломатических представительств. В соответствии с нормами Венской конвенции о дипломатических сношениях, консульских конвенций, а также в соглашениях между РФ и международными организациями, официальная корреспонденция и архивы дипломатических и консульских представительств, а также представительств международных организаций на территории РФ неприкосновенны. Это значит, что на такую корреспонденцию не может быть наложен арест, она не может быть изъята, а в архивах не могут производиться обыски и выемки.

В консульских конвенциях и соглашениях с международными организациями, имеющими представительства на территории РФ, установлена неприкосновенность консульских помещений и представительств ряда международных организаций.

Необходимо учитывать, что в некоторых консульских конвенциях установлена неприкосновенность жилых помещений консульских должностных лиц и консульских служащих. В других консульских конвенциях содержится оговорка, по которой неприкосновенность распространяется на жилые помещения указанных лиц, если они не являются гражданами РФ или лицами, постоянно проживающими в РФ.

Особое внимание необходимо обратить на соблюдение требований закона при назначении и производстве судебных экспертиз. В соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона следователь объявляет подозреваемому, обвиняемому постановление о назначении судебной экспертизы, а также разъясняет ему его права, связанные с назначением экспертизы. Очевидно, что иностранцу, не владеющему языком, на котором осуществляется судопроизводство, необходимо предоставлять полный перевод постановления о назначении экспертизы. Аналогично следует обеспечить его право знакомиться с заключением экспертизы или отказом эксперта дать заключение. С этой же целью права иностранного гражданина при назначении экспертизы могут быть сведены следователем в специальную памятку.

Заметим, что подозреваемый, обвиняемый

вправе присутствовать с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы. Если подозреваемый, обвиняемый иностранный гражданин не владеет языком, на котором ведется судопроизводство, ему в данном случае также обеспечивается переводчик.

Проведение судебных экспертиз может также потребовать получения от проходящих по делу лиц образцов для сравнительного исследования. Если эти лица не пользуются иммунитетом от уголовной юрисдикции РФ, то данное процессуальное действие проводится в общем порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом. Однако необходимо иметь в виду следующее обстоятельство. Обычай и суеверия, существующие у некоторых народов, не допускают передачи посторонним каких-либо продуктов жизнедеятельности человека, в том числе его крови, волос, спермы, срезов ногтей и иных объектов, имеющих криминалистическое значение. По распространенным поверьям, эти биологические объекты могут быть использованы непосредственно или с помощью магии во вред человеку-источнику. Поэтому попытки получить образцы могут встретить немотивированное, с точки зрения следователя, противодействие, а принудительные меры, допускаемые законом, приведут к острому конфликту, способному существенно осложнить процесс расследования преступления. В подобной ситуации следователь должен выяснить истинные причины противодействия. Если они лежат в сфере религиозных, культурных представлений лица, путем обстоятельных объяснений следует попытаться изменить позицию субъекта в этом вопросе. С этой целью можно, к примеру, пригласить авторитетных для иностранца лиц из числа его единоверцев, земляков, придерживающихся более толерантных взглядов.

По этим же причинам следователь может встретить активное противодействие со стороны подследственного иностранца при проведении освидетельствования на предмет обнаружения на его теле, одежде, следов преступления, особых примет.

Судебно-медицинское освидетельствование представляет собой решение специальных вопросов в области судебной медицины и является одним

из видов судебно-медицинской экспертизы. Освидетельствование может сопровождаться осмотром одежды, имеющейся на освидетельствуемом, и должно проводиться в определенной последовательности: сначала осматриваются части тела, не закрытые одеждой, затем при необходимости – одежда, а потом остальные части тела освидетельствуемого. В случае если освидетельствование сопровождается осмотром одежды, протокол о производстве всех этих действий именуется протоколом освидетельствования и осмотром одежды, отдельного протокола об осмотре одежды составлять не следует.

Таким образом, при расследовании преступлений и производстве следственных действий с участием иностранных граждан должностному лицу необходимо владеть всем комплексом информации, характеризующей иностранца как участника уголовно-процессуальной деятельности, что оказывает влияние – как для выявления преступника – иностранного гражданина, так и для обеспечения профилактической работы с участием иностранца – потерпевшего. В результате изучения особенностей производства следственных действий с участием иностранных граждан и лиц без гражданства становится понятно, что основные трудности на данном этапе могут возникнуть в результате отсутствия возможности у должностного лица, осуществляющего предварительное расследование, самостоятельного общения с противоположной стороной. Безусловно, к следователям или иным должностным лицам не предъявляется обязательное требование о свободном знании иностранного языка. В этой ситуации мы констатируем необходимость введения официального использования специальных программных средств, т.н. технического переводчика. В связи с этим, на наш взгляд, в ст. 59 Уголовно-процессуального кодекса РФ необходимо предусмотреть, что переводчик – это не только лицо, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода (физическое лицо), но и специальное программное устройство (технический переводчик), позволяющее следователю или иному должностному лицу самостоятельно и напрямую обращаться к иностранным гражданам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сизов А.А. Особенности досудебного производства по делам о преступлениях, совершаемых иностранными гражданами: монография. Курск: Изд-во МУП «Курская городская тип.», 2007. С. 67.

УДК 344.76 (470+571:477)

С.А. Буткевич .

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И УКРАИНЫ)

Проведен сравнительно-правовой анализ законодательства России и Украины, регулирующего общественные отношения, связанные с введением чрезвычайного положения. Основное внимание уделено терминологии в этой сфере, правовым основам чрезвычайного положения, структуре указа главы государства о его введении, а также механизму соблюдения прав и свобод граждан, законных интересов общества в таких условиях.

Ключевые слова: гарантии, законные интересы, законодательство, ограничения, права и свободы, правовой режим, чрезвычайное положение.

Мировое сообщество в XXI в. постоянно сталкивается с противоречивой реальностью: с одной стороны – беспрецедентный рост информационных, технологических и других возможностей человечества, с другой – усиление негативных факторов, представляющих реальную угрозу как для национальной безопасности отдельных государств, так и коллективной безопасности в мире в целом (киберпреступность; деятельность международных террористических организаций; крупномасштабные аварии и катастрофы техногенного характера). Кроме этого, в связи с ухудшением экологической ситуации в большинстве стран значительный ущерб наносят стихийные бедствия, эпидемии, эпизоотии, эпифитотии, иррациональное природопользование и т.п.

Показательно, что только в 2014 г. на территории РФ произошли 262 чрезвычайные ситуации (в том числе локальных – 146, муниципальных – 76, межмуниципальных – 10, региональных – 27, межрегиональных – 1 и федеральных – 2), в результате которых погибло 567 человек, пострадало – 129 869, спасено – 34 375. Наибольшее их число произошло в Центральном (58), Южном (52) и Приволжском (44) федеральных округах [1, с. 11].

Следовательно, большинство глобальных угроз национальной безопасности требует создания специальных механизмов регулирования общественных отношений, возникающих в чрезвычайных ситуациях военного, социального, техногенного и природного характера [2, с. 102–115]. Один из них – институт правового режима чрезвычайного положения – неотъемлемый элемент обеспечения национальной безопасности государства.

Проблемы становления и развития чрезвычай-

ных правовых режимов рассматривали в своих трудах российские (О.Г. Александров, И.Н. Иванов, А.Н. Померлян, С.В. Пчелинцев, О.А. Ралитная, В.Б. Рушайло, А.А. Фомин, Т.Н. Шмидт, А.Х. Юсуфов, Н.Г. Янгол) и украинские (А.В. Басов, Ю.П. Битяк, Ю.В. Дубко, С.В. Кивалов, С.А. Кузниченко, С.А. Магда, В.Я. Настюк, И.А. Шаповалова) ученые, внесшие весомый вклад в исследование проблем государственного управления, правового обеспечения деятельности органов публичной администрации, взаимодействия органов государственной власти при предупреждении и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

В то же время проведение компаративистского анализа институтов правового режима чрезвычайного положения обусловлено необходимостью дальнейшего совершенствования так называемого «чрезвычайного законодательства» и ключевых элементов государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

В законодательстве СССР было закреплено, что чрезвычайное положение – это временная мера, объявляемая в соответствии с Конституцией и Законом «О правовом режиме чрезвычайного положения» в интересах обеспечения безопасности граждан СССР при стихийных бедствиях, крупных авариях или катастрофах, эпидемиях, эпизоотиях, а также при массовых беспорядках. Целью объявления такого положения являлась скорейшая нормализация обстановки, восстановление законности и правопорядка. В определенной степени данные нормы стали основой для формирования и развития институтов чрезвычайных правовых режимов в странах постсоветского пространства.

Согласно ч. 1 ст. 1 Федерального конститу-

Буткевич Сергей Анатольевич, кандидат юридических наук, заместитель начальника Крымского филиала Краснодарского университета МВД России по учебной и научной работе

e-mail: butkevich-sa@mail.ru

© Буткевич С.А., 2016

Статья получена: 20.08.2015

ционного закона «О чрезвычайном положении» *чрезвычайное положение* означает вводимый в соответствии с Конституцией РФ и указанным Законом на всей территории РФ или в ее отдельных местностях особый правовой режим деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, их должностных лиц, общественных объединений, допускающий установленные этим Законом отдельные ограничения прав и свобод граждан РФ, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав организаций и общественных объединений, а также возложение на них дополнительных обязанностей. При этом подчеркнута, что введение чрезвычайного положения – временная мера, применяемая исключительно для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя РФ.

Цель введения такого режима – устранение обстоятельств, послуживших основанием для его введения, обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, защиты конституционного строя РФ. Впрочем, несмотря на неоднократное использование в данном Законе термина «режим чрезвычайного положения» (см. п. «г» ч. 1 ст. 5, п. «е» ч. 1 ст. 12, глава IV, ст. 26, ч. 1 ст. 31 и т.д.), его понятие не раскрыто. Считаем необходимым закрепление этого ключевого понятия по аналогии с «режимом военного положения» (ч. 1 ст. 5 Федерального конституционного закона «О военном положении»).

Закон Украины «О правовом режиме чрезвычайного положения» определяет содержание правового режима чрезвычайного положения, порядок его введения и отмены, особенности деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, предприятий, учреждений и организаций в условиях чрезвычайного положения, соблюдение прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов юридических лиц, а также ответственность за нарушение требований или невыполнение мероприятий правового режима чрезвычайного положения. Между тем сущность и содержание понятия «*правовой режим чрезвычайного положения*» в Законе также не раскрываются.

Непосредственно *чрезвычайное положение* определено как особый правовой режим, который может вводиться в Украине или отдельных ее местностях при возникновении чрезвычайных ситуаций техногенного или природного характера не ниже общегосударственного уровня, которые привели или могут привести к человеческим и материальным потерям, создают угрозу жизни и здоровью граждан, либо при попытке захвата государственной власти или смены конституционного строя Украины путем насилия и пред-

усматривает предоставление соответствующим органам государственной власти, военному командованию и органам местного самоуправления полномочий, необходимых для предотвращения угрозы, обеспечения безопасности и здоровья граждан, нормального функционирования национальной экономики, органов государственной власти и местного самоуправления, защиты конституционного строя, а также допускает временное, обусловленное угрозой ограничение реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов юридических лиц с указанием срока действия этих ограничений (Закон Украины от 16 марта 2000 г. № 1550-III «О правовом режиме чрезвычайного положения» (ред. от 12.02.2015), далее – Закон Украины № 1550-III). То есть *цель* его введения – устранение угрозы и скорейшая ликвидация особо тяжелых чрезвычайных ситуаций техногенного или природного характера, нормализация обстановки, возобновление правопорядка при спорах захвата государственной власти или смены конституционного строя путем насилия, для восстановления конституционных прав и свобод граждан, а также прав и законных интересов юридических лиц, создания условий для нормального функционирования органов государственной власти и местного самоуправления, других институтов гражданского общества.

Правовую основу введения чрезвычайного положения в Украине составляют Конституция Украины, Закон Украины «О правовом режиме чрезвычайного положения», другие законы Украины и указ Президента Украины о введении чрезвычайного положения в Украине или отдельных ее местностях, утвержденный Верховной Радой Украины (Закон Украины № 1550-III).

Тем не менее, определение правовой основы чрезвычайного положения осталось без должного внимания российских парламентариев. Именно поэтому Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении» считаем целесообразным дополнить статьей в такой редакции:

«Статья 1-1. Правовая основа чрезвычайного положения. Правовой основой чрезвычайного положения являются Конституция Российской Федерации, настоящий Федеральный конституционный закон, принятые на его основе федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, а также общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации в данной области».

В указе Президента РФ о введении чрезвычайного положения должны быть определены: обстоятельства, послужившие основанием для введения чрезвычайного положения; обоснование необходимости его введения; границы территории, на

которой вводится чрезвычайное положение; силы и средства, обеспечивающие данный режим; перечень чрезвычайных мер и пределы их действия, исчерпывающий перечень временных ограничений прав и свобод граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства, прав организаций и общественных объединений; государственные органы (должностные лица), ответственные за осуществление мер, применяемых в условиях чрезвычайного положения; время вступления указа в силу, а также срок действия чрезвычайного положения (ФКЗ РФ «О чрезвычайном положении»).

Такой указ подлежит незамедлительному обнародованию по каналам радио и телевидения, а также официальному опубликованию (ФКЗ РФ «О чрезвычайном положении»). По нашему убеждению, указ главы государства может обнародоваться и в неофициальных периодических печатных изданиях, а также на официальных интернет-порталах федеральных органов исполнительной власти и соответствующих субъектов РФ, на территории которых вводится чрезвычайное положение.

В аналогичном указе Президента Украины указываются: обоснование необходимости введения такого положения; границы территории, на которой вводится чрезвычайное положение; время, с которого вводится чрезвычайное положение, и срок, на который оно вводится; перечень и границы чрезвычайных мероприятий, исчерпывающий перечень конституционных прав и свобод человека и гражданина, временно ограничиваемых в связи с введением чрезвычайного положения, перечень временных ограничений прав и законных интересов юридических лиц с указанием срока их действия; органы государственной власти, военного командования и местного самоуправления, на которые возлагается реализация мер чрезвычайного положения, и пределы их дополнительных полномочий и др. (см. Закон Украины № 1550-III). Законодательство Украины не регламентирует, каким именно нормативным правовым актом парламента должен утверждаться такой указ, поэтому сложился прецедент утверждать его законом (см. Закон Украины от 06.12.2005 № 3182-IV).

Акцентируем, что данный указ незамедлительно обнародуется через средства массовой информации или другим способом лишь после его утверждения Верховной Радой Украины (см. Закон Украины № 1550-III). В контексте ч. 4 ст. 7 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении» считаем более логичной процедуру обнародования указа Президента РФ о введении чрезвычайного положения после его утверждения соответствующим постановлением Совета Федерации Федерального Собрания РФ.

Обобщая изложенное выше, отметим, что указы глав государств о введении чрезвычайного

положения обладают всеми признаками актов государственного управления (подзаконность, обязательность, правомочность, официальность, односторонность) и по своей природе носят административно-правовой характер. Однако это довольно специфические документы, поскольку они получают также и конституционно-правовую окраску. Это касается ограничений конституционно-правового статуса человека и гражданина и вопросов построения системы политической власти при введении чрезвычайного положения [3, с. 80]. Вместе с тем такие указы являются основой для принятия других административных актов (например, приказов и распоряжений коменданта территории, на которой введено чрезвычайное положение).

Эти акты – юридические факты, на основании которых возникают не только административные, но и другие правоотношения, например: гражданско-правовые – временное изъятие у граждан оружия, боеприпасов и ядовитых веществ, а также привлечение транспортных средств граждан для проведения аварийно-спасательных и других неотложных работ; трудовые – мобилизация трудоспособного населения для указанных работ, изменение режима работы организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности; финансовые – привлечение государственного материального ресурса, финансирование работ по устранению причин и последствий обстоятельств, послуживших основанием для введения чрезвычайного положения; уголовно-правовые – совершение преступления с использованием условий чрезвычайного положения как отягчающее наказание обстоятельство (п. «л» ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса РФ) и др.

Размышляя над вопросом о возможности привлечения к ответственности главы государства за невведение соответствующего чрезвычайного административно-правового режима при наличии обстоятельств для его введения, некоторые исследователи настаивают на целесообразности закрепления юридической или политической ответственности Президента Украины в случае его необоснованного введения или невведения, вплоть до импичмента [2, с. 263]. На наш взгляд, данная точка зрения является дискуссионной, поскольку развитие чрезвычайных обстоятельств без своевременного введения чрезвычайного положения и так может повлечь фактическое устранение главы государства от управления страной, что наглядно проиллюстрировали события в декабре 2013 г. – феврале 2014 г. в Украине. Поэтому внесение на утверждение в парламент указа президента о введении чрезвычайного положения на территории государства или его отдельных местностях должно осуществляться исключительно по его административному усмотрению.

Предложения по введению чрезвычайного положения в Украине или отдельных ее местностях Президенту Украины подает Совет национальной безопасности и обороны Украины. Кроме того, при возникновении особо тяжелых чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера с предложением о введении чрезвычайного положения может обратиться и Кабинет Министров Украины см. Закон Украины № 1550-III). Чрезвычайное положение может быть отменено указом главы государства ранее срока, на который оно вводилось, в случае устранения обстоятельств, обусловивших необходимость его введения. С предложением о его отмене к Президенту Украины могут обращаться парламент или правительство (при введении чрезвычайного положения в связи с техногенно-природными угрозами).

В Федеральном конституционном законе РФ «О чрезвычайном положении» аналогичные нормы отсутствуют, но они вытекают из подпункта «г» п. 3 Положения о Совете Безопасности РФ, возлагающего на аппарат данного конституционного совещательного органа задачи по подготовке Президенту РФ и Совету безопасности предложений по введению, продлению и отмене чрезвычайного положения. Тем не менее, считаем целесообразным закрепить данную норму федеральным конституционным законом, а не подзаконным актом.

Следует отметить неконкретность и обтекаемость норм украинского законодательства, регулирующих деятельность органов государственной власти и местного самоуправления в условиях чрезвычайного положения. Это касается и правового статуса военного командования, и отсылочного характера ст. 9 Закона Украины «О правовом режиме чрезвычайного положения».

К военному командованию, которому предоставлено право вместе с органами публичной администрации осуществлять меры правового режима чрезвычайного положения, отнесены Главный орган военного управления Национальной гвардии Украины, Служба безопасности Украины и Военная служба правопорядка в Вооруженных Силах Украины (*воинское формирование с правоохранительными функциями, правоохранительный орган специального назначения, специальное правоохранительное формирование в составе Вооруженных Сил Украины соответственно* – курсив наш С.Б.). По нашему мнению, отведение приоритетной роли воинским (военизированным) формированиям в ликвидации чрезвычайных ситуаций техногенного, природного или социального генезиса, обусловивших введение чрезвычайного положения, является спорным. Это связано с тем, что данные чрезвычайные обстоятельства носят «мирный», а не военный характер, поэтому излишняя милитаризованность привлекаемых

сил и средств может вызвать панику у населения и недовольство институтов гражданского общества, находящихся на территории, на которой введено чрезвычайное положение.

В случае необходимости для ликвидации особо тяжелых чрезвычайных ситуаций, вызванных стихийным бедствием или катастрофами, могут привлекаться аварийно-спасательные формирования других государств. Такие вопросы решаются по договорам с правительствами соответствующих государств, если другое не предусмотрено международными договорами Украины, согласие на обязательность которых дано парламентом (см. Закон Украины № 1550-III). Но вопросы оказания международной гуманитарной помощи территориям, на которых вводится чрезвычайное положение, остались без внимания депутатов Верховной Рады Украины.

К силам и средствам, обеспечивающим режим чрезвычайного положения в России, относятся органы внутренних дел, уголовно-исполнительной системы, федеральных органов безопасности, внутренних войск, а также органы по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. В исключительных случаях как дополнительные силы и средства могут привлекаться Вооруженные Силы РФ, другие войска, воинские формирования и органы, включая пограничные органы, привлекаемые для обеспечения режима чрезвычайного положения в целях охраны Государственной границы РФ (ФКЗ РФ «О чрезвычайном положении»).

Для координации действий привлеченных сил и средств в составе комендатуры территории, на которой введено чрезвычайное положение, указом Президента РФ может быть создан объединенный оперативный штаб (*как орган межотраслевого надведомственного управления* – курсив наш С.Б.) из представителей органов, обеспечивающих режим чрезвычайного положения. Таким штабом руководит назначаемый указом Президента РФ комендант территории, на которой введено чрезвычайное положение.

При невозможности достигнуть целей чрезвычайного положения на территории, на которой оно введено, указом Президента РФ может вводиться особое управление этой территорией путем создания временного специального органа или федерального органа. Руководители этих органов назначаются, а положения о них утверждаются главой государства, что в первую очередь связано с делегированием им широкого спектра властных полномочий дискреционного характера (см. статьи 11–13, 18 ФКЗ РФ «О чрезвычайном положении»).

Как утверждает А.Н. Бокий, введение режима чрезвычайного положения всегда связано с ограничением прав и свобод граждан, законных интересов общества при предупреждении и лик-

видации чрезвычайных ситуаций [4, с. 25–26]. Именно поэтому законодательное определение правового статуса человека и гражданина в таких условиях необходимо для: обеспечения соблюдения конституционных норм, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ в данной области; поддержания легитимности правового режима чрезвычайного положения; выполнения обязательств государства перед гражданами по соблюдению их прав и свобод в таких условиях; создания надлежащего политического, экономического и социально-психологического климата на территории, где введено чрезвычайное положение.

Мы согласны с С.И. Ивановым в том, что введение и/или продление режима чрезвычайного положения не должно становиться инструментом подавления демократии, а поведение органов государственной власти в условиях реальных угроз национальной безопасности – соответствовать конституционному строю и правопорядку на территории всего государства или отдельных его местностей [5, с. 20–21]. Поэтому в отличие от репрессивных механизмов, которые могут применяться органами охраны правопорядка без соблюдения определенных процедур, режим чрезвычайного положения вводится гласно и в установленном федеральным конституционным законом порядке, должен быть эффективным инструментом восстановления правопорядка, нормализации оперативной обстановки и гарантом соблюдения (восстановления) прав и свобод граждан, законных интересов общества.

Что касается гарантий соблюдения основных прав и свобод граждан, то в условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия (ст. 56 Конституции РФ). При этом не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные статьями 20, 21, 23 (ч. 1), 24, 28, 34 (ч. 1), 40 (ч. 1), 46–54 Основного закона РФ. Также в период действия на всей территории РФ чрезвычайного положения не может быть распущена Государственная Дума.

В свою очередь, гарантиям прав и свобод граждан, прав и законных интересов юридических лиц в условиях чрезвычайного положения посвящен отдельный раздел Закона Украины «О правовом режиме чрезвычайного положения». В частности, в условиях чрезвычайного положения запрещаются: изменения Конституции Украины и законов о выборах; проведение выборов Президента Украины, в Верховную Раду Украины и органы местного самоуправления; проведение

всеукраинских и местных референдумов; ограничение прав и полномочий народных депутатов Украины. А в период действия чрезвычайного положения продолжается (в случае окончания) срок полномочий представительских органов местного самоуправления и Верховной Рады Украины (см. Закон Украины № 1550-III). То есть «гарантии законности» в условиях чрезвычайного положения представляются прежде всего залогом функционирования высших должностных лиц государства, центральных и местных органов публичной администрации, независимо от масштабов местностей, на которых введено такое положение.

Закреплено, что введение чрезвычайного положения не может быть основанием для применения пыток, жестокого или унижающего человеческое достоинство поведения либо наказания, каких-либо ограничений права на жизнь, свободу мысли, совести, религии в понимании этих прав и свобод, принятом в Международном пакте о гражданских и политических правах и законах Украины. Любые попытки использовать введение чрезвычайного положения для захвата власти или злоупотребления ею влекут за собой ответственность в соответствии с законом (см. Закон Украины № 1550-III). Однако декларативность таких норм проиллюстрирована в Постановлении Верховной Рады Украины от 21 мая 2015 г. № 462-VIII «О Заявлении Верховной Рады Украины «Об отступлении Украины от отдельных обязательств, определенных Международным пактом о гражданских и политических правах и Конвенцией о защите прав человека и основоположных свобод», принятом при отсутствии фактических оснований для введения чрезвычайного (военного) положения.

Одновременно с этим при введении чрезвычайного положения Украина немедленно после этой процедуры уведомляет через Генерального секретаря ООН государства-участников Международного пакта о гражданских и политических правах об ограничениях прав и свобод человека и гражданина, составляющих отступления от обязательств по Международному пакту, сроках, объемах этих отступлений и причинах принятия такого решения (см. Закон Украины № 1550-III). Аналогичные нормы права РФ предполагают:

1) определение субъекта уведомления (информирования) международного сообщества – федеральный орган исполнительной власти, ведающий вопросами иностранных дел, а также их сроков – три дня;

2) руководство в деятельности не только нормами Международного пакта о гражданских и политических правах, но и Конвенции о защите прав человека и основных свобод;

3) информирование Генерального секретаря Совета Европы (помимо уведомления Генераль-

ного секретаря ООН) о временных ограничениях прав и свобод граждан, составляющих отступления от обязательств по указанным международным договорам, об объеме этих отступлений и причинах принятия такого решения;

4) уведомление сопредельных государств об обстоятельствах, послуживших основанием для введения чрезвычайного положения, в течение суток с момента принятия Советом Федерации Федерального Собрания РФ постановления об утверждении указа Президента РФ о введении чрезвычайного положения (ФКЗ РФ «О чрезвычайном положении»).

Считаем, что указанные выше нормы российского законодательства носят позитивную направленность, поскольку крайне важно информировать сопредельные государства и международное общество о чрезвычайных обстоятельствах техногенного и природного характера, последствия которых могут представлять глобальные угрозы, а информируемые субъекты могут своевременно оказать гуманитарную помощь, в том числе снизить масштабы и интенсивность миграционных процессов. И, наконец, такие действия рассматриваются как акт доброй воли, содействующий налаживанию добрососедских отношений.

Таким образом, надлежащая правовая регламентация режима чрезвычайного положения требуется для поддержания его легитимности, соблюдения конституции и международных обя-

зательств государства в сфере соблюдения прав и свобод человека, законных интересов общества, создания условий для нормальной жизнедеятельности населения и др. [6, с. 17–28]. Меры, реализуемые в рамках такого режима, можно сгруппировать по таким направлениям: изменение порядка деятельности государственного аппарата, которое заключается в расширении компетенции его должностных лиц по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций либо передачи таких полномочий специально создаваемым органам и формированиям; ограничения на определенные сроки и в определенных пределах основных прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов организаций; в-третьих, возложение на граждан, организации и их должностных лиц дополнительных обязанностей, ужесточение ответственности за их невыполнение.

Механизм обеспечения режима чрезвычайного положения должен включать юридическую активацию системы нормативных правовых актов, регламентирующих права и обязанности государства в лице специально уполномоченных органов, юридических и физических лиц в условиях (в период) чрезвычайного положения, а также практику их применения. Если при этом система соответствующих норм права создается и развивается по мере общественно-государственной необходимости, то их апробация возможна только в случае фактического введения чрезвычайного положения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2014 году». М.: МЧС России, ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2015. 350 с.
2. Кузниченко С.А. Становление и развитие института чрезвычайных административно-правовых режимов в Украине: дис. ... докт. юрид. наук. Симферополь, 2010. 463 с.
3. Кашкаров А.А., Кузниченко С.А. Меры процессуального принуждения, предусмотренные Кодексом административного судопроизводства Украины // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Юрид. науки». 2008. Т. 21 (60). № 1. С. 75–82.
4. Бокий А.Н. Особенности правового регулирования оборота оружия в особых и чрезвычайных условиях // Проблемы усовершенствования служебно-боевой деятельности органов внутренних дел: материалы круглого стола (12 октября 2010 г.). Симферополь: КЮИ ОГУВД, 2010. С. 25–29.
5. Иванов С.И. Операция как способ раскрытия преступлений в чрезвычайных условиях // Процессуальное и организационное обеспечение деятельности органов досудебного следствия и дознания в системе МВД Украины: материалы научно-практической конференции (14 мая 2010 г.). Симферополь: КЮИ ОГУВД, 2010. С. 19–24.
6. Деятельность ОВД в условиях действия режима чрезвычайного положения, введение которого обусловлено возникновением чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера: учебно-практическое пособие / О.А. Балдецкий и др. Симферополь: КЮИ ОГУВД, 2008. 72 с.

УДК 343.98.067

Р.В. Кулешов.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

В контексте разработки психолого-криминалистического портрета субъектов экстремистской и террористической преступности анализируется гендерный аспект, в рамках которого обращается внимание на специфику женской преступности в указанной сфере, выявляется совокупность криминалистически значимых психологических и социальных качеств, присущих подозреваемым и обвиняемым, существенных для формирования и поддержания психологического контакта с допрашиваемыми, а также результативности следственных действий, осуществленных с их участием.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, преступления, преступность, экстремистская деятельность, террористическая деятельность, криминалистика, криминалистическая характеристика преступлений, субъект преступлений, агрессия.

В контексте разработки криминалистической характеристики преступлений, связанных с экстремистской и террористической деятельностью, служащей информационной моделью указанных деяний [1, с. 153–157; 2, с. 10–16], особый интерес вызывает формирование психолого-криминалистического портрета субъектов преступлений [3, с. 31–41; 4, с. 88–96], в структуре которого особый интерес приобретает соотношение гендерных аспектов.

В специальной литературе утверждается об очевидном лидировании мужчин как субъектов преступлений экстремистской и террористической направленности, соотношение которых с женщинами значительно превосходит среднее (обобщенное) соотношение мужской и женской преступности [5; 6, с. 41–45]. Вместе с тем процентные показатели соотношения мужской и женской преступности в сфере экстремизма и терроризма у различных авторов не совпадают. Это закономерно объясняется, во-первых, случайностью выборки эмпирических источников, нередко предопределенной региональными особенностями места сбора эмпирического материала; во-вторых, специфической направленностью предмета научного изучения.

Так, по данным Ж.В. Васалатий, изучавшей особенности субъектов преступлений террористического характера, мужчинами совершено 83,9% указанных деяний [7, с. 14]. Полагаем, что довольно существенный процент женской террористической преступности (16,1%) по делам террористического характера обусловлен получившим распростра-

нение в современных условиях использованием террористок-смертниц, на характеристике личности которых мы специально остановимся далее.

Д.Г. Скориков, анализирующий субъектов преступлений экстремистской направленности, говорит о том, что на долю женской преступности в указанной сфере приходится всего 4,7% [8, с. 16] (следовательно, оставшиеся 95,3% относятся к мужской преступности).

Подобные данные – 97% мужчин от числа осужденных за преступления экстремистской направленности – называет В.О. Давыдов, который рассматривал особенности совершения преступлений экстремистской направленности с помощью телекоммуникационных сетей [9, с. 15].

Минимальный процент женской преступности – 3,6% – отмечают исследователи применительно к преступлениям против жизни и здоровья, совершенным по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды [10, с. 13].

Подобные результаты (с явным преобладанием мужчин в структуре экстремистской и террористической преступности) указаны в трудах иных исследователей.

Представленные сведения различных исследователей в целом совпадают и с результатами исследований, проведенных нами. Несомненно, явное лидирование мужчин, по общему правилу, обусловлено общей более активной линией их поведения в социальном плане, по сравнению с женщинами, что предопределено различием гендерных ролей. Преимущественное участие в пре-

Кулешов Роман Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, начальник отдела координации научной деятельности в МВД России Департамента государственной службы и кадров МВД России

e-mail: rv111@mail.ru

© Кулешов Р.В., 2016

Статья получена: 13.04.2016

ступлениях отмеченной категории мужчин, на наш взгляд, также может объясняться значительным удельным весом преступлений, совершенных по религиозным мотивам, в структуре экстремистской преступности, по определению отражающей проявление агрессивных состояний [11, с. 59–63]. Подавляющее же большинство религий утверждает доминирование (первичность, активность и т.п.) мужского начала и вторичность (пассивность, кротость, подчиненность, ведомость и т.п.) женского.

В то же время невысокий показатель женской преступности вовсе не свидетельствует о незначительной роли женщин в совершении деяний указанной направленности, которая проявляется в следующих типичных направлениях:

- террористки-смертницы;
- вербовщицы;
- публичные агитаторы (без признаков вербовки);
- агитаторы в социальных сетях;
- вспомогательный персонал.

Кроме того, хотя руководство экстремистским формированием традиционно является прерогативой мужчин, в последнее время правоохранительными органами стали выявляться факты осуществления лидерских функций девушками [12], что, полагаем, является частным проявлением общей социальной тенденции маскулинизации женщин как последствия эмансипации.

Итак, анализ резонансных преступлений о совершении террористических актов, захвате заложников и иных преступлений террористического характера, связанных с непосредственным выражением агрессии, свидетельствует об активизации такой тенденции, как использование террористок-смертниц. Ставка именно на террористок-смертниц предопределялась рядом условий, как непосредственно характеризующих личность смертницы, так и ее восприятие окружающими на этапе предкриминальной ситуации. Традиционно женщина вызывает большее доверие в среде незнакомых людей, как лицо с большей вероятностью законопослушное. Например, по признанию свидетелей, выживших в результате теракта в автобусе в г. Волгограде в октябре 2013 г., террористка-смертница Наида Асиялова, хотя и была одета в хиджаб (который привлек внимание окружающих и был воспринят как красивый этнический атрибут), но вплоть до самого взрыва не вызывала подозрения у пассажиров автобуса. Наоборот, из лучших побуждений попутчики уступили ей место для сидения, чем невольно способствовали тому, что количество жертв оказалось меньше по сравнению с реально возможным для аналогичной ситуации (взрывное устройство мощностью 600 г в тротиловом эквиваленте), если бы она стояла.

Анализ личности Н. Асияловой, проведенный согласно различным эмпирическим источникам информации, полученным, в том числе, и от ее близких родственников, позволяет сделать вывод о том, что ей были свойственны многие общие черты, присущие экстремистской и террористической преступности (как мужской, так и женской). Асиялова вела замкнутый образ жизни, сочетая фанатичное поклонение радикальному исламу с ненавистью к людям вообще, возникшей вследствие фрустрированных состояний на фоне пережитых сильных стрессов в подростковом возрасте. Отдельные информационные источники утверждают, что в юности Асиялова пережила надругательство со стороны знакомых ей взрослых мужчин, которые затем ее шантажировали, что постепенно приобрело огласку, и, с точки зрения общественного мнения населения небольшого исламского населенного пункта, где она тогда жила, воспринималось как «аморальность» девушки [13]. Несмотря на чудовищное по своей жестокости преступление, Асияловой была присуща потребность в духовном поиске, но, чувствуя себя лишней и непонятой в кругу родственников, исповедующих традиционный ислам и не разделявших радикальных течений, а также отвергнутой другими членами общества, Асиялова предпочитала не делиться с ними своими душевными переживаниями. Ссоры на почве разных идеологических взглядов между Асияловой и ее матерью, другими родственниками возникали периодически и порой доходили до того, что мать не пускала ее домой в хиджабе; в последние годы они почти не виделись, и о жизни Асияловой ее матери ничего не было известно. Асиялова контактировала со вдовами, женами и иными родственницами лиц, склонных к совершению террористических актов. Кроме того, указанные общие для экстремистов и террористов качества в случае с Н. Асияловой дополнялись тяжелым прогрессирующим заболеванием, что усиливало ее стабильно фрустрированное состояние, ощущение безысходности и суетности земной жизни, в сочетании с человеконенавистничеством. Согласно установленным данным, Асиялова, проживая в г. Москве, а также в Кизляре и Хасавюрте, сначала являлась вербовщицей новых последователей радикального ислама и участников террористических формирований, затем, после тесного сближения с единомышленником Д. Соколовым, также принявшим радикальный ислам, совершила теракт. Именно Д. Соколов, которого она считала своим гражданским мужем, подготовил ее к такой акции, в том числе лично изготовил для нее взрывное устройство [14].

Как правило, выбор конкретных женщин в качестве потенциальных террористок-смертниц не случаен и предопределен совокупностью их индивидуально-психологических качеств в сочетании с воздействующими на них определенными условиями окружающей обстановки. Помимо рассмотренных выше качеств (иллюстрирующих типичный портрет террористки-смертницы), которыми обладала Асиялова, зачастую выбор происходит из числа вдов или иных близких родственниц, близких лиц исламских боевиков, погибших в результате контртеррористических операций. Предпочтение отдается женщинам с заниженной самооценкой, ведущим замкнутый образ жизни после смерти близкого им мужчины либо находящимся во фрустрированном состоянии вследствие иных сложных жизненных ситуаций. В различных информационных источниках также упоминается о случаях провокации женщин [15, с. 164–167] с целью создания видимости их аморального поведения (вплоть до надругательства с фиксацией этого действия с помощью видеозаписи), с целью убеждения к «очищению» путем самоподрыва в результате теракта. Независимо от формы насилия [16, с. 3–9; 17, с. 34–38], реализованной в отношении потенциальной смертницы, достигается усиление ее фрустраций, что хронологически приближает ее психологическую готовность к навязанной ей деструктивной деятельности. Как правило, террористки-смертницы проходят этап подготовки к совершению теракта, в ходе которой подвергаются мощной психологической и идеологической обработке вплоть до зомбированного состояния и полной атрофии к способности объективно и критически оценивать свои действия и действия иных участников преступных террористических и экстремистских группировок. Практика свидетельствует, что террористки-смертницы, как правило, исповедуют радикальный ислам; причастность к иным видам религий, как к различным направлениям (сектам) традиционных, так и новых, альтернативных, в целом не характерна.

Другим направлением участия женщин в совершении преступлений экстремистской направленности является их причастность к деяниям агитационного характера, связанным с разжиганием ненависти или вражды на идеологической почве. Этой разновидности преступниц свойственны более широкий круг общения (хотя избирательность в выборе контактов сохраняется), большая степень приемлемости при установлении контактов с людьми, в целом более широкий общий кругозор личности. Данная категория отличается более высоким образовательным уровнем (как известно, в составе группы «Pussy Riot»

находились художницы, актрисы, иные представительницы творческой интеллигенции), относительной социализацией. Для этой группы субъектов также характерна потребность в духовном поиске и разрешении «вечных вопросов», самосовершенствовании мировоззрения, но вследствие асоциальных установок, нереализованных потребностей компенсация этих потребностей идет по деструктивному пути.

Представительницы подобных объединений нередко являются сторонниками феминизма. В плане отношения к религии (в отличие от террористок-смертниц) они характеризуются нейтральными убеждениями, некоторые из виновных (например, участники скандально известной группы «Pussy Riot») даже были крещены в христианской церкви, иные – являлись атеистами.

Совершаемые женщинами преступления экстремистской (террористической) направленности, в которых прослеживается явная агитационная составляющая, осуществляются и с помощью средств телекоммуникации. Так, задержанная в июне 2009 г. в Московской области студентка 5 курса вуза, одновременно работавшая посудомойкой в ресторане, разместила в своем интернет-блоге информацию экстремистского характера. Используя неофашистский литературный источник «Пособие по уличному террору» и изменив название агитационного текста на «Пособие по уничтожению лиц кавказской национальности», она призывала молодежь на борьбу с людьми «неславянского происхождения», считая их «биомусором», который недостойно проживать в едином пространстве с представителями «белой расы». В тексте содержалось обращение к подросткам объединяться в «белые патрули» и, применяя тактику «точечного террора», нападать на представителей стран ближнего зарубежья, имеющих неславянскую внешность [18, с. 1].

Итак, присущая женской преступности в данной сфере асоциальная установка, морально-нравственная деградация и стабильные фрустрированные состояния личности проявляются в публичном выражении негатива в отношении действующего правительства, правоохранительных и иных государственных органов, каких-либо других социальных групп, идеологические убеждения которых антагонистичны, с точки зрения виновных. Им свойственны высокий эгоцентризм, демонстративность и эпатаж в поведении, что является попыткой привлечь к себе (как к источнику и носителю «сверхценной идеи») максимальное внимание и приобрести единомышленников в «идеологической борьбе». Соответственно, психологическая включенность следователя в

указанное внутреннее состояние «духовного поиска» подозреваемых и обвиняемых, не имеющая ничего общего с потаканием данным радикальным идеям, является приоритетным фактором в

формировании и поддержании психологического контакта с допрашиваемой в контексте процессуальной деятельности по исчерпывающему установлению обстоятельств расследуемых деяний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айвазова О.В. Криминалистическая характеристика преступлений как систематизированное отражение механизма преступной деятельности: результаты научной полемики // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 389.
2. Варданян А.В., Гнетнев И.Г. Понятие, значение и структура криминалистической характеристики преступлений против жизни и здоровья, совершенных лицами, имеющими психические расстройства, не исключающие вменяемости // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2-2.
3. Айвазова О.В., Варданян А.В., Говорухина Е.В. Современные проблемы борьбы с похищением людей: правовые и криминалистические аспекты. М., 2014.
4. Варданян А.В., Мельникова О.В. Методика построения психолого-криминалистического портрета преступника как средство повышения эффективности раскрытия и расследования тяжких насильственных преступлений против личности // Научные труды SWorld. 2013. Т. 26. № 2.
5. Варданян А.В. Современные проблемы раскрытия и расследования тяжких насильственных преступлений против личности: монография. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2015.
6. Варданян А.В., Кийко Л.Н. Криминалистически значимые особенности лиц, совершивших тяжкие насильственные преступления против личности // Научные труды SWorld. 2013. Т. 29. № 1.
7. Васалатий Ж.В. Методика расследования преступлений террористического характера: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010.
8. Скориков Д.Г. Расследование преступлений экстремистской направленности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2014.
9. Давыдов В.О. Информационное обеспечение раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием компьютерных сетей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2013.
10. Капица В.С. Расследование преступлений против жизни и здоровья, совершенных по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009.
11. Варданян А.В., Кулешов Р.В. Типология агрессии и формы ее проявления в структуре мотивации экстремистской и террористической деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 2 (25).
12. По Москве марширует гитлерюгенд. В фашистские формирования новобранцы приходят прямо из школ // Московский комсомолец. 2009. 22 января.
13. Асиялова Наида Сиражуудиновна. Биография // Помни про. Электронный мемориал. URL: <http://pomnipro.ru/memorypage76809/biography>
14. Сидорчик А. Бомба для любимой. Смертницу в Волгограде готовил ее русский сожитель // Аргументы и факты. 2013. 22 октября.
15. Варданян А.В. Особенности формирования преступной мотивации у лиц, имеющих психические расстройства, не исключающие вменяемости, при совершении ими преступлений против жизни и здоровья личности на сексуальной почве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 3 (30).
16. Варданян А.В. Насилие и угроза его применения как способ совершения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. Вып. 32.
17. Варданян А.В., Говорухина Е.В. Мотивация тяжких насильственных преступлений против личности как основание для их криминалистической классификации. Типичные места совершения насильственных преступлений против личности // Юристъ-правоведъ. 2015. № 3 (70).
18. Уличному террору скинхедов учила посудомойка // Московский комсомолец. 2009. 23 июня.

УДК 343.983

Л.К. Фазлиева.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ВЕЩЕСТВ, МАТЕРИАЛОВ И ИЗДЕЛИЙ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Активное внедрение в практику борьбы с преступностью современных естественнонаучных средств и разработка высокочувствительных методов анализа открыли широкие перспективы для всестороннего исследования самых малых количеств веществ и материалов, микрофрагментов изделий, а следовательно, сделало возможным получение достоверной розыскной и доказательственной информации. Это вносит свои коррективы в процесс расследования преступлений и повышает действенность использования в нем результатов криминалистической экспертизы веществ, материалов и изделий (КЭВМИ).

Ключевые слова: криминалистическая экспертиза веществ, материалов и изделий, микрообъект, микрослед, микрочастица, микроколичества, обнаружение, диагностика, идентификация, воспроизведение, защита объектов от подделки, судебная экспертиза.

Материальные объекты – предметы объективной реальности, имеющие значение носителей криминалистически значимой информации, поскольку их свойства и отношения с другими объектами находятся в определенной связи с фактами, подлежащими установлению по делу либо способны ориентировать оперативного работника или следователя в отыскании таких фактов.

В научной литературе под следовым количеством понимается микрообъект, находящийся в микроколичестве, что требует для его обнаружения и исследования применения современных методов микроанализа [1].

Микроколичества вещества – это сыпучие, вязкие и жидкие микрообъекты с неустойчивыми пространственными границами.

Несмотря на многообразие свойств предметов объективной реальности в криминалистике для получения информации наибольшее значение имеют:

- функциональные свойства сложных систем, определяющие возможность и особенности способа требуемого действия (свойства письменного двигательного навыка человека, отражающиеся в графике и топографии его письма и используемые для диагностики обликовых характеристик и идентификации пишущего; свойства программного обеспечения работы знаковосинтезирующих систем в печатно-множительной технике и т.п.);

- морфологические свойства физических тел, т.е. их внешнее или внутреннее строение, заключающееся в конечном счете в особенностях про-

странственного размещения веществ и материалов (свойства внешнего строения канала ствола огнестрельного оружия, определяющие специфику образующихся на пуле следов; свойства внешнего строения лицевой части головы человека, определяющие, например, возможность его диагностики и идентификации по фотоизображениям, и т.д.);

- субстанциональные свойства самих веществ и материалов, т.е. их состав (элементный, молекулярный, фазовый), структура, магнитная проницаемость, растворимость и т.д.

Актуальной задачей в таких условиях являются расширение доказательственной базы и ее активизация. Следует согласиться с тем, что максимальный эффект может быть обеспечен лишь в результате использования специальных познаний специалиста и эксперта [2, с. 20–23]. Директор Урало-Поволжского объединения судебных экспертов Аминев Ф.Г. отмечает, что такое использование происходит в ходе интеграционной деятельности всего комплекса правоохранительных органов – в ходе экспертно-криминалистического обеспечения, представляющего собой согласованную деятельность органов следствия и дознания, экспертно-криминалистических подразделений по собиранию, исследованию, оценке и использованию криминалистически значимой информации, получаемой в результате исследования доказательств и других объектов судебно-экспертными учреждениями и специалистами-криминалистами [3, с. 3–6].

Фазлиева Лилия Канзеловна, кандидат химических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России
тел.: 8 906 329 71 26

© Фазлиева Л.К., 2016

Статья получена: 19.10.2015

Комплексный подход состоит в следующем:

- Совместно используются все источники информации, связанной с решением поставленной задачи. Например, выявление микрообъектов инородного характера на поверхности кожи и в области повреждений, а также следов, возникающих от воздействия тупых предметов на тканях одежды [4], открывает новые диагностические возможности при проведении идентификационных судебно-медицинских экспертиз.

- В самом общем плане комплексный подход в работе с материальной обстановкой по делу состоит в том, чтобы все субъекты, принимающие участие в такой работе, т.е. в первую очередь оперативный сотрудник, следователь, специалист и эксперты, одинаково понимали сущность подлежащей разрешению задачи, природу требуемой и имеющейся информации для такого разрешения, способы передачи этой информации свойствами материальных объектов, возможности передачи той же или связанной с ней информации показаниями свидетелей, и, наконец, научно-технические возможности получения требуемой информации соответствующими исследованиями, включая материаловедческие.

- Работа с микроследами при проведении расследования преступлений осуществляется главным образом в процессуальной форме, т.е. при производстве действий, регламентированных уголовно-процессуальным законом. К числу следственных действий, в ходе которых наиболее часто приходится выполнять работу с микроследами, относятся следующие: все виды осмотра (осмотр места происшествия, местности, помещений, предметов, документов, осмотр труп), обыск и освидетельствование. Не исключается возможность предъявления объектов с микроследами (их фотоснимков) в процессе проведения допроса с целью убедить допрашиваемого дать правдивые показания [5].

Особое значение в расследовании преступлений придается результатам криминалистического исследования микрообъектов – материальных объектов, отделившихся от других объектов в процессе события преступления, ни одно из измерений которых (длина, ширина, высота) не превышает 1,5 мм. Основной задачей экспертного исследования микрочастиц является установление закономерностей образования микрообъектов [6, с. 126–130].

Наиболее существенное для практики криминалистического обеспечения оперативной, оперативно-розыскной и следственной деятельности – это вопрос, какими группами свойств микрообъекты передают соответствующую информа-

цию. Выделяют пять групп свойств [3, с. 3–6]:

- 1) морфологию, т.е. пространственное внешнее и внутреннее строение микрочастицы; так, микрочастица может быть отделена от какого-то предмета механически и быть пригодной даже для сопоставления по поверхности разделения (отделение от объекта);

- 2) состав, структура и иные свойства вещества (материала) микрообъекта; этот способ передачи информации очевиден и используется, например, при решении задач обнаружения, диагностики, идентификации. Особое значение в плане передачи информации данным способом имеют так называемые следы внешней среды, т.е. это обычно пыль, содержащая частицы геологической и техногенной природы (на микрочастицах и смывах с заднего сиденья автомобиля осужденных могут быть обнаружены следы селитры и алюминиевой пудры, которые могут быть использованы при изготовлении самодельного взрывчатого устройства);

- 3) состояние (обычно измененное от первоначального) вещества (материала) микрообъекта на предмете-носителе. Так, например, обнаружение на поверхности ЛКП автомашины оплавленных синтетических микроволокон, внедрившихся в покрытие, указывает на контакт ткани одежды потерпевшего и автомашины с большим трением (при ударе);

- 4) местоположение на предмете-носителе. Например, наличие микрочастиц лакокрасочного покрытия в зоне одежды, соответствующей находящейся под ней зоне повреждения тела пострадавшего в результате удара транспортного средства и т.п.;

- 5) относительное размещение разнородных веществ и материалов по поверхности предмета-носителя. При контакте предметов одежды находившиеся на их поверхности микрообъекты соответственно и отлагаются на предмете-носителе (следовоспринимающем объекте) так, как они были размещены на следообразующем объекте. (Примеры: доказательством по делу об убийстве явилось обнаружение на одежде Кудряшова Д.А. микрочастиц убитой Д. [4]. Винодность Рукавишниковой в совершении нападения в целях хищения имущества Ж. с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, с применением предмета, используемого в качестве оружия, с незаконным проникновением в жилище, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего, а также в убийстве Ж., сопряженном с разбоем, подтверждена заключением эксперта, согласно которому среди микрочастиц, изъятых с одежды Ж. обнаружены 9 волокон общей родовой принадлежности с волокнами брюк Рукавишниковой, а также 5 волокон из его свитера, а на одежде осужденного, в том числе на брюках, – 2 волокна общей родовой

принадлежности с волокнами из одежды Ж. [7].

Одним из видов доказательств, получаемых практически при расследовании каждого уголовного дела, является заключение эксперта. В некоторых случаях заключение эксперта является единственным доказательством, устанавливающим некоторые значимые обстоятельства, имеющие значение для дела. Именно поэтому заключение эксперта и порядок его получения являются объектом пристального внимания со стороны многих ученых.

Согласно правовым нормам субъектом собирания материалов для экспертного исследования является следователь (дознатель, суд). Вместе с тем в правоохранительных органах широко применяется практика, когда эксперт, проводя исследование, обнаруживает следы-отображения или следы-вещества на предметах-носителях, фиксирует их расположение в заключении эксперта, изымает, а в необходимых случаях копирует, т.е. осуществляет поиск следов, которые впоследствии могут быть направлены на экспертное исследование с целью их идентификации или диагностики. Таким образом, эксперт осуществляет собирание объектов для экспертного исследования, что вступает в противоречие с п. 2 ч. 4 ст. 57 УПК РФ, запрещающим эксперту самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования.

Некоторые ученые [8] высказывают мнение о необходимости процессуальной регламентации возможности обнаружения экспертом доказательств. Так, если в ходе осмотра обнаружить частицы не удалось, решение этой задачи в дальнейшем поручается экспертам. Для обнаружения микрочастиц и микроследов проводятся поиск с применением метода мысленного моделирования обстоятельств преступления (используется информация, которой располагает следователь) и выявление с применением технико-криминалистических средств.

Из сказанного выше следует, что при работе с микрообъектами на месте происшествия специалист-криминалист, роль которых выполняют эксперты ЭКП ОВД, обязан учитывать все возможные способы передачи информации микрообъектами и выполнять все манипуляции с микрообъектами и предметами-носителями так, чтобы максимально сохранить передаваемый ими объем информации.

Микрообъекты, особенно микрочастицы, весьма своеобразно передают информацию о тех макрообъектах, от которых они отделены. Вещество (материал) макрообъекта в числе прочих характеризуется свойством однородности (гомогенности). У одних макрообъектов материал может быть од-

нороден, с одинаковыми свойствами во всех их частях, например, состав чернил во флаконе после встряхивания последнего. У других макрообъектов этот материал может быть существенно неоднородным (негомогенным). Например, в полипропиленовой пленке, изготавливаемой методом выдувания на экструдерах, ряд компонентов (например, стабилизаторы) по ширине пленки изменяют не только свое количественное, но и качественное содержание буквально на расстоянии нескольких миллиметров, а в разных местах даже стандартного заводского лакокрасочного покрытия одного транспортного средства может быть различно не только качественное и количественное содержание отдельных компонентов материалов отдельных слоев, но изменяться и число слоев.

Исходя из того, что материал макрообъектов в конкретных условиях имеет разный характер однородности (гомогенности, равномерности размещения компонентов в массе материала и пр.), микрообъект как часть макрообъекта оказывается в разной степени представительным, т.е. пригодным для суждения о свойствах материала макрообъекта в целом.

Задачами криминалистической экспертизы веществ, материалов и изделий являются: обнаружение; диагностика; идентификация; воспроизведение; защита объектов от подделки.

Обнаружение, т.е. установление факта наличия или отсутствия вещества (материала) на том или ином объекте, в КЭВМИ решается в двух вариантах:

- 1) обнаружение значительных объемов специально замаскированных (спрятанных) веществ;
- 2) обнаружение малых количеств (микроследов, микрочастиц) на (или, в) объекте-носителе.

Обнаружение малых количеств необходимо, например, при производстве судебных экспертиз, назначенных по фактам употребления наркотиков кустарного производства в притонах. Тут эксперт чаще всего сталкивается с микрообъектами, несущими следовую информацию на предметах-носителях (наслоение веществ на использованных шприцах, пустых флаконах, тарелках, ковшах и т.д.). В связи с этим неизбежно возникает вопрос о целесообразности и методах установления количественных характеристик следов вещества.

Применительно к задачам КЭВМИ **диагностикой** называется распознавание сущности объекта как носителя определенного рода криминалистической информации через установление классификационных или групповых признаков материалов и веществ.

Основой диагностики материалов служат промышленное материаловедение соответствующей

отрасли и дополнительные данные, аккумулируемые в криминалистических подразделениях. Так, для взрывчатых веществ в целях диагностики источника их происхождения создана специальная информационная система, где в памяти ЭВМ находятся данные о производстве и сбыте в России промышленных взрывчатых веществ.

Если говорить о диагностике человека по его следам и отображениям, то она предполагает проведение комплексного анализа, посредством которого возможно сформировать обобщенный портрет разыскиваемого преступника. С учетом интегрального характера получаемой таким образом информации создаваемый портрет разыскиваемого целесообразно назвать комплексным портретом человека. При расследовании и раскрытии преступлений изучение личности преступника и потерпевшего, являющееся составным элементом криминалистической характеристики преступления конкретного вида или группы, относится к первоочередной задаче.

Представляется, что развитие криминалистической регистрации, а также активное использование ее в практической деятельности правоохранительных органов Российской Федерации с учетом изучения и использования опыта работы правоохранительных служб зарубежных государств будет способствовать эффективному раскрытию и расследованию преступлений.

В целях установления тождества конкретного объекта (предмета, вещества), общеродовой (групповой) принадлежности веществ (материалов), а также общего источника происхождения проводятся **идентификационные** исследования в КЭВМИ.

Для криминалистической идентификации необходима классификация отношений частей целого по их роли относительно друг друга, а также по типу их взаимосвязей. В зависимости от первого основания выделяют определяющие и определяемые части. Определяющей можно считать часть, которая содержит наибольший объем информации как о целом, так и о пограничных частях, т.е. выполняет основную, функциональную роль целого. Далее автор предлагает, как и в традиционном методе идентификации, выделять части с существенными, несущественными, необходимыми, случайными, внешними и внутренними связями. Очевидно, что наибольший интерес для расследования представляют закономерные специфические связи. Каждый целостный объект обладает своими специфическими связями (координационными, субординационными, корреляционными и т.п.), которые определяют его структуру [10, с. 41].

С точки зрения целостности объекта наиболее важны системообразующие связи и отношения,

благодаря которым реализуется специфическое для системы единство. Единство системы воплощается в ее общей функции или интегральном свойстве. Поэтому чем выше структурный уровень самой системы и ее частей (компонентов), тем полнее отражаются интегральные свойства целостной системы в ее компонентах, тем сильнее выражены их характерные, специфические взаимосвязи и отношения. Например, в случае проведения оперативного эксперимента в отношении взяточполучателя необходимо зафиксировать факт перемещения предмета взятки. Для этого применяется метод химической ловушки – предмет взятки обрабатывают люминесцирующим веществом (например, ОРЛЮМ Белый 540 Т; Люмограф), которое невидимо при дневном свете и люминесцирует в ультрафиолетовых лучах, а также изымают образец этого вещества. Заключение криминалистической экспертизы веществ, материалов и изделий (КЭВМИ), произведенной уже после возбуждения уголовного дела, о том, что изъятый образец и обнаруженное на предмете взятки вещество принадлежат к одной и той же группе веществ, является веским доказательством вины взяточников [11].

Следует отметить, что отчасти формирование баз данных законодательно закреплено: ст. 17 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» регламентирует формирование и ведение банков данных о гражданах. В соответствии с ч. 1 и 2 указанной статьи полиция имеет право обрабатывать сведения о гражданах, необходимые для выполнения возложенных на нее обязанностей, с последующим внесением полученной информации в банки данных о гражданах.

Такой взгляд на объекты криминалистической идентификации хорошо согласуется с современным общенаучным подходом, получившим название системного. Этот подход, во-первых, представляется перспективным, отвечающим текущему уровню развития науки, а во-вторых, позволяет решить ряд проблем криминалистической идентификации [12, с. 160–168].

Задача **воспроизведения** состоит в изготовлении одного объекта взамен другого либо реставрации разрушенного объекта по оставшимся фрагментам. Такое исследование достаточно часто проводится по делам о взрывах для воссоздания внешнего вида взрывного устройства.

Задачи **защиты от подделки** решаются приданием веществам (материалам) таких свойств, без предварительного знания которых обнаружить их маловероятно. Распространенный способ защиты – введение в материал следовых количеств посторонних веществ. Именно этим способом осуществля-

ется, в частности, защита документов от подделки.

Как отмечает Хмелева А.В., следователями при назначении судебных экспертиз допускается ряд типичных ошибок [13, с. 12–15]:

1. Постановка «шаблонных» вопросов перед экспертом без учета конкретной ситуации (этот недостаток обычно характерен для молодых следователей, которые зачастую пользуются справочными пособиями, перепечатывая из них весь рекомендуемый список вопросов применительно к экспертизе определенного вида).

2. Представление на экспертизу избыточного количества объектов с постановкой вопросов по каждому из них вне зависимости от связи с делом. К примеру, смерть наступила от колото-резаного повреждения в области груди, причем в момент ранения человек был в верхней одежде (пиджак, куртка, брюки). Однако следователь направляет на судебно-медицинскую экспертизу вещественных доказательств всю одежду с трупа, в том числе трусы, трико, носки. При этом ставит общий вопрос: имеются ли на представленной одежде следы крови, пота подозреваемого?

3. Неправильная упаковка предметов (например, упаковка влажных окровавленных вещей в полиэтилен, что приводит к развитию гнилостных процессов) [14]. На практике нередки случаи упаковки в один пакет всего комплекта одежды с трупа жертвы, в том числе вместе с одеждой подозреваемого (обвиняемого). При этом перед экспертами ставится вопрос о возможном контактном взаимодействии объектов (переходе волокон с одежды одного лица на одежду другого). Имеют место случаи помещения объектов, направляемых на экспертизу запаховых следов человека, в полиэтиленовые пакеты, которые сами по себе являются источниками запаха.

4. Непредставление одновременно со смывами с рук (например, для определения наличия следов близкого выстрела) или со смывами крови с различных поверхностей контрольных смывов и контрольных образцов марли (бинта), на который производился смыв.

5. Неверное определение последовательности при назначении нескольких экспертиз, приводящей к невозможной утрате тех или иных признаков и невозможности дальнейших исследований одного и того же объекта экспертами других специальностей. Например, назначение первоначально судебно-медицинской экспертизы по биологическим следам на одежде, а затем – представление этой же одежды в целях выявления микрообъектов. Между тем общей криминалистической рекомендацией в таких случаях является совет сначала назначать те экспертизы,

которые не влекут утрату или изменение признаков объекта. Когда утраты тех или иных следов (признаков) избежать невозможно, «жертвовать» следует менее информативными признаками.

6. Имеет место ряд упущений следователей при назначении судебных экспертиз, непосредственно влияющих на увеличение сроков следствия: несвоевременность назначения экспертиз, несвоевременность доставки объектов в экспертное учреждение; несвоевременный ответ на запросы эксперта; волокита в получении выполненной экспертизы и объектов исследований; назначение спустя значительный срок судебно-психиатрической экспертизы (например, при совершении преступления в условиях очевидности) без прогнозирования возможного назначения стационарной экспертизы или, наоборот, назначение психиатрической экспертизы без получения и представления экспертам достаточного количества необходимых материалов; и др [15]. Это объясняется тем, что в Инструкции по организации производства судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации, утвержденной Приказом Минюста РФ от 20.12.2002 № 347, сроки производства абстрактны и определяются руководителем экспертного учреждения.

Более длительный срок производства экспертизы назначается в случаях исследования значительного объема материалов, применения продолжительных по времени методик исследования, при наличии в производстве у эксперта значительного количества экспертиз. Причем при наличии объективных оснований, указывающих на невозможность выполнения экспертизы в установленный срок, может быть установлен новый срок производства экспертизы. После устранения лицом (органом), назначившим экспертизу, причин, препятствующих производству экспертизы, оно может быть возобновлено, при этом срок производства экспертизы продлевается на количество дней, затраченных на устранение данных причин. Кроме того, в случаях болезни, командировки эксперта, имеющего в производстве экспертизу, руководитель продлевает срок ее производства данным экспертом либо поручает производство судебной экспертизы другому эксперту по согласованию с лицом (органом), назначившим экспертизу.

Поэтому в большинстве случаев сроки производства экспертизы согласовываются между экспертом и лицом, назначившим экспертизу, на основе личных взаимоотношений. А производство экспертиз, которыми не интересуются, отодвигается на неопределенный срок.

По мнению Бычкова В.В. [16, с. 3–7], и дознавателю, и следователю, прежде чем назначить экспертизу, необходимо решить вопрос о необходимости ее производства. Хотя уже сложилась практика обязательного производства экспертиз (ст. 196 УПК РФ) как при наличии оснований, так и на всякий случай.

Материалы и вещества, а также изделия из них используются в криминалистической практике в

качестве источника информации для решения всех основных задач. Однако важно иметь в виду и то, что КЭВМИ органически сочетается с другими экспертизами (дактилоскопическими, траснологическими, биологическими и т.п.), и этим обеспечивается полнота и всесторонность исследования материальных носителей информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Судебная экспертиза: типичные ошибки / Е.И. Галяшина и др.; под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2012. 544 с.
2. Корнелюк О.В. Некоторые вопросы взаимодействия оперативных и экспертных подразделений ФСКН России при выявлении и раскрытии преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков // Государство и гражданское общество как элементы механизма противодействия наркоагрессии в России: сб. материалов международной науч.-практ. конф. (Уфа, 14–15 марта 2013 г.) / под общ. ред. А.Ю. Кийко. Уфа: УФ СЗИПК ФСКН России, 2014.
3. Аминев Ф.Г. Об интеграции судебных экспертиз при расследовании преступлений // Эксперт-криминалист. 2015. № 1.
4. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 17.02.2015 № 8-АПУ15-3.
5. Вандер М.Б. Использование микрочастиц при расследовании преступлений. СПб.: Питер, 2001.
6. Фазлиева Л.К. Криминалистическое значение следов веществ и материалов // Научные труды КЮИ МВД России: Вып. 5. Казань: КЮИ МВД России, 2006. С. 126–130.
7. Апелляционное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20 января 2015 г. № 44-АПУ14-70.
8. Лазарева Л.В. Правовое положение судебного эксперта сквозь призму УПК РФ // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 1.
9. Аминев Ф.Г. Современный уровень развития криминалистической техники требует совершенствования организации ее применения // Эксперт-криминалист. 2013. № 4.
10. Седова Т.А. Проблемы методологии и практики нетрадиционной криминалистической идентификации. Л., 1986.
11. Даньшин К.Ю. Некоторые особенности проведения доследственной проверки по делам о взяточничестве // Законодательство. 2012. № 9.
12. Мамурков В.А. Основы решения идентификационных задач в криминалистической гомобиоскопии // Российский юридический журнал. 2014. № 1.
13. Хмелева А.В. Тактические особенности назначения судебных экспертиз // Эксперт-криминалист. 2014. № 4.
14. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 2 сентября 2013 г. № 48-О13-28СП.
15. Уголовное дело по обвинению Л. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 163 УК РФ // Архив ГСУ УМВД России по Челябинской области.
16. Бычков В.В. Назначение судебной экспертизы как право дознавателя и следователя // Российский следователь. 2014. № 5.

УДК 343.341

Р.Ф. Набиев.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИЛОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВООРУЖЕННЫМ ЭКСТРЕМИСТСКИМ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМ В ГОРОДСКИХ УСЛОВИЯХ

Одной из особенностей развития терроризма в последние годы стали частые случаи открытого боевого противоборства законных силовых структур с организованными преступными объединениями. Ни одна из стран мира пока не способна эффективно бороться с такой тактикой экстремистов. Методические пособия и уставы, как правило, не отвечают современным требованиям. В связи с этим необходимо разрабатывать тактику городского боя с учетом новых технологий.

Ключевые слова: терроризм, городской бой, вооруженные группы боевиков, ландшафт, жилой массив, укрепленный район, низкая эффективность, тяжелое вооружение, штурмовая группа, оружие нелетального действия.

Одной из особенностей современной криминальной обстановки является тенденция нарастания количества и масштабов вооруженных столкновений силовых структур и вооруженных экстремистов на территории городов в жилых районах и производственных зонах.

Это относится как к проявлениям «традиционного» терроризма, так и к относительно новому явлению – силовому сопротивлению хорошо обученных и оснащенных подразделений боевиков. Особенностью боевых действий (БД) в Сирии, например, является факт длительного силового противостояния армии и полиции Сирии международным преступным организациям.

При этом отлично оснащенные и подготовленные спецподразделения армии и полиции нередко демонстрируют низкую эффективность в борьбе против восставших. Это объясняется целым комплексом причин, причем некоторые из них являются объективными.

Во многих случаях причиной столь «неоправданно длительного» противоборства (и даже поражений) вооруженных сил слабо обученных боевиков является неготовность армии и полиции к боям в городских условиях. Многие «научные» работы, методические пособия и руководства по ведению боевых действий в городе (БДГ) лишь имитируют научный подход, возводя в абсолют обобщение боевого опыта в частной ситуации. Они, как правило, не отвечают современным требованиям.

Одной из важнейших причин является то, что привычные всем архитектурные виды в ходе боев становятся специфическим ландшафтом, требу-

ющим специальной подготовки (как, например, горные, егерские, полярные и др.). При минимальной подготовке жилые массивы превращаются в укрепленные районы с большим количеством неопределяемых огневых точек и скрытыми коммуникациями. Причем бой внутри микрорайона на определенном этапе может исключать применение тяжелого вооружения, авиации и отработанных специальных приемов захвата одиночных террористов. Это относится к тем случаям, когда преступники прикрываются гражданскими жителями.

Впервые российские силовики столкнулись с подобной ситуацией в Будённовске, где легендарный спецназ оказался неспособным выполнить задачу по ликвидации боевиков. Их неоднократно упрекали за это. И напрасно.

Подчеркнуто пренебрежительное отношение к захватчикам Будённовска, как к «бандитам», повлекло за собой ошибочное решение на их ликвидацию при помощи отрядов, специализировавшихся на внезапном нападении на неподготовленного или несистемного противника. В Будённовске спецназу противостояли хорошо подготовленные воины с опытом успешных боевых действий, подготовившие капитальное здание к организованной круговой обороне и прикрывавшиеся беременными женщинами. В то же время быстрая ликвидация боевиков могла быть успешно проведена, если бы она готовилась и осуществлялась, как штурм опорного пункта (ОП).

Заметим, что в настоящее время некоторые спецподразделения проходят целевую подготовку к действиям в условиях города, однако, как

Набиев Рустам Фанисович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России

e-mail: nabiev_bulg@mail.ru

© Набиев Р.Ф., 2016

Статья получена: 20.11.2015

правило, речь идет о ликвидации преступников в здании, а не штурме опорного пункта. Тем более, отсутствует подготовка к долговременному штурму нескольких ОП, взаимосвязанных в рамках укрепленного района.

Имеются основания полагать, что подобная ситуация характерна для большинства стран мира. Причем речь идет не только о полицейских подразделениях, но и об армейских частях. Их применение зачастую приводит к неожиданным результатам. Например, «побочные экономические издержки».

Опыт БД в Сирии свидетельствует о том, что армия, применяя тяжелое вооружение против обороняющихся, наносит своей стране экономический ущерб, который не смогли нанести террористы. Сносится вся инфраструктура, уничтожается собственное население. Таким образом, армия, добросовестно уничтожая террористов имеющимися средствами, косвенно «сотрудничает» с ними. Тем самым миротворцы, применяя армейские средства способствуют достижению целей организаторов бунта. Имеется еще несколько значимых последствий, среди которых наиболее важной нам представляется психологическая перестройка личности. Люди, так или иначе участвовавшие в войне, становятся ограниченно годными к мирной жизни. В Сирии, например, это большая часть населения страны, а это означает, что последствия войны будут сказываться десятилетиями.

Несложно представить, что подобная ситуация с низкой эффективностью войск может сложиться в любой стране, даже в США, которые многие столетия стараются переносить конфликты на другие континенты. Наши антагонисты это понимают, явно стараясь подавлять протесты населения до перехода их в стадию организованного сопротивления, осуществляя политику превентивного государственного терроризма.

Отслеживая БДГ, разворачивающихся в различных регионах, мы обратили внимание на то, что развитие тактики БДГ идет, но в большинстве случаев оно отстает от динамичных изменений

в действиях инсургентов и привязано к старым образцам вооружений.

В то же время следует заметить, что в XXI веке началась новая эра – эра эффективного применения новых средств поражения, т.н. «оружия нелетального действия» (ОНД). С их применением противник временно выводится из строя без разрушения зданий, коммуникаций и производств.

Об этом военные мечтали давно, однако технологии не позволяли достигать столь благородной цели. Но уже со времени контртеррористической операции (КТО) по ликвидации боевиков, захвативших зрителей мюзикла «Норд-Ост» в Доме культуры на Дубровке в Москве, мы можем говорить о начале новой эры – масштабного и эффективного применения ОНД.

Судя по публикациям в СМИ и некоторым косвенным данным, ряд стран разрабатывает способы эффективного применения новых видов ОНД и средств психологического воздействия.

Так, Израиль применял против оборонявшихся в мечети палестинцев «ультразвуковые пушки». Звуковые пушки применяются также против демонстрантов. Развиваются иные виды ОНД. Требование их эффективного применения предполагает отработку новых приемов тактики и оперативного искусства, создания особых методологий и способов применения рамках основных сценариев. При этом требованиями секретности, разумеется, должны быть обусловлены ограничения в распространении этих разработок. Из этого следует, что на данном этапе целесообразно создание отдельной специализированной части, боевая деятельность которой должна быть подчинена методическому руководству соответствующей кафедры.

Таким образом, особенности городского ландшафта формируют специфические черты тактики городского боя и требуют специальной подготовки не только отдельных штурмовых групп (ШГ) и отрядов (ШО) [1], но и определенной перестройки структуры воинских частей, создания новых видов оружия и средств поражения противника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Набиев Р.Ф. Из нашей почты // Военная мысль. 1990. № 5. С. 79.

УДК 37.043

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КУРСАНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗОВ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ

Ф.Р. Хисамутдинов.

Д.Р. Марданов.

В статье дается краткий анализ основных требований, предъявляемым к профессионализму полицейского, проектированию образовательной технологии, которые способны обеспечить оптимальное сочетание теории и практики в учебной деятельности, усиление практической направленности обучения, предусматривающей возможность проведения дополнительной практики курсантов во внеучебное время.

Ключевые слова: педагогические технологии, технология обучения, технологический процесс, профессионализм полицейского, профессиональная компетентность, профессиональная деятельность, оптимальное сочетание теории и практики в учебной деятельности, принципы проектирования образовательных технологий, дополнительная практика курсантов юридических вузов МВД РФ.

Служба в полиции является одной из сложных профессий современного общества, так как требует от ее субъекта способности с высокой эффективностью решать профессиональные задачи в экстремальных условиях, связанных с риском для жизни, ограниченным временем на принятие решения, высочайшим уровнем ответственности как за свои действия, так и за действия подчиненных. Все это требует от каждого сотрудника высокого профессионализма, владения психологической структурой профессиональной деятельности, особой профессиональной мотивацией, ценностных ориентаций, понимания высокого смысла правоохранительной деятельности.

В последнее время интерес к проблеме профессионализма полицейского значительно вырос. Исследование данной проблемы требует системно-деятельного подхода, предполагающего всесторонний анализ сложного и многогранного процесса профессиональной деятельности, рассмотрения всей совокупности элементов этого процесса в их взаимосвязи и взаимозависимости.

Действительно, профессионализм формируется на основе многих компонентов профессиональной компетентности. Наряду с развитием общекультурных компетенций в профессиональной деятельности, особую важность приобретают профессиональные компетенции полицейских, которые определяют необходимую подготовку в

области правотворческой, правоприменительной, экспертно-консультационной, правоохранительной, организационно-управленческой, научно-исследовательской, педагогической деятельности.

В федеральных государственных образовательных стандартах подготовки курсантов юридических вузов определяется, что полицейский должен обладать способностью разрабатывать нормативные правовые акты и участвовать в разработке их в соответствии с профилем своей деятельности, правильно оформлять юридические и служебные документы, квалифицированно толковать нормативные правовые акты, давать квалифицированные юридические заключения и консультации, в том числе в целях недопущения в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции, соблюдать в профессиональной деятельности требования правовых актов в области защиты государственной тайны и информационной безопасности, обеспечения режима секретности, анализировать правоприменительную и правоохранительную практику, научную информацию, отечественный и зарубежный опыт правоохранительной деятельности.

Специалист также должен обладать способностью к логическому мышлению, анализу, систематизации, обобщению, критическому осмыслению информации, постановке исследовательских задач и

Хисамутдинов Фарид Равилевич, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Казанского юридического института МВД России по учебной работе
тел.: (843) 277 83 82

Марданов Дамир Рустамович, кандидат педагогических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России
тел.: 8 917 255 57 06

© Хисамутдинов Ф.Р., 2016

© Марданов Д.Р., 2016

Статья получена: 04.05.2016

выбору путей их решения (см. приказ Министерства образования и науки РФ от 14 января 2011 г. № 20 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 400502 (031001 Правоохранительная деятельность [квалификация (степень) «специалист»]); приказ Министерства образования и науки РФ от 17 января 2011 г. № 39 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 400501 (030901 Правовое обеспечение национальной безопасности [квалификация (степень) «специалист»])).

В связи с достаточно широкой сферой деятельности сотрудников системы МВД РФ необходим комплексный подход к процессу формирования профессионально-специализированной компетенции курсантов, затрагивающий все важные аспекты как образовательной, так и практико-профессиональной деятельности специалистов системы МВД РФ.

Подготовка профессионалов, соответствующих требованиям современной правоохранительной деятельности, требует дополнительного углубленного изучения ряда дисциплин юридического профиля, введения дополнительных специальных курсов подготовки, разработки новых педагогических технологий, научного подхода и оптимизации учебного процесса, оптимального распределения времени, отведенного на изучение дисциплин, в том числе оптимальной организации самостоятельной подготовки, а также усиления практической направленности обучения. Это связано с тем, что развитие способностей в учебной деятельности проходит эффективнее, если будет достигаться оптимальное сочетание теории и практики в учебной деятельности. Реализация этого принципа осуществляется на основе следующих положений:

- сочетания теории и практики, на основе понимания и применения диалектики: от эмпирических наблюдений – к теоретическим обобщениям и от них – к практике;
- логики учебной деятельности, зависящей от

содержания учебного материала, технологии обучения, возрастных и индивидуальных возможностей курсантов;

- системы учебных, творческих задач, проблемных заданий, обеспечивающих главный принцип: сочетания теории и практики [1, с. 161].

Практическая направленность обучения не может быть реализована без общения курсантов с практическими работниками, без предоставления возможности курсантам наблюдать за производством практических действий сотрудников ОВД вне зависимости от направлений их специализации. Возникает необходимость получения дополнительных практических навыков курсантов юридических вузов системы МВД. Однако сокращается количество практик в течение процесса обучения курсантов в подразделениях органов внутренних дел и уменьшается время на получение практических навыков и умений в территориальных подразделениях МВД России.

Поэтому в системе юридических вузов МВД России в процессе обучения необходимо в рамках усиления практической направленности обучения предусмотреть возможность проведения дополнительной практики курсантов во внеучебное время, что позволит более эффективно формировать общекультурные, профессиональные, профессионально-специализированные компетенции. Только сплав теоретического обучения и практической его составляющей может стать основой для получения курсантами высококачественного юридического образования в системе МВД.

Профессионализм сотрудника системы органов внутренних дел вызывает много суждений различного смысла: от непризнания его у специалистов системы МВД до признания высокой квалификации при выполнении служебных, профессиональных обязанностей [2, с. 168–171].

Но сегодня необходимо научное обоснование сущности проявления, формирования профессионализма специалистов системы МВД в единстве теоретической и практической направленности в профессиональной подготовке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев В.И. Педагогика высшей школы. Инновационно-прогностический курс: учебное пособие. Казань: Центр инновационных технологий, 2005.
2. Марданов Д.Р., Богоудинова Р.З. Эволюция технологий обучения в системе высшего образования // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. № 2.

УДК 378.147

Н.В. Быхина .

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИКЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ И В МЕТОДИКЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

В статье проведен анализ педагогической и методической литературы, позволивший определить степень изученности понятий «межкультурная коммуникация» и «межкультурная коммуникативная компетенция» и выделить направления, представляющие наибольший интерес для дальнейшего исследования проблемы межкультурной коммуникативной компетенции; представлен обзор работ, посвященных формированию языковой личности, вторичной языковой личности в процессе изучения иностранного языка.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; межкультурная коммуникативная компетенция; иностранный язык; языковая личность; обучающийся.

Стремительное изменение социальной жизни нашей страны, интеграция отечественного высшего профессионального образования в международное образовательное пространство сделали языки реальным средством разных видов межкультурного общения, повысили значимость иноязычных знаний для будущего специалиста.

Происходящие в обществе изменения (нарастающая глобализация, укрепление социальных и экономических взаимосвязей, совершенствование информационно-коммуникационных технологий, интенсификация межкультурной и межъязыковой коммуникации и др.) влекут за собой упрочение и развитие интеллектуального потенциала молодого поколения и определяют насущную необходимость в подготовке будущих специалистов, компетентных в сфере профессиональной деятельности. П.Г. Щедровицкий назвал наступивший век веком «мультикультурного диалога» [1].

В настоящее время в современном обществе особое внимание уделяется вопросам межкультурной и языковой коммуникации. Появляется новое осмысление и толкование термина коммуникация, распространяются новые средства коммуникации наряду с ранее существовавшими, способные вовлекать в процесс общения более широкую аудиторию. Наблюдается парадигмальный сдвиг профессионального образования от содержательно-предметной парадигмы к новой ориентации на готовность и способность личности к эффективной жизнедеятельности в широком поле различных контекстов и смыслов. Становится все более востребованным само жизнетворчество личности,

которое характеризуется четырьмя фундаментальными целями образования: уметь жить, уметь работать, уметь жить вместе, уметь учиться. Личность призвана научиться жить вместе с другими в условиях глобализации, поликультурности, в ладу с иными культурами, типами жизни, нациями, этносами, конфессиями [2, с. 72–84].

Востребованность межкультурной коммуникации обусловила необходимость формирования межкультурной коммуникативной компетенции будущих специалистов, которая предполагает не только получение лингвокультурологических знаний, но и формирование мотивационной готовности к межкультурному диалогу.

Межкультурный диалог нельзя рассматривать без сформированности определенного набора компетенций, особенно межкультурной коммуникативной компетенции, которая входит в комплекс профессиональных компетенций специалистов и определяется многими исследователями как совокупность знаний, умений, способов и опыта деятельности построения и понимания высказываний в коммуникативных ситуациях.

Анализ педагогической и методической литературы позволяет сделать вывод о том, что проблемы в области межкультурного обучения, формирования межкультурной коммуникации у обучающихся различного профиля изучены и освещены в научных трудах В.Г. Апалькова, Т.М. Балыхиной, Н.Д. Гальсковой, Т.Г. Грушевицкой, Г.В. Елизаровой, А.В. Кирьяковой, Н.Е. Козыревой, О. Леонтовича, С.В. Масловской, Л.П. Павловой, М.В. Плехановой, Л.Ф. Свойки-

Быхина Наталья Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина

e-mail: segodinababich@mail.ru

© Быхина Н.В., 2016

Статья получена: 13.10.2015

ной, Ю.А. Синициной и др. Исследования проблемы межкультурной коммуникации учеными С.М. Каргапольцевой, А.В. Кирьяковой, С.В. Масловой, посвященные изучению взаимосвязи культуры и ценностных ориентаций, позволяют по-новому взглянуть на средства формирования межкультурной компетенции.

В теоретических трудах отечественных лингвистов и методистов (Г.В. Белая, В.А. Конев, Л.И. Корнеева, Р.П. Мильруд, А.П. Панфилова, Е.И. Пассов, А.П. Садохин, В.В. Сафонова, С.Г. Тер-Минасова, А.Н. Утехина, И.И. Халеева и др.) рассматриваются проблемы в области межкультурного обучения, формирования межкультурной и языковой коммуникации, деловой межкультурной коммуникации, изучаются культура и культурные различия.

Исследование проблемы формирования межкультурной коммуникативной компетенции с позиции психологических аспектов общения можно наблюдать в работах А.А. Бодалева, Л.С. Выготского, Б.Ф. Ломова, Б.Д. Парыгина, С.Л. Рубинштейна.

Возможности иностранного языка в формировании различных аспектов межкультурной коммуникативной компетенции определены в работах А.П. Бердичевского, И.Л. Бим, Н.Н. Васильевой, А.В. Вартанова, С.В. Муреевой, П.В. Сысоева, В.В. Сафоновой.

Проблеме диалога в образовании посвящены работы М.М. Бахтина, В.С. Библера, Е.В. Бондаревской, Е.О. Галицких, А.Г. Здравомыслова, М.С. Кагана, Е.И. Казаковой, М.В. Кларина и др.

Зарубежные ученые (М. Bennet, G. Ellis, A.E. Fantini, G. Fischer, E. Jung, K. Knapp, M. Knight, A. Moosmüller, T.O. Rogers, Y. Sarkees, G. Triandis и др.) в своих работах исследуют специфику процесса формирования межкультурной компетенции, проблему межличностного взаимодействия в рамках родной и иноязычной культур.

Однако, несмотря на большое количество научных исследований, посвященных проблеме межкультурной коммуникации, единое определение данного понятия в современной педагогике высшей школы и в методике обучения иностранным языкам отсутствует. Ученые подходят к описанию термина «межкультурная коммуникация» по-разному. Рассмотрим описание вышеуказанного термина в трудах российских ученых-исследователей.

Термин «межкультурная коммуникация» в известной степени соотносится с понятием «диалог культур». Определение межкультурной коммуникации очевидно из самого термина: это общение людей, представляющих разные культуры.

В работе Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова «Язык и культура» межкультурная коммуникация

описывается как адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам [3].

Наиболее исчерпывающий анализ этого явления, на наш взгляд, представлен в трудах В.С. Библера, который пишет о грядущем новом всеобщем социуме культуры – особой, в чем-то близкой к полисной социальности форме свободного общения людей в силовом поле культуры, диалоге культур [4].

В своих трудах В.В. Сафонова подчеркивает значение иностранного языка в межкультурной коммуникации и предлагает следующее толкование данного понятия: «Межкультурное общение (коммуникация) – это функционально обусловленное коммуникативное взаимодействие людей, которые выступают носителями разных культурных сообществ в силу осознания ими или другими людьми их принадлежности к разным геополитическим, континентальным, региональным, религиозным, национальным и этническим сообществам, а также социальным субкультурам» [5, с. 22].

Т.Н. Перскова подразумевает под «межкультурной коммуникацией» культурно обусловленный процесс, все составляющие которого находятся в тесной связи с культурной (национальной) принадлежностью участников процесса коммуникации [6, с. 35–65].

По определению Т.Б. Фрик, «межкультурная коммуникация – это общение людей, которые представляют разные культуры» [7].

В зависимости от толкования понятий «культура» и «коммуникация», термин «межкультурная коммуникация» может употребляться, по мнению Ж.А. Коротких, «как для описания общения между представителями разных национальных культур, так и общения между представителями субкультур внутри одной и той же национальной культуры» [8, с. 167].

Изучение проблем межкультурной коммуникации, по словам О.А. Леонтович, предполагает знакомство со следующими явлениями и понятиями: принципами коммуникации, основными функциями культуры, влиянием культуры на восприятие и коммуникацию в ее различных сферах и видах, параметрами для описания влияния культуры на человеческую деятельность и развитие общества [9, с. 73].

Сегодня в научной психолого-педагогической и методической литературе проиллюстрировано многообразие определений понятия «межкультурная коммуникация», но в представленных работах термины имеют как не совпадающие толкования, так и схожие характеристики, а именно: считается, что межкультурная коммуникация рассматривает принадлежность коммуникантов к

разным культурам, изучает различие в языках.

По мнению многих ученых, достижению взаимопонимания в процессе межкультурной коммуникации способствует межкультурная компетенция. В толковании данного понятия отечественные и зарубежные ученые-исследователи в своих научных трудах также не приходят к единому мнению. Одни исследователи рассматривают «межкультурную компетенцию» как способность людей разного пола и возраста мирно и без взаимной дискриминации существовать в одном обществе, другие – как способность участвовать в чужой до этого культуре, третьи – как идентичность, интегрирующую знания и образцы поведения, в основе которых лежат принципы плюрализма мышления и осознания историчности культурных процессов. Несмотря на имеющиеся разногласия в определении понятия «межкультурная компетенция», ученые-исследователи единогласно указывают на ее образовательную ценность.

В процессе формирования межкультурной компетенции обучающиеся знакомятся с культурами стран изучаемого языка; усваивают модели поведения носителей иноязычной культуры; усваивают материал, который демонстрирует функционирование языка в естественной среде, речевое и неречевое поведение носителей языка в разных ситуациях общения и раскрывают особенности поведения, связанные с народными обычаями, традициями, социальной структурой общества, этнической принадлежностью. Прежде всего, это происходит с помощью аутентичных материалов (оригинальных текстов, аудиозаписи, видеofilмов), которые являются нормативными с точки зрения языкового оформления и содержат лингвострановедческую информацию [2, с.72–84].

Таким образом, межкультурное обучение направлено на формирование у обучающихся, наряду с коммуникативной, также и межкультурной компетенции, которая способствует формированию вторичной языковой личности и полноценному участию в межкультурном диалоге.

В настоящий момент имеется много научных трудов, посвященных анализу национального компонента языковой личности, среди них работы Ю.Е. Прохорова и Ю.Н. Караулова. В социолингвистическом аспекте языковая личность исследуется в работах Л.П. Крысина, Л.Т. Рытниковой. В коммуникативно-деятельностном аспекте языковая личность изучается в работах Т.К. Донской, И.Б. Игнатова и др. [10].

Научные представления о языковой личности разрабатываются на филологическом (Н.Д. Арутюнова, Ю.Н. Караулов, Р.М. Фрумкина) и психолингвистическом уровне (И.А. Зимняя, А.А. Леон-

тьев, Л.А. Хараева), а также в области методики обучения иностранным языкам (Р.П. Мильруд, Т.А. Барановская, И.И. Халеева, Т.К. Цветкова) [11].

Наиболее полное и систематическое обоснование понятия «языковая личность» представлено в работах Ю.Н. Караулова, который выделяет три уровня языковой личности: вербально-семантический (нулевой); логико-когнитивный (первый); деятельностно-коммуникативный (второй).

По словам Ю.Н. Караулова, собственно языковая личность начинается не с нулевого уровня, а с первого, на котором оказывается возможным индивидуальный выбор, личностное предпочтение одного понятия другому. На втором уровне языковая личность сливается с социальной. Рассматривая отдельные аспекты языковой личности, представляющие интерес для методической науки, ученый отмечает, что предметом интереса методиста являются: на нулевом уровне – формирование автоматизированных навыков использования типовых конструкций; на первом – проблема развертывания текста по темам и семантическим полям, а также сжатие исходного текста до «проблемы»; на втором – соответствие языковых средств коммуникативным условиям их использования [12, с. 216–223].

Что касается модели вторичной языковой личности, то совершенно очевидно, что она, базируясь на разработанной Ю.Н. Карауловым концепции языковой личности, в большей степени адекватна межкультурной коммуникации, точнее, способности человека к общению на межкультурном уровне. Данная способность складывается из овладения вербально-семантическим кодом изучаемого языка, т.е. «языковой картиной мира» носителей этого языка (формирование вторичного языкового сознания) «глобальной (концептуальной) картиной мира», позволяющей человеку понять новую для него социальную действительность [12].

Очевидна также тесная связь взаимозависимость преподавания иностранных языков и межкультурной коммуникации. Каждое занятие иностранного языка – это практика межкультурной коммуникации, потому что каждое иностранное слово отражает иностранный мир и иностранную культуру.

Безусловно, формирование вторичной языковой личности в процессе изучения иностранного языка происходит в рамках межкультурной парадигмы, предполагающей коммуникативное, социокультурное и когнитивное развитие обучающихся. В рамках данной парадигмы, по мнению Н.Д. Гальсковой, важна попытка превращения многообразия языков и культур из фактора, препятствующего диалогу представителей разных лингвистических социумов, в средство взаимопонимания и взаимообогащения культур [13, с. 55].

Как отмечает G. Neuer, «основополагающим способом межкультурного обучения иностранным языкам является метод сравнения элементов, структур различных культур и языков, установление между ними сходств и различий» [14, с. 117]. При этом основной целью обучения иностранным языкам является формирование межкультурной коммуникативной компетенции как показателя способности обучающегося принимать участие в межкультурной коммуникации.

Модель вторичной языковой личности позволяет раскрыть природу и условия реализации личностно развивающих возможностей процесса обучения иностранным языкам. Обучение иностранным языкам в контексте диалога культур рассматривается как существенный фактор личностного развития обучающихся. Изучение иностранного языка в первую очередь должно сопровождаться изучением соответствующей культуры с включением обучающихся в процесс коммуникации в результате расширения границ их индивидуального опыта межкультурного общения.

Таким образом, межкультурная коммуникативная компетенция – важная составляющая современной теории и методики обучения иностранным языкам, которая диктует необходимость поиска новых психолого-педагогических и методических решений, направленных на предоставление обучающимся возможности участвовать в межкультурном общении.

Что же касается межкультурной коммуникативной компетенции как самостоятельного и целостного явления в общей профессиональной компетентности специалиста, то степень научной разработанности различных аспектов и сторон данной проблемы связана с недостаточными наработками как в отечественных, так и зарубежных педагогических исследованиях. Остановимся подробнее на проблеме межкультурной коммуникации в зарубежной педагогической и методической литературе.

Проблемы межкультурной коммуникации, выявления межкультурных различий начали широко разрабатываться западными теоретиками межкультурной коммуникативной компетенции: Дж. Берри, Р.В. Брислином, Я. Кимом, Р. Оливером, А. Смитом, Д. Трагером, Г.С. Триандисом, Э. Холлом и др.

В зарубежной методической литературе (в работах Agar M., Barro A., Bennet M.J., Canale M., Bowman B., Byram M., Byrne D., Burkart G., Levinson S., Micheline R., Moosmüller A., Roberts C, Seeley N., Swain M., Van Ek J.A., Wright A. и других ученых) рассматривается термин «межкультурная компетенция».

Так, А. Moosmüller определяет межкультурную

компетенцию как комплекс социальных навыков и способностей специалиста, при помощи которых он может успешно осуществлять общение с партнерами из других культур в бытовом, а также в профессиональном контекстах [15, с. 271].

Следует отметить, что исследования вышеуказанных авторов способствуют расширению представлений о межкультурной коммуникативной компетенции.

В научных трудах М.Ю. Ефремовой, Р. Оклей, И.Ч. Шушкевича и др. представлен опыт деятельности правоохранительных ведомств зарубежных стран по разработке концепций взаимодействия полиции с представителями различных национальных культур. Проблема толерантности в деятельности органов внутренних дел исследуется в работах Ж. Брука, Ж. Перена и др.

В настоящее время существует достаточная научная база для рассмотрения проблемы формирования межкультурной коммуникативной компетенции как нового подхода в решении образовательных задач по дисциплине «Иностранный язык», но анализ педагогической и методической литературы указывает на то, что в недостаточной степени разработанными являются вопросы формирования межкультурной коммуникативной компетенции обучающихся в образовательных организациях МВД России, а следовательно, очевидными становятся противоречия между:

- потребностью современного общества в специалистах, готовых к межкультурному диалогу в условиях мирового поликультурного пространства, и недостаточной сформированностью межкультурной коммуникативной компетенции у выпускников образовательных организаций МВД России;

- потребностью обучающихся образовательных организаций МВД России в достаточно высоком уровне сформированности межкультурной коммуникативной компетенции и применением в образовательной практике традиционных педагогических технологий обучения;

- потребностью обучающихся образовательных организаций МВД России в межкультурной коммуникации и ограниченностью условий применения иноязычных знаний в языковой среде образовательных организаций;

- потребностью в научно-методическом обеспечении процесса формирования межкультурной коммуникативной компетенции обучающихся образовательных организаций МВД России и их недостаточной разработанностью в педагогической науке.

Разработка педагогической технологии формирования межкультурной коммуникативной компетенции обучающихся образовательных ор-

ганизаций МВД России поможет дать необходимый ответ на вопрос о разрешении актуальной задачи обучения иностранным языкам как средству межкультурной коммуникации, а также позволит эффективно организовать процесс изучения иностранного языка в неразрывном единстве с миром и культурой народа, говорящего на этом языке.

Научить устному и письменному общению на иностранном языке – это непростая задача, так как общение – не только вербальный процесс. Эффективность любой коммуникации зависит от множества факторов: условий и культуры общения, правил этикета, знания невербальных форм выражения и наличия иных знаний.

Становясь участниками межкультурного диалога в сфере своих профессиональных интересов, специалисты взаимодействуют с коллегами – представителями других культур, имеющих значительные отличия друг от друга – в языковых нормах, поведенческих нормах и другом – это создает языковой барьер, затормаживает, а иногда делает невозможным процесс профессиональной коммуникации. Однако преодоление лишь языкового барьера не является решением проблемы обеспечения эффективности межкультурного общения между представителями разных культур. Барьер культурный может затруднить процесс межкультурного общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Щедровицкий П.Г. Кто и что стоит за доктриной русского мира. URL: <http://ezotera.narod.ru/2001/shedrovickij-01.htm>
2. Свиридон Р.А. Формирование межкультурной компетенции будущего специалиста в области мировой экономики средствами делового английского языка: сборник научных трудов II международной летней школы для молодых исследователей «Инновационные образовательные технологии в преподавании иностранных языков». Томск: Изд-во ТГПУ, 2005.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Рус. яз., 1990. 245 с.
4. Пономаренко Л.Н. Формирование дискурсивной компетенции у студентов педагогических специальностей в процессе межкультурного диалога: автореф. дис. ... канд. псих. наук. Киров, 2008.
5. Сафонова В.В. Социокультурный подход к обучению иностранному языку как специальности: автореф. дис. ... док. пед. наук. М., 1992.
6. Персикова. Т.Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура: учебное пособие. М.: Логос, 2007.
7. Фрик Т.Б. Основы теории межкультурной коммуникации: учебное пособие. Томск: Томский политехнический университет, 2013.
8. Коротких Ж.А. Функциональная языковая компетенция в контексте межкультурной коммуникации// Проблемы межкультурной коммуникации в современном образовательном пространстве: материалы международной научно-практической конференции. Тобольск, 2003.
9. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. Волгоград: Перемена, 2002.
10. Андреева С. Формирование коммуникативной культуры «вторичной» языковой личности иностранных студентов-филологов в процессе обучения русскому языку: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2004.
11. Плехов А. Психологические условия развития вторичной языковой личности преподавателя-лингвиста: автореф. дис. ... канд. псих. наук. **Н.Новгород**, 2007.
12. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2007. С. 216 –223.
13. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. М.: Академия, 2006.
14. Neuner G., Hunfeld H. Methoden des fremdsprachlichen Deutschunterrichts. Eine Einfuhrung. Fernstudieneinheit 4. Berlin; Munchen; Wien; Zurich; New York. 2007.
15. Moosmüller A. Interkulturelle Kompetenz und interkulturelle Kenntnisse // In: Roth K.: Mit der Differenz leben. Europäische Ethnologie und Interkulturelle Kommunikation. München Verlag, 1996. P. 217–290.

УДК 378

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ

Г.Р. Хуснетдинов.

Е.Н. Карпов

Раскрываются юридико-педагогические проблемы совершенствования профессиональной служебной огневой подготовки сотрудников полиции на основе эмпирических данных применения такой меры государственного принуждения в Республике Татарстан в 2011–2014 годах, формируются задачи необходимого последующего исследования на федеральном уровне.

Ключевые слова: применение огнестрельного оружия сотрудниками полиции, огневая подготовка, индекс применяемости огнестрельного оружия, проблемы применения огнестрельного оружия, совершенствование профессиональной служебной огневой подготовки сотрудников полиции.

Рассматриваемая тема на современном этапе особенно актуальна не только потому, что огнестрельное оружие приводит к самым тяжелым, порой необратимым последствиям, но и в связи со вступлением в силу с 1 марта 2011 года Федерального закона «О полиции». По указанной проблематике в 2014 году по результатам теоретико-практического исследования на основе собранного в Республике Татарстан [1] (далее – РТ) эмпирического материала, сделаны определенные обобщения и выводы.

Заслуживает внимания отрадный факт, что в 2011–2014 годах сотрудники полиции ОВД на территории Республики Татарстан, в рамках ФЗ «О полиции» применяли огнестрельное оружие 84 раза и в каждом случае исключительно правомерно.

За указанный период не зафиксированы случаи применения огнестрельного оружия при самостоятельном несении службы сотрудниками ОВД, не являющимися сотрудниками полиции (сотрудниками юстиции и внутренней службы, на которых приказом руководителя ОВД возложено выполнение обязанностей полиции). Изучению подвергались только факты применения огнестрельного оружия вне зданий ОВД, тиров и стрельбищ. Анализ проблем неосторожного обращения и нарушения мер безопасности (в т.ч. при разряжении оружия) не проводился. В рассматриваемую статистику не входят случаи применения

огнестрельного оружия наркополицейскими (сотрудниками УФСНК России по РТ).

В 2011 году сотрудники полиции в РТ применяли огнестрельное оружие 20 раз, из них 3 раза в городе Казани и 1 в городе Альметьевске, 15 случаев – в муниципальных районах республики. Среди оснований были такие, как пп. 2, 5, 6 ч. 1 ст. 23 и пп. 1, 2, 4 ч. 3 ст. 23 ФЗ «О полиции». Один из них по п. 2 ч. 2 ст. 15 Закона РФ «О милиции».

В 2012 году сотрудники полиции в РТ применяли огнестрельное оружие 19 раз. Три из них – в городе Казани и по одному случаю в городах Нижнекамске и Зеленодольске. Остальные случаи зафиксированы в районах республики. Среди оснований были пп. 1, 2 ч. 1 ст. 23 и пп. 1, 2, 4 ч. 3 ст. 23 ФЗ «О полиции».

В 2013 году, осложненном периодом подготовки и проведения XXVII Всемирной летней Универсиады, проходившей в Казани, огнестрельное оружие сотрудниками полиции на территории Татарстана было применено 25 раз. В городе Казани оружие было применено 2 раза, остальные случаи были зафиксированы в иных городах и районах республики. Среди оснований применения оружия были пп. 1, 6 ч. 1 и пп. 1, 2, 4 ч. 3 ст. 23 ФЗ «О полиции».

В 2014 году огнестрельное оружие сотрудниками полиции на территории Татарстана было применено в 20 случаях. В городе Казани оружие было применено 3 раза, остальные случаи были зафик-

Хуснетдинов Газинур Рустямович, кандидат технических наук, доцент кафедры тактико-специальной и огневой подготовки Казанского юридического института МВД России
тел.: 8 927 241 44 18

Карпов Евгений Николаевич, старший преподаватель кафедры тактико-специальной и огневой подготовки Казанского юридического института МВД России
тел.: 8 917 395 84 10

© Хуснетдинов Г.Р., 2016

© Карпов Е.Н., 2016

Статья получена: 11.01.2016

сированы в иных городах и районах республики.

Статистика свидетельствует, что большинство произошедших случаев применения огнестрельного оружия приходится на долю сотрудников территориальных ОВД районного и межмуниципального уровня, преимущественно сельской местности (за 4 года в городах РТ оружие применялось 24 против 60 раз в сельской местности). Отмечены случаи применения огнестрельного оружия в сельской местности сотрудниками «городских» межмуниципальных ОВД, обслуживающих помимо города прилегающий к нему муниципальный район, которые в статистике как «сельские» случаи применения не учтены. Т.е., общее количество применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции в сельской местности несколько выше. Это связано с ограничением применения огнестрельного оружия при значительном скоплении людей (преимущественно в городской среде). В сельской местности применять огнестрельное оружие безопаснее для оказавшихся рядом случайных лиц.

В этих условиях всестороннему обеспечению профессиональной служебной огневой подготовки, своевременному снабжению боеприпасами, инженерно-техническому обустройству тиров (стрельбищ), соблюдению периодичности и качества методического обеспечения учебных стрельб в «сельских» и «сельско-городских» ОВД необходимо уделять самое пристальное внимание. Особенностью «городских» ОВД является потребность во внимании к применению огнестрельного оружия в условиях, осложненных отвлекающими факторами, посторонними лицами, условиями ограниченной видимости и др.

После развития у сотрудников полиции базовых навыков применения огнестрельного оружия – общей профессионально-специализированной ком-

петентности к применению огнестрельного оружия – необходимо развивать узкие правоохранительно-ситуационные профессионально-специализированные компетенции (далее – ПСПСК) его применения. Развивать такие ПСПСК необходимо при помощи новейших учебно-методических средств [2].

В динамике отмечается рост фактов применения оружия сотрудниками уголовного розыска и участковыми уполномоченными полиции. Это может быть связано с проведенной в последние годы в ОВД РТ работой, направленной на увеличение количества сотрудников полиции, за которыми, с соблюдением установленных в МВД России правил, служебное огнестрельное оружие закреплено для постоянного ношения (См.: 1. Пункты 1.1.2, 1.17 и 1.18.15 протокола совещания МВД по Республике Татарстан (в режиме видеоконференции) от 27 августа 2012 года; 2. Пункт 5.2 протокола совещания МВД по Республике Татарстан (в режиме видеоконференции) от 10 сентября 2012 года; 3. Пункт 2.10 протокола совещания МВД по Республике Татарстан от 19 октября 2012 года).

Следует заметить, что проведенный анализ применения огнестрельного оружия сотрудниками ГИБДД, уголовного розыска и участковыми уполномоченными полиции показал высокую эффективность его применения – почти во всех случаях результатом его применения становилось задержание подозреваемого или устранение угрозы жизни и здоровью. Кроме того, нельзя не заметить явно низкую активность в применении огнестрельного оружия у сотрудников патрульно-постовой службы полиции. Данный факт может быть основан на более низкой (по сравнению с экипажами ДПС и ОВО) мобильности транспортных средств ППС, а также свидетельствовать о недостаточной профессионально-специализи-

Распределение фактов применения огнестрельного оружия по должностным категориям и структурно-функциональным подразделениям:

Подразделение	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	За 4 года
ДПС ГИБДД	4	4	4	4	16
ППС	1	1	1	2	5
ОВО	2	3	3	4	12
ОУР	4	4	6	2	16
УУП	4	2	9	3	18
ДЧ	1	0	0	0	1
ИВС	1	0	0	0	1
Иные подразделения для ОРМ (кроме ОУР)	0	0	0	0	0
Следствие и дознание	0	0	0	0	0
Специальные подразделения	0	0	0	2	2
Конвой	0	0	0	0	0
Иные службы (руководители)	3	5	2	3	13
Итого	20	19	25	20	84

Факты в применении огнестрельного оружия в течение календарного года

Время года	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	За 4 года
I квартал	5	3	5	2	15
II квартал	5	7	7	3	22
III квартал	5	5	9	11	30
IV квартал	5	4	4	4	17
Итого	20	19	25	20	84

рованной компетентности сотрудников данной службы к применению огнестрельного оружия.

В связи с этим учет распределения фактов применения огнестрельного оружия по должностным категориям при обучении огневой подготовке в ходе профессионального (первоначального) обучения и дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) сотрудников данных категорий в образовательных организациях МВД России, а также в служебной огневой подготовке непосредственно в ОВД является одним из педагогических условий формирования, развития и закрепления правоохранительной профессионально-специализированной компетентности сотрудников ОВД к применению оружия при несении службы в осложненных условиях.

При формировании, развитии и закреплении указанной правоохранительной профессионально-специализированной компетенции к применению огнестрельного оружия у сотрудников полиции на современном этапе имеются ряд проблемных вопросов, которые подлежат отдельному детальному изучению и в рамках данного исследования будут лишь кратко обозначены. Порой это неудовлетворительная материальная база (или её полное отсутствие) для проведения практических стрельб в территориальных ОВД районного и межмуниципального уровня, сотрудникам которых чаще всего приходится применять огнестрельное оружие. А также ряд других современных проблем профессиональной служебной огневой подготовки в МВД России.

Основываясь на указанных выше данных статистики, можно сделать обоснованное предположение, что оперативная обстановка, периодичность и интенсивность несения службы с оружием, доступность и быстрота его извлечения в критической ситуации, а также количество предметов одежды на сотруднике полиции прямо влияют не только на количество, но и на результативность его применения. В период подготовки к несению службы с оружием, инструктажа (самоподготовки) по мерам безопасности, повторению правовых оснований и порядка его применения, а также при непосредственном контакте с оружием при несении службы у сотрудников полиции закрепляется не только психологическая готовность, но и в целом правоохранительная профессионально-спе-

циализированная компетентность к применению огнестрельного оружия в экстремальных условиях службы, связанной с риском для жизни.

В исследуемый период из 84 случаев по четырем «небоевым» основаниям применения огнестрельного оружия, предусмотренным в ч.3 ст.23 ФЗ «О полиции», оно применялось 69 раз: 13, 17, 23 и 16 раз в 2011, 2012, 2013 и 2014 годах соответственно. Самыми распространенными основаниями среди них стали:

- 33 случая (7, 9, 10 и 7 в 2011, 2012, 2013 и 2014 годах соответственно) по п. 1 ч. 3 ст. 23 ФЗ «О полиции» (для остановки транспортного средства путем его повреждения, если управляющее им лицо отказывается выполнить неоднократные требования сотрудника полиции об остановке и пытается скрыться, создавая угрозу жизни и здоровью граждан);
- 28 случаев (4, 5, 10 и 9 в 2011, 2012, 2013 и 2014 годах) по п. 4 ч. 3 ст. 23 ФЗ «О полиции» (для производства предупредительного выстрела, подачи сигнала тревоги или вызова помощи путем производства выстрела вверх или в ином безопасном направлении);
- 8 случаев (2, 3, 3 и 0 в 2011, 2012, 2013 и 2014 годах) по п.2 ч.3 ст.23 ФЗ «О полиции» (для обезвреживания животного, угрожающего жизни и здоровью граждан и/или сотрудника полиции).

Применению огнестрельного оружия по данным основаниям сотрудники российской полиции специально не обучаются. Контрольные упражнения и учебно-материальное обеспечение, моделирующие применение оружия в указанных самых распространенных основаниях, не разработаны и, соответственно, централизованно не применяются. Как правило, сотрудники российской полиции обучаются применять огнестрельное оружие в идеальных тактических условиях (длительный период психологической подготовки, хорошая освещенность, отсутствие посторонних лиц и препятствий на линии ведения огня, отсутствие фактора повышенной опасности, статичная «грудная» мишень, удобное расположение оружия, использование средств защиты слуха), которых на практике в том же идеальном виде не существует. Учебные занятия по огневой подготовке в тире не в полной мере формируют готовность сотрудников полиции к правомерно-

му применению огнестрельного оружия. В ходе практической деятельности сотрудников полиции условия применения огнестрельного оружия значительно отличаются от стрельбы в тире [3].

В динамике в исследуемые годы в Татарстане по семи «боевым» основаниям применения огнестрельного оружия, предусмотренным в ч. 1 ст. 23 ФЗ «О полиции», за 4 года оно применялось 15 раз: 7, 2, 2 и 4 раза в 2011, 2012, 2013 и 2014 годах соответственно. Данные статистики наглядно свидетельствуют о том, что количество фактов применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции непосредственно против правонарушителей (на поражение) в общей структуре невелико и составляет соответственно лишь 35%, 10%, 8% и 20%, т.е. в среднем 18%. Низкую долю фактов применения огнестрельного оружия по ч. 1 ст. 23 ФЗ «О полиции» необходимо актуализировать в федеральных масштабах, в случае подтверждения – установить значимые правоохранительные закономерности (в особенности, причины и возможные последствия).

Ранняя диагностика тенденции снижения фактов применения огнестрельного оружия на поражение может способствовать получению таких существенных негативных данных, как снижение уровня профессиональных навыков огневой подготовки, понижение психологической готовности сотрудников полиции к применению оружия на поражение, неуверенность в знаниях правовых основ и порядка применения огнестрельного оружия. Необходимо изучить современную федеральную судебную практику привлечения к ответственности сотрудников полиции за превышение и злоупотребление полномочиями при применении огнестрельного оружия. Если за предшествующие исследованию годы судебная практика против сотрудников полиции увеличивалась, то в данных негативных тенденциях в полном объеме проявляются недостатки профессиональной огневой подготовленности сотрудников полиции на современном этапе.

Кроме того, в российской практике имеются примеры, когда мнимые законными факты применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции, фактически являющиеся превышением полномочий, широко освещаются в СМИ и профессиональных интернет-блогах, создавая беспочвенную дискуссию о слабой правовой защищенности сотрудников полиции.

Большинству фактов применения огнестрельного оружия по ч. 1 ст. 23 ФЗ «О полиции» (в отношении правонарушителя) предшествовали предупредительные выстрелы, которые как самостоятельные факты применения огнестрельного оружия в статистике не учитывались, т.к. в таких

случаях за предупредительными выстрелами следовали выстрелы в сторону человека (на поражение).

В подавляющем числе случаев применения огнестрельного оружия для остановки транспортных средств они были остановлены, а управлявшие ими и пытающиеся скрыться лица – задержаны. По этому основанию из 33 случаев 18 раз оружие применяли сотрудники ГИБДД, 15 раз сотрудники ОУР, УУП, ОВО, ППСП, ДЧ и других служб.

Опасные животные обезвреживались, как правило, выстрелами в воздух, в сторону животных или по самим животным 8 раз (в 2014 году применение огнестрельного оружия по данному основанию не зафиксировано).

В рассматриваемый период в РТ *вооруженные сотрудники полиции при исполнении служебных обязанностей с применением огнестрельного оружия 24 раза защищая себя, отражали угрозы или попытки нападения*, некоторые из которых были сопряжены с насилием, опасным для их жизни или здоровья, угрозами применения такого насилия или попытками завладения огнестрельным оружием полиции. Из 24 таких посягательств 12 были пресечены предупредительным выстрелом в безопасное направление. Таким образом, 12 нападавшим были сохранены их здоровье или даже жизнь. В этих случаях для прекращения противоправных посягательств в рамках исполнения принципа минимизации причиняемого вреда хватало «предупредительной» демонстрации намерений – в случае необходимости применить оружие на поражение.

Фактов применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции *для защиты другого лица от посягательства, сопряженного с насилием, опасным для его жизни или здоровья, за указанный период не выявлено. Также не выявлено ни одного факта применения огнестрельного оружия для задержания лица, застигнутого при совершении деяния, содержащего признаки тяжкого или особо тяжкого преступления против жизни, здоровья или собственности, и пытающегося скрыться*, если иными средствами задержать это лицо не представляется возможным.

При изучении практики применения огнестрельного оружия нельзя не отметить обратную проблему, связанную с неприменением огнестрельного оружия в ситуациях, когда оно могло, тактически должно было быть применено или должно быть применено раньше (быстрее), интенсивнее, иным способом или по иному основанию. Большинство исследований среди основных причин неприменения огнестрельного оружия в таких ситуациях выделяют причины общей профессиональной некомпетентности, психологи-

ческой неготовности (страха) в применении огнестрельного оружия, проявления неуместного гуманизма, нарушения мер личной безопасности, боязнь негативных юридических последствий и другие. В общем виде такие ситуации могут характеризовать недостаточную правоохранительную профессионально-специализированную компетентность в применении огнестрельного оружия в законно оправданных целях.

В подобных ситуациях, исходя из анализа оценки обстановки и с соблюдением мер личной безопасности, сотрудникам полиции рекомендуется на законных основаниях, используя заблаговременно отработанную тактику, решительно и принципиально пресекать попытки посягательств на собственные честь, здоровье и жизнь, а также попытки завладения огнестрельным оружием. При этом строго помнить о запретах и ограничениях при применении огнестрельного оружия.

За исследуемый период в 12 из 24 рассматриваемых случаях опасных нападений на вооруженных сотрудников полиции им, после предупредительных выстрелов, пришлось стрелять на поражение (некоторые из нападавших получили смертельные ранения).

Кроме случаев применения служебного (табельного) огнестрельного оружия, сотрудникам полиции в РТ применялось личное огнестрельное оружие самообороны ограниченного поражения («травматическое») оружие. Во всех случаях личное оружие применялось по правовым основаниям и в порядке, предусмотренными ФЗ «О полиции». Все такие факты вошли в общую статистику.

Из указанных положительных фактов может следовать вывод, что после тщательной проработки вопроса, комплексной объективной проверке профессиональной готовности (компетентности) к применению огнестрельного оружия, многим сотрудникам полиции в РТ, несущим службу на «передовой» линии конфронтации с преступностью, можно рекомендовать к постоянному ношению служебное огнестрельное («травматическое») оружие ограниченного поражения или оружие самообороны. К числу таких сотрудников могут быть отнесены те, в должностные полномочия которых входит производство административного или уголовно-процессуального задержания. Результативное применение такого оружия может благоприятно отразиться на обеспечении личной безопасности сотрудников полиции и оперативной обстановке в республике.

Кроме случаев применения сотрудниками полиции короткоствольного огнестрельного оружия (пистолетов) за 4 года зафиксировано 3 факта применения боевого ручного стрелкового среднествольного служебного оружия (автоматов).

В целях качественной огневой подготовки сотрудников полиции, за которыми закреплено служебное среднествольное огнестрельное оружие, учебные стрельбы из автоматов должны проводиться с ними в тех же объемах, в каких проводятся учебные стрельбы из пистолетов в рамках профессиональной служебной огневой подготовки с сотрудниками, за которыми закреплено короткоствольное огнестрельное оружие. В случае отсутствия необходимых тиров или стрельбищ должны организовываться специализированные учебные сборы в объемах часов, предусмотренных для служебной огневой подготовки за период, в который учебные стрельбы из автоматов не осуществлялись.

В связи с этим в органах внутренних дел должна существовать необходимая материальная база: крытые крупные и протяженные тир и загородные автоматные стрельбища, соответствующие современным требованиям.

При отсутствии в субъекте РФ защищенных стрельбищ повышенной протяженности и площади (многофункциональных стрелковых полигонов) целесообразно создать их в образовательных организациях системы МВД России и указанные учебные сборы проводить на их базе. Подобные полигоны и стрельбища также могут использоваться, например, для служебной подготовки сотрудников, командиремых в СКР.

Следует отметить, что за исследуемый период в РТ не зафиксировано ни одного случая применения огнестрельного оружия женщинами-сотрудницами полиции. Даже без учета уровня компетентности женщин-сотрудниц полиции в области огневой подготовки, предположим, что такой результат статистики является следствием устоявшихся специфических особенностей использования женского труда в полиции: без физических нагрузок, без выдачи огнестрельного оружия и с меньшим риском для здоровья и жизни женщин-полицейских. В случае подтверждения аналогичных статистических результатов на федеральном уровне это может натолкнуть на мысль о присутствии элементов нерациональности затрат (боеприпасов, финансовых, трудовых, временных) в служебной огневой подготовке около 170 тысяч человек, или 20% сотрудников ОВД.

Действующее Наставление по физической подготовке сотрудников ОВД дифференцированно подходит к определению профессионально-специализированной физической компетентности сотрудников ОВД в зависимости от их возраста и пола.

Целесообразно аналогично дифференцировать подходы к определению профессионально-специализированной компетентности в применении огнестрельного оружия, установленные для сотрудни-

ков полиции, но не по возрастному, а по гендерному признаку – в зависимости от пола сотрудника ОВД. Необходимо сделать огневую подготовку обязательной только для тех женщин-сотрудниц, за которыми закреплено оружие и которые допущены к службе с ним. В перспективе такой подход можно распространить на всех сотрудников ОВД, которым профессиональные навыки стрельбы из огнестрельного оружия по роду службы не нужны.

В связи с этим можно предложить развивать в МВД России компетентно-потребительский подход к профессиональной служебной огневой подготовке, т.е. развивать такие компетенции только у тех сотрудников, которые приказом начальника ОВД допущены к службе с огнестрельным оружием, которым навыки огневой подготовки действительно необходимы. Установив дополнительную ежемесячную надбавку к должностному окладу за практическое несение службы с огнестрельным оружием в зависимости от индивидуального уровня профессионально-специализированной компетентности (результативности сдачи нормативов и контрольных стрельб), можно эффективно регулировать профессиональный уровень сотрудников ОВД на основе личной заинтересованности.

В зарубежных странах в отношении текущей (непрерывной) профессиональной подготовки, осуществляемой в процессе служебной деятельности в практических подразделениях, принята модель самостоятельной подготовки на основе личной заинтересованности: без обязательных к посещению занятий (проводимых в служебное время), без сопутствующего документооборота. Такая модель основана на объективной оценке индивидуальных профессионально-компетентностных качеств, от которых зависят объем служебных полномочий (без достаточного уровня полицейский не получает допуск к самостоятельной служ-

бе на улице) и уровень денежного довольствия.

Основной целью образовательной деятельности в области огневой подготовки в системе МВД России должно стать создание условий и механизмов, обеспечивающих формирование и развитие у сотрудников полиции правоохранительно-ситуативных профессионально-специализированных компетенций в области правомерности и эффективности применения огнестрельного оружия, а также в области обеспечения собственной личной безопасности при выполнении служебных задач с огнестрельным оружием.

Если рассматривать отечественную педагогическую технологию как совокупность знаний, форм, методов, приемов, процессов, направленных на достижение педагогических целей, а также технологию, неразрывно связанную с диагностикой полученных результатов и системой профилактики затруднений и рациональной коррекционной работы с обучаемыми, то проведение широкомасштабного исследования, подобного данному, но уже на общегосударственном уровне, на современном этапе особенно актуально и будет способствовать дальнейшему повышению уровня профессиональной служебной огневой подготовки сотрудников российской полиции.

В данной работе были рассмотрены лишь некоторые актуальные вопросы практики применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции, часть из проблемных вопросов необходимо обсуждать «за закрытыми дверями». Безусловно, такие актуальные вопросы должны подвергаться систематическому и непрерывному анализу, дискуссионным обсуждениям теоретиков и практиков в формате научно-представительских мероприятий с привлечением внимания общественных организаций, граждан и средств массовой информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Практика** применения огнестрельного оружия сотрудниками МВД России на территории Республики Татарстан за 2011–2013 годы.
2. В Нижегородской академии МВД России состоялось открытие комплекса интерактивных тиров и полигонов специальной подготовки // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <http://52.mvd.ru/news/item/882566> (дата обращения: 29.08.2014).
3. Вызулин Е.А. 20-летие российского законодательства и регламентация пределов применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции при пресечении посягательств на жизнь и здоровье граждан // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1 (25). С. 349.

УДК 378

А.А. Илиджев.**ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ВО ФГОС ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»**

Представлены результаты анализа ФГОС по направлению бакалавриата «Юриспруденция» на предмет формулирования в них общекультурных компетенций; предложена обоснованная типологизация общекультурных компетенций (по критерию доминирующей направленности) на три группы: общекультурные компетенции, ориентированные на выполнение той или иной деятельности (деятельностные); общекультурные компетенции, ориентированные на знание (осознание) (когнитивные); общекультурные компетенции, ориентированные на социально-значимые ценности (ценностные).

Ключевые слова: ФГОС, общекультурные компетенции, бакалавр юриспруденции, понятийно-терминологический анализ.

В соответствии с компетентностным подходом во ФГОС высшего образования по направлениям подготовки требования к результатам освоения основной образовательной программы заданы в виде требований к освоению общекультурных и профессиональных компетенций. В практике обучения основные усилия преподавателей направлены на проектирование процесса обучения той или иной дисциплины в соответствии с требованиями компетентностного подхода. При этом основной акцент делается на предметных знаниях, умениях, а также на профессиональных компетенциях. Что же касается общекультурных компетенций, то они зачастую остаются вне их поля зрения. Между тем роль и место общекультурных компетенций в личностно-профессиональном развитии будущего специалиста нельзя умалять. Больше того, общекультурные компетенции, по мнению специалистов, вносят существенный вклад в достижение успехов в социально-профессиональной деятельности человека. Однако, несмотря на это, в теории и практике высшего образования уделяется недостаточное внимание вопросам анализа состава и содержания общекультурных компетенций.

В связи с этим мы обратились к анализу ФГОС ВО по направлению «Юриспруденция» в части состава и качества формулировок общекультурных компетенций. Следует отметить, что различные аспекты реализации ФГОС ВО в последние годы привлекают внимание все большего числа исследователей [1; 2; 3 и др.]. Так, содержание

компетентностной модели выпускника с квалификацией «бакалавр» (на примере направления подготовки 270800 Строительство) рассмотрено в статье Е.Б. Ерицкиной [4, с. 55], где описаны общекультурные и профессиональные компетенции выпускника, выделена проектно-конструкторская компетентность и рассмотрена организация образовательного процесса ее формирования. В работе Е.Н. Ковтун приведены наиболее значимые результаты экспертизы основных образовательных программ (ООП), разработанных классическими университетами России в 2010–2011 годах на основе ФГОС ВО. Автор подчеркивает, что «многие недостатки вузовских ООП объективно обусловлены некорректными формулировками, логическими противоречиями и неясностями, имеющимися в текстах утвержденных ФГОС ВО» [5, с. 20].

Представляет интерес статья Г.Б. Голуб, И.С. Фишмана, Л.И. Фишман, в которой отражены результаты анализа более 200 стандартов ФГОС ВО на предмет формулирования в них общих компетенций и их соответствия запросам работодателей. Анализ общих компетенций привел авторов статьи к выводу о том, что «стандарт ничего не требует от вуза в плане формирования общих компетенций», поскольку «ни одна формулировка ФГОС не может быть операционализирована для целей формирования и оценивания единственно верным образом» [6, с. 168]. Этот вывод авторов статьи базируется, как видно, на одном тезисе: если общие компетенции не могут быть строго операционализированы, а значит, объектив-

Илиджев Александр Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры административного права, административной деятельности и управления органов внутренних дел Казанского юридического института МВД России

e-mail: ilidsasha@yandex.ru

© Илиджев А.А., 2016

Статья получена: 05.08.2015

но продиагностированы и измерены, значит, требований в виде общих компетенций вроде как и не существует. Получается, что представленные во ФГОС ВО общекультурные компетенции и не обязательно формировать, ибо нет строгих критериев и средств однозначной оценки. Но можно ли согласиться с таким выводом авторов?

Выскажем нашу позицию по данному вопросу. В педагогике могут иметь место измерения разного рода: количественные и качественные. Применительно к ценностному миру личности применение количественных методов измерения мы считаем нецелесообразным. Здесь подходят в значительно большей мере качественные методы диагностики и, прежде всего, метод экспертных оценок. Заметим, что именно этот метод качественной диагностики и находит применение в реальной практике образования, когда речь идет об оценке личностных свойств. Поэтому можно заключить, что невозможность строгой количественной оценки общекультурной компетенции не является основанием для вывода о том, что «стандарт ничего не требует от вуза в плане формирования общекультурных компетенций».

Обратимся далее к анализу требований к результатам освоения основной образовательной программы ВО по направлению бакалавриата 030900 «Юриспруденция» в части общекультурных компетенций. Согласно ФГОС ВО определены 14 общекультурных компетенций (ОК), которыми должен обладать выпускник бакалавриата: осознает социальную значимость своей будущей профессии, обладает достаточным уровнем профессионального правосознания (ОК-1); способен добросовестно исполнять профессиональные обязанности, соблюдать принципы этики юриста (ОК-2); владеет культурой мышления, способен к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения (ОК-3); способен логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь (ОК-4); обладает культурой поведения, готов к кооперации с коллегами, работе в коллективе (ОК-5); имеет нетерпимое отношение к коррупционному поведению, уважительно относится к праву и закону (ОК-6); стремится к саморазвитию, повышению своей квалификации и мастерства (ОК-7); способен использовать основные положения и методы социальных, гуманитарных и экономических наук при решении социальных и профессиональных задач (ОК-8); способен анализировать социально значимые проблемы и процессы (ОК-9); способен понимать сущность и значение информации в развитии современного информационного общества, сознавать опасности и угрозы, возникающие

в этом процессе, соблюдать основные требования информационной безопасности, в том числе защиты государственной тайны (ОК-10); владеет основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации, имеет навыки работы с компьютером как средством управления информацией (ОК-11); способен работать с информацией в глобальных компьютерных сетях (ОК-12); владеет необходимыми навыками профессионального общения на иностранном языке (ОК-13); владеет навыками ведения здорового образа жизни, участвует в занятиях физической культурой и спортом (ОК-14) [7].

В формулировках общекультурных компетенций используются такие глаголы и глагольные формы, как владеет, осознает, обладает, имеет, стремится, относится, участвует, готов, способен. Наиболее часто используются слова «способен...» (6), затем по частоте использования: «владеет...» (4), «обладает» (2), «имеет» (2). Остальные слова встречаются по одному разу. Следовательно, основные параметры общекультурных компетенций характеризуются двумя терминами – способен и владеет.

Возникает вопрос: имеет ли принципиальное значение, через какой глагол, краткое прилагательное и краткое причастие формулируется та или иная общекультурная компетенция? Для ответа рассмотрим и проведем анализ соответствующих формулировок. Начнем с наиболее распространенных формулировок со словом «способен». Так, ОК-2 звучит следующим образом: «способен добросовестно исполнять профессиональные обязанности, соблюдать принципы этики юриста». Что означает данная формулировка? Для выяснения этого необходимо обратиться к слову «способен» и тому содержанию, которое стоит за ним. Когда говорят о том или ином человеке, что он способен выполнять ту или иную работу, способен осуществлять ту или иную деятельность, то обычно имеют в виду, что этот человек обладает необходимыми знаниями, умениями, опытом в соответствующей деятельности, которые в совокупности позволяют ему выполнять эту деятельность. Кроме того, в этом случае подразумевается, что человек может выполнять данную деятельность на необходимом уровне, а не абы как. То есть, когда говорят, что человек способен к чему-то, то имеют в виду, что он может выполнять деятельность на требуемом уровне.

В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой читаем: «Способность – 1. Природная одаренность, талантливость; 2. Умение, а также возможность производить какие-либо действия»; «способный – 1. Обладающий способностями к чему-либо; 2. Могущий что-нибудь

сделать; обладающий каким-нибудь свойством» [8, с. 746]. Как видим, слово «способность» имеет два смысла. Первый смысл связан с природной одаренностью, талантливостью (например, математические, музыкальные и др. способности). Второе значение слова – умение производить какие-либо действия, а также возможность производить действия. В качестве примера в первом значении приводится сочетание – способность двигаться; а для второго значения – покупательная способность населения. Для нашего исследования мы возьмем за основу трактовку способности как умения производить какие-либо действия.

Если исходить из данной трактовки, то общекультурную компетенцию ОК-2 можно понимать как умение добросовестно исполнять профессиональные обязанности, соблюдать принципы этики юриста. Другими словами, термин «способен» адекватен термину «умеет».

Далее обратимся к содержанию глагола «стремится», который встречается в формулировке ОК-7 – «стремится к саморазвитию, повышению своей квалификации и мастерства». Что означает глагол «стремится»? Казалось бы, здесь все ясно: стремиться – значит мотивирован что-то делать, совершать какие-либо действия. В словаре С.И. Ожегова под стремлением понимается «настойчивое желание чего-либо добиться, что-нибудь осуществить; устремленность к чему-либо» [8, с. 762]. Нередко вместо этого глагола используют глагол «хочет», имея в виду, что стремление это есть желание, хотение к каким-либо действиям. Стремление – это постоянная нацеленность, наличие у человека желанной цели, которая побуждает его к тем или иным действиям. Понятие «стремление» отражает мотивационную, побудительную компоненту деятельности человека. Отсюда следует, что в состав общекультурных компетенций входят не только умения (способности) выполнять то или иное действие, или деятельность, но и сформированная мотивация к социально и личностно значимым ценностям. Здесь, однако, надо обратить внимание на одну деталь. Напомним, что через глагол «стремится» выражена только одна общекультурная компетенция, описанная выше. Если вникнуть в ее суть, то обнаруживается, что эта компетенция обращена к мотивационной стороне не отдельного действия, а к мотивации личности в целом, связанной с ее стремлением к непрерывному самосовершенствованию. Стремление к саморазвитию, повышению квалификации и мастерства означает не что иное, как стремление к самосовершенствованию как в личностном плане (стремление к саморазвитию), так и в профессиональном (стремление к повышению квалификации

и мастерства). Другими словами, общекультурная компетенция в данном случае представляет собой личностное свойство как целостное явление, выражающееся в стремлении личности к саморазвитию, повышению квалификации и мастерства. Значит, общекультурные компетенции, помимо умений, предполагают еще сформированное у личности стремление к непрерывному саморазвитию и совершенствованию в профессии.

Теперь рассмотрим следующую общекультурную компетенцию, связанную с двумя глаголами – «осознает» и «обладает» – «осознает социальную значимость своей будущей профессии, обладает достаточным уровнем профессионального правосознания» (ОК-1). Эта компетенция также, как видим, не связана с тем или иным умением. Ключевые слова в ней – осознание и профессиональное правосознание. Первая часть – «осознает социальную значимость своей будущей профессии» связана с глаголом «осознает»; вторая часть – «обладает достаточным уровнем профессионального правосознания» – с глаголом «обладает».

Что значит «осознает» социальную значимость своей будущей профессии? На бытовом уровне все вроде понятно: осознает – значит, понимает важность своей будущей профессии для общества. Теперь обратимся к тому же словарю С.И. Ожегова, где пишется: «Осознать – полностью довести до своего сознания, понять» [8, с. 454]. Как видим, здесь также осознание сводится к пониманию. Следовательно, данная общекультурная компетенция требует того, чтобы выпускник бакалавриата понимал социальную значимость своей будущей профессии. Опять мы видим, что нет связи с глаголом – уметь. И это уже не мотивация, а что-то другое, связанное с осознанием, то есть пониманием чего-то, доведением до своего сознания. Понять – это значит освоить сущность того или иного явления. Выходит, что для того, чтобы выпускник бакалавриата осознал социальную сущность своей будущей профессии, необходимо, чтобы он понимал сущность профессии, ее место и роль в развитии общества, государства, региона, муниципалитета, в котором находится вуз и в котором предстоит жить и работать выпускнику.

Далее проанализируем подробнее вторую часть данной общекультурной компетенции – «обладает достаточным уровнем профессионального правосознания». Что это такое? Когда мы говорим о человеке, что он обладает чем-либо, то предполагаем, что человек имеет это что-то как присвоенное им. В словаре С.И. Ожегова дается следующая трактовка слова «обладать»: иметь в собственности, в наличии или в числе своих свойств [8, с. 420]. Как видим, термин «обладать»

является синонимом слова «иметь». В нашем случае «обладает достаточным уровнем профессионального правосознания» следует понимать как то, что выпускник бакалавриата имеет как свойство личности достаточный уровень профессионального правосознания.

Обратимся еще к одному используемому глаголу – «имеет», который связан с ОК-6: «имеет нетерпимое отношение к коррупционному поведению, уважительно относится к праву и закону». Здесь данный термин дан в связи со словом нетерпимое отношение («имеет нетерпимое отношение»). Что это означает? Читаем в словаре С.И. Ожегова: «Иметь – 1. Обладать, располагать, владеть; 2. В сочетании с существительным означает действие в соответствии со значением данного существительного» [8, с. 239]. В нашем случае корректно говорить о втором значении данного термина, ибо имеет место сочетание с существительным «нетерпимое отношение». Отсюда следует, что «имеет нетерпимое отношение к коррупционному поведению» следует трактовать как совершение действий в соответствии со значением сочетания «нетерпимое отношение». Можно смысл данного сочетания выразить одним словом – нетерпим к коррупционному поведению, то есть категорически отвергает любые проявления коррупционного поведения и, главное, в любых своих действиях и поведении руководствуется этим правилом. Для нас важно обратить внимание на то, что и данная общекультурная компетенция не связана прямо с термином «имеет» или «способен». Хотя, с другой стороны, она (компетенция) подразумевает осуществление действий,

которые, в свою очередь, предполагают наличие умений осуществлять действие.

Таким образом, изучение состава общекультурных компетенций по направлению бакалавриата 030900 «Юриспруденция» показало, что для формулирования конкретных компетенций использованы различные термины, частота применения которых по мере убывания выглядит следующим образом: способен (7), владеет (4), обладает (2), имеет (2), осознает (1), готов (1), стремится (1), уважительно относится (1), участвует (1). Наиболее часто встречаются слова «способен» и «владеет», которые характеризуют деятельностную составляющую общекультурной компетенции (умения и навыки). Большинство остальных терминов (осознает, стремится уважительно относится, имеет, обладает, готов, участвует), каждый из которых встречается по два или одному разу, раскрывают общекультурные компетенции, отражающие уровень понимания (социальной значимости профессии), развитую мотивацию к самосовершенствованию, ценностное отношение (к праву). С учетом сказанного, общекультурные компетенции по направлению бакалавриата «Юриспруденция» могут быть классифицированы в три группы: общекультурные компетенции, ориентированные на выполнение той или иной деятельности; общекультурные компетенции, ориентированные на знание (осознание); общекультурные компетенции, ориентированные на социально-значимые ценности. Такая группировка общекультурных компетенций может служить основой для построения научно обоснованного процесса их формирования в учебном процессе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дорожкин Е.М., Копылов С.Н. Дидактическая модель формирования профессиональных компетенций // Педагогическое образование и наука. 2011. № 9. С. 12–15.
2. Ибрагимов Г.И. Процесс обучения в высшей школе в условиях реализации ФГОС: болевые точки // Alma-mater. 2013. № 8. С. 6–14.
3. Чучалин А.И. Цели и результаты освоения профессиональных образовательных программ // Высшее образование в России. 2014. № 2. С. 5–15.
4. Ерцкина Е.Б. Содержание компетентностной модели выпускника с квалификацией «бакалавр» (на примере направления подготовки 270800 Строительство // Стандарты и мониторинг в образовании. 2012. № 3. С. 54–59.
5. Ковтун Е.Н. Экспертный анализ ООП классических университетов России // Высшее образование в России. 2012. № 10. С. 14–21.
6. Голуб Г.Б., Фишман И.С., Фишман Л.И. Общие компетенции выпускников высшей школы: что стандарт требует от вуза // Вопросы образования. 2013. № 1. С. 156–172.
7. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 030900 «Юриспруденция» (квалификация (степень) бакалавр): утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 4 мая 2010 г. № 464.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Изд-во «Азъ», 1992. 955 с.

УДК 343.132.5

О.В. Сидоренко.**НАЗНАЧЕНИЕ И ПРОИЗВОДСТВО СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА**

В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с назначением и производством экспертиз на стадии возбуждения уголовного дела, обусловленные изменениями, внесенными федеральным законом от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ.

Предлагается авторская редакция системы норм, регулирующих отношения по доказыванию на стадии возбуждения уголовного дела, по обеспечению прав участников проверочных мероприятий при назначении и производстве судебных экспертиз.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела, судебная экспертиза, производство исследований, уголовно-процессуальное законодательство, доказывание, обеспечение прав личности.

Стадия возбуждения уголовного дела по УПК РСФСР предусматривала лишь осмотр места происшествия. Принятый в 2001 году УПК РФ расширил познавательные возможности субъектов проверки сообщения о преступлении, добавив к имеющемуся процессуальному действию освидетельствование и назначение судебной экспертизы. Федеральный закон № 87-ФЗ от 05.06.2007 года исключил возможность назначения судебной экспертизы на этом этапе, закрепив в качестве проверочных мероприятий осмотр места происшествия (ч. 2 ст. 176 УПК РФ), осмотр трупа (ч. 4 ст. 178 УПК РФ) и освидетельствование (ч. 1 ст. 179 УПК РФ).

Многие авторы [1, с. 79–80; 2, с. 20–21; 3, с. 126], характеризуя нормативную регламентацию проверочной деятельности, проводимой по поступившим сообщениям, говорили о несовершенстве уголовно-процессуальных норм, регулирующих доказывание на стадии возбуждения уголовного дела. Они ставили под сомнение правомерность *производства* судебной экспертизы при проведении проверочных мероприятий на данном этапе, т.к. буквальное толкование ч. 4 ст. 146 УПК РФ приводило к выводу только о возможности *назначения* судебной экспертизы, что было лишено смысла ввиду того, что результатом назначения судебной экспертизы является соответствующее постановление, а не заключение эксперта, которое выступает итоговым документом производства судебной экспертизы. А установление достаточного основания для возбуждения уголовного дела в ряде случаев невозможно без заключения эксперта. Некоторые авторы, анали-

зируя данный пробел, считают, что назначение экспертизы (вынесение постановления) не может установить следы преступления и лицо, его совершившее [4, с. 33]. Назначение экспертизы в ч. 4 ст. 146 УПК РФ представлено как следственное действие по закреплению следов преступления и установлению лица, его совершившего, а вынесение постановления не подразумевает возможности закрепления следов и установления каких-либо лиц.

Тем не менее, несмотря на противоречивость и пробельность нормативной регламентации указанных аспектов, В.К. Ашуровым высказано мнение об относительной распространенности практики назначения экспертиз в ходе проверочных мероприятий. Такому умозаключению способствовали данные анкетирования следователей и руководителей следственных органов из 45 регионов России: 10% опрошенных подтвердили наличие неверной практики производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела в ряде регионов России [5, с. 20–21].

Правоприменители, имея потребность в собирании доказательств по поступившим сообщениям в стадии возбуждения уголовного дела, чтобы избежать нарушений (при наличии закреплённых оснований для назначения экспертизы), использовали документы (отношения) о назначении исследований веществ, растений, предметов, документов и др., результаты которых оформлялись справками экспертов (после 2009 г. – справками об исследованиях согласно требованиям Наставления по организации экспертно-криминалисти-

Сидоренко Ольга Викторовна, адъюнкт Волгоградской академии МВД России

e-mail: olgakolesnik76@rambler.ru

© Сидоренко О.В., 2016

Статья получена: 17.11.2015

ческой деятельности в системе МВД России). По мнению М.В. Махмутова, «исследование, произведенное до возбуждения уголовного дела, фактически подменяет собой производство экспертизы, однако результаты такого исследования заключением эксперта или специалиста оформлены быть не могут и статуса самостоятельного доказательства не приобретут» [6].

Много спорных вопросов возникает непосредственно при проведении исследований. С одной стороны, их использование выгодно из-за малых временных сроков и упрощения действий, осуществляемых при изучении объектов. С другой стороны, объекты, частично или полностью разрушенные в процессе исследования, впоследствии не могут быть изучены в рамках назначенной экспертизы по тем же обстоятельствам.

Изменения, внесенные в УПК РФ в 2013 году, расширили полномочия лиц, ведущих проверку сообщений о правонарушениях в стадии возбуждения уголовного дела, но оставили производство предварительных исследований в качестве проверочных мероприятий – не установив законодательно статус результатов этих исследований [7]. Присутствие данной нормы в законе дает альтернативу следователям: или назначить судебную экспертизу, или направить в экспертное учреждение поручение о производстве исследований [5, с. 21], по итогам которых после возбуждения уголовного дела все равно назначается потом судебная экспертиза. Назначение судебной экспертизы по ранее исследованным объектам ведет к увеличению нагрузки, возложенной на сотрудников экспертных подразделений [8, с. 75; 5, с. 21], к дополнительным финансовым затратам, а в ряде случаев – вообще невозможно ввиду изменений объектов исследований.

В целях сокращения количества предварительных исследований, а также устранения дублирования при производстве экспертиз ранее исследованных объектов учеными еще в советский период неоднократно предлагалось ввести судебную экспертизу в перечень проверочных мероприятий (Р.С. Белкин и Д.Я. Мирский (1986), П.А. Лупинская (1966), Н.А. Баженов, С.А. Шейфер (1976), Ю.А. Калинин (1981), А.Р. Михайленко (1983) и др.). В период реформирования уголовно-процессуальной отрасли права данный аспект также не утратил своей актуальности [9, с. 71–79; 10; 11; 3, с. 122; 12].

Особенно актуально проведение таких экспертиз в отношении следов биологического происхождения, наркотических средств, горюче-смазочных веществ, микрообъектов и других, подверженных быстрому изменению и уничтожению [7], а также в отношении объектов, признаки

которых имеют уголовно-правовое значение, и выявление которых необходимо для установления основания для возбуждения уголовного дела.

Учитывая потребности практики и интересы участников первоначальной стадии, законодатель попытался расширить их возможности. Так, в ч. 1 ст. 144 УПК РФ (О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 04 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 9. Ст. 875) при проведении проверочных мероприятий на стадии возбуждения уголовного дела предусмотрено назначение судебной экспертизы, участие в ее производстве субъектов процессуальной проверки и получение заключения эксперта в разумный срок.

Порядок назначения и производства экспертиз предусмотрен ст. 195–207, 269, 282, 283 УПК РФ. Кроме того, они осуществляются в соответствии с Федеральным законом № 73-ФЗ от 31.05.2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», а в системе МВД России – еще и согласно ведомственному приказу № 511 от 29.06.2005 г. (ред. приказа МВД России от 15.10.2012 № 939) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел РФ». В свою очередь, паспортизированные методики, методические рекомендации, а также типовые инструкции обеспечивают единообразие проведения необходимых экспертиз, предусмотренных вышеописанными нормативными документами.

При этом возникает ряд вопросов по толкованию норм уголовно-процессуального закона, связанных с ее назначением и производством на стадии возбуждения уголовного дела. Ч. 1 ст. 195 УПК РФ предоставляет возможность следователю выносить постановление о назначении экспертизы и в соответствии с ч. 3 этой же статьи обязывает знакомить с ним подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его представителя. Кроме этого, правоприменитель обязан разъяснять им права, предусмотренные ч. 1 ст. 198 УПК РФ, а после ее производства обеспечить ознакомление с заключением эксперта.

Полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств лишь при условии соблюдения положений ст. 75, 89 УПК РФ. Если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной или повторной эк-

спертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению (п. 1.2 ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Поскольку экспертиза проводилась на стадии возбуждения уголовного дела, где еще отсутствуют участники, предусмотренные (ч. 1 ст. 195 УПК РФ), возникает необходимость применения данной нормы (т.е. назначение дополнительной или повторной судебной экспертизы) с целью реализации прав участников, определенных ст. 198 УПК РФ, возникших по возбужденному делу [13]. Это, по замыслу законодателя, – своеобразная «компенсация» их прав, которыми они не были наделены в ходе проверочных мероприятий.

Следует учитывать, что ст. 198 УПК РФ может быть применена только к участникам, имеющим процессуальный статус подозреваемого, обвиняемого, защитника, потерпевшего, его представителя и свидетеля (в определенной части). На стадии возбуждения уголовного дела не предусмотрено лиц, имеющих такой статус (кроме подозреваемого, фактически задержанного в порядке ст. 91–92 УПК РФ). Для ликвидации пробелов в праве, противоречивости нормативного регулирования, для создания действенных гарантий защиты интересов участников проверочных мероприятий на стадии возбуждения уголовного дела необходимо решить вопрос о правовом статусе лиц, заинтересованных в производстве экспертизы, а также предусмотреть для них законодательную возможность пользоваться правами, предусмотренными ч. 1 ст. 198 УПК РФ. Это предотвратит случаи проведения повторных и дополнительных экспертиз только лишь по ходатайству стороны защиты и потерпевшего – при отсутствии оснований, указанных в ст. 207 УПК РФ, исключит ситуации, когда потребность в таких экспертизах возникает по объектам, претерпевшим изменения или полностью уничтоженным в ходе проверки сообщения о преступлении.

Порядок направления материалов уголовного дела для производства судебной экспертизы урегулирован ст. 199 УПК РФ. Наименование этой статьи и ее содержание не предусматривает проведение экспертизы по материалам проверки сообщения о преступлении в стадии возбуждения уголовного дела, а буквальное толкование указывает на то, что применение данного нормативного установления возможно только по возбужденному делу. Проблемной представляется и реализация требований о разъяснении эксперту его прав, обязанностей, предусмотренных ст. 57 УПК РФ, и предупреждения его об ответственности за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УК РФ. Эта ответственность может наступить лишь в том случае, когда проведена экспертиза и оформлено заключение по уже возбужденному уголовному

делу. Следовательно, возникают противоречия в реализации предписаний ст. 199 УПК РФ при осуществлении процессуальной проверки.

Анализ ст. 57 УПК РФ также показывает, что ее содержание не ориентировано на участие эксперта в проверочных мероприятиях. Так, в соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 57 УПК РФ эксперт может знакомиться с материалами уголовного дела, относящимися к предмету судебной экспертизы. Однако при проведении процессуальной проверки по факту правонарушения еще нет уголовного дела, соответственно, эксперт формально не может реализовать свое право на ознакомление с установленными материалами проверки ввиду отсутствия закрепленных законом оснований.

Спорным становится вопрос в отношении реализации п. 5 ч. 4 ст. 57 УПК РФ, согласно которому эксперт не вправе разглашать данные предварительного расследования, ставшие известными ему в связи с участием в уголовном деле в качестве эксперта, а также ч. 6 ст. 57 УПК РФ, в соответствии с которой эксперт несет ответственность по ст. 310 УК РФ за разглашение данных предварительного расследования. Законодатель не определяет ответственность за эти действия при проведении проверочных мероприятий на стадии возбуждения уголовного дела.

Также в ч. 5 ст. 57 УПК РФ указано, что эксперт несет уголовную ответственность за дачу заведомо ложного заключения в соответствии со ст. 307 УК РФ. Это действие предусмотрено при производстве предварительного расследования, следовательно, применить его в стадии возбуждения уголовного дела при осуществлении проверочных мероприятий невозможно.

Аналогичные дефекты нормативного регулирования выявлены многими авторами и при анализе положений п. 5 ч. 1 ст. 204 УПК РФ, согласно которым эксперт должен в заключении указывать сведения о предупреждении его об ответственности за дачу заведомо ложного заключения [14, с. 154–155; 15, с. 144–145; 8, с. 238–239].

Указанные противоречия диктуют объективную необходимость корректировки группы взаимосвязанных норм, регулирующих отношения по доказыванию на стадии возбуждения уголовного дела, создания четкой нормативной модели производства судебной экспертизы в ходе проверки сообщения о преступлении, что потребует:

1) уточнения положений ст. 57 УПК РФ в части прав эксперта (п. 1 ч. 3):

«1) знакомиться с материалами проверки, осуществляемой по поступившему сообщению о преступлении, и уголовного дела, относящимися к предмету судебной экспертизы»;

2) уточнения положений ст. 57 УПК РФ в части запретов эксперту (п. 5 ч. 4):

«5) *разглашать сведения, ставшие известными ему в связи с участием в проверке, осуществляемой по поступившему сообщению о преступлении, и уголовном деле в качестве эксперта, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном статьей 161 настоящего Кодекса.*

3) корректировки наименования и содержания ст. 161 УПК РФ:

«Статья 161. Недопустимость разглашения данных **проверки сообщения о преступлении** и предварительного расследования»

«1. Данные **проверки сообщения о преступлении** и предварительного расследования не подлежат разглашению, за исключением случаев, предусмотренных частью третьей настоящей статьи.

2. Следователь или дознаватель предупреждает участников уголовного судопроизводства о недопустимости разглашения без соответствующего разрешения ставших им известными данных **проверки сообщения о преступлении** и предварительного расследования, о чем у них берется подписка с предупреждением об ответственности в соответствии со статьей 310 Уголовного кодекса Российской Федерации.

3. Данные **проверки сообщения о преступлении** и предварительного расследования могут быть преданы гласности лишь с разрешения следователя, дознавателя и только в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым, если разглашение не противоречит интересам **уголовного судопроизводства** и не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия, а также данных о частной жизни несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста четырнадцати лет, без согласия его законного представителя не допускается»;

4) корректировки наименования и содержания ст. 310 УК РФ с изложением ее в следующей редакции:

«Статья 310. Разглашение данных **проверки сообщения о преступлении** и предварительного расследования»

«Разглашение данных **проверки сообщения о преступлении** и предварительного расследования лицом, предупрежденным в установленном законом порядке о недопустимости их разглашения, если оно совершено без согласия следователя или лица, производящего дознание, наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденно-

го за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до трех месяцев».

5) внесения дополнения в ч. 1 ст. 80 УПК РФ следующего содержания:

«1. Заключение эксперта – представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, **осуществляющим уголовное судопроизводство, или сторонами.**

6) внесения дополнения в ч. 1 ст. 307 УК РФ и изложение ее в следующей редакции:

«1. Заведомо ложные показания свидетеля, потерпевшего либо заключение или показание эксперта, показание специалиста, а равно заведомо неправильный перевод **в ходе проверки сообщения о преступлении** либо при производстве предварительного расследования или в суде – наказываются штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до трех месяцев»;

7) исключения из ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ предложения:

«Если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению»;

8) корректировки наименования и содержания ч. 1 ст. 198 УПК РФ:

«Статья 198. Права подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, **участников проверки сообщения о преступлении** при назначении и производстве судебной экспертизы»

«1. При назначении и производстве судебной экспертизы подозреваемый, обвиняемый, его защитник, потерпевший, представитель и **участники проверки сообщения о преступлении** вправе...» – и далее по тексту;

9) корректировки наименования ст. 199 УПК РФ:

«Статья 199. Порядок направления материалов **проверки сообщения о преступлении** и уголовного дела для производства судебной экспертизы».

Полагаем, что предложенные дополнения позволят ликвидировать противоречия в законодательной регламентации, возникающие из-за нормативной неопределенности, заполняют пробелы в праве и будут способствовать эффективному использованию экспертных заключений в качестве доказательств по проводимым проверкам на первоначальной стадии уголовного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зайцева Е.А., Чипура Д.П. Использование специальных экономических знаний в досудебном производстве по уголовным делам: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2007. С. 79–80.
2. Орлов Ю.К. Возможно ли производство судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела? // Законность. 2003. № 9. С. 20–21.
3. Рясов А.А. Проблемы собирания вещественных доказательств в досудебных стадиях российского уголовного процесса: дис... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 122, 126.
4. Власов А. Возбуждение уголовного дела // Законность. 2004. № 2. С. 33.
5. Ащуров В. К. Практика назначения судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела // Судебная экспертиза. 2013. № 3. С. 20–21.
6. Махмутов М. В. Назначение исследований в стадии возбуждения уголовного дел // Законность. 2010. № 11. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2015).
7. Шамонова Т.Н. Нужна ли экспертиза до возбуждения уголовного дела? // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. Вып. № 4-2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/nuzhna-li-ekspertiza-do-vozbuzhdeniya-ugolovno-go-dela> (дата обращения: 12.10.2015).
8. Зайцева Е.А. Процессуальная и непроцессуальная форма экспертных исследований // Криминалист первопечатный. 2011. № 3. С. 75.
9. Зайцева Е.А. Правовой институт судебной экспертизы в современных условиях. Волгоград: ВолГУ, 2003. С. 71–79.
10. Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Институт повышения квалификации Российского Федерального центра судебной экспертизы, 2005.
11. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2005.
12. Сучков А.В., Чиннова М.В. К вопросу о дублировании проверочных мероприятий, проводимых на стадии возбуждения уголовного дела в современном российском уголовном процессе // Российский судья. 2015. № 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2015).
13. Быков В.М. О назначении судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела // Законы России, опыт, анализ, практика. 2015. № 2. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2015).
14. Александрова А.С. Назначение и производство судебных экспертиз до возбуждения уголовных дел: Миф или реальность // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2007. № 1. С. 154–155.
15. Бахтадзе Г.Э. К вопросу о назначении и производстве судебных экспертиз в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник ВолГУ. Сер. 5. 2003–2004. Вып. 6. С. 144–145.
16. Звонарева Е.В. Проблемы нормативного регулирования экспертной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела // Судебная экспертиза в парадигме российской науки (к 85-летию Ю.Г. Корухова): сб. матер. 54-х криминалистических чтений: в 2-х ч. М.: Академия управления МВД России, 2013. Ч. 1. С. 238–239.

УДК 343.234.5

М.А. Стадник .

**НОРМЫ О ДЕЯТЕЛЬНОМ РАСКАЯНИИ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО
УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ
СТРАН**

В статье автор определяет момент зарождения первых норм о деятельном раскаянии, а также особенности их становления и тенденции развития. В соответствии с временной хронологией выделены исторические периоды и подпериоды, отражающие эволюцию института деятельного раскаяния, дана характеристика каждого из них. Проведен сравнительно-правовой анализ норм о деятельном раскаянии уголовных кодексов зарубежных стран и Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: деятельное раскаяние, освобождение от уголовной ответственности, смягчающие вину обстоятельства, элементы деятельного раскаяния.

В современном уголовном законодательстве России институт деятельного раскаяния имеет самостоятельное юридическое значение и представлен целым комплексом субинститутов (в контексте института деятельного раскаяния содержатся такие субинституты, как обстоятельства, смягчающие наказания – ст. 61 УК РФ; общее основание освобождения от уголовной ответственности – ст.75 УК РФ; специальный случай освобождения от уголовной ответственности – некоторые статьи Особенной части УК РФ), что дает возможность говорить о нем именно как о комплексном (совокупном) институте.

Рассматривая данный институт через призму истории его зарождения, развития и функционирования, условно можно выделить три основных формирующих периода:

1. Зарождение и развитие института деятельного раскаяния в уголовном праве дореволюционной России (IX – начало XX вв.).

2. Тенденции развития деятельного раскаяния в уголовном праве Советского периода (октябрь 1917 г. – до декабря 1991 г.).

3. Деятельное раскаяние в постсоветском уголовном законодательстве (после декабря 1991 г.).

Поскольку первый выделенный нами период самый длительный по продолжительности и насыщенности различными источниками уголовного права, мы пришли к выводу о целесообразности представления его более мелкими подпериодами, детализирующими развитие норм о деятельном раскаянии.

1 этап. Зарождение и становление норм о деятельном раскаянии в отсутствие единого унифицированного и кодифицированного источника уголовного права (XI в. – до 1649 г.). Данный пе-

риод характеризуется длительным отсутствием каких-либо норм, содержащих признаки (элементы) деятельного раскаяния, вплоть до принятия Судебника 1950 года, в котором впервые появилась норма, закрепляющая такой элемент деятельного раскаяния, как «возмещение причиненного ущерба или заглаживание вреда». Таким образом, зарождение и первое официальное закрепление норм о деятельном раскаянии датируется концом XV – началом XVI вв. (подобной позиции придерживаются такие ученые, как А.Г. Антонов [1, с. 9], С.Н. Шагилович [2, с. 13], а не XI веком (начиная с Русской Правды, как полагают многие правоведы, среди которых Н.И. Ланге [3, с. 188, 242], В.А. Кушнарев [4, с.10], И.А. Батаев, С.В. Молчанова [5, с. 8], Н.С. Александрова [6, с. 8]).

2 этап. Развитие и эволюция отдельных норм о деятельном раскаянии в период кодификации уголовного законодательства (1649 – 22 марта 1903 гг.). Характеризуя данный этап, в нем можно выделить несколько видов деятельного раскаяния:

- становление отдельных элементов деятельного раскаяния как общих обстоятельств, смягчающих вину (Соборное уложение 1649 г. – гл.2 ст. 11, Артикул воинский 1717 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. – гл. 3 ст. 140, Уголовное уложение 1903 г.), с тенденцией на их численное увеличение;

- становление отдельных элементов деятельного раскаяния в качестве специальных случаев смягчения вины по конкретным преступлениям (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. – ст. 319, 320, 322, 324 и др., Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. – ст.13, Уголовное уложение 1903

Стадник Мария Андреевна, адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России

e-mail: kursantochkamaria@mail.ru

© Стадник М.А., 2016

Статья получена: 23.11.2015

г., которое впервые в истории развития уголовного законодательства закрепило нормы, предусматривающие специальное смягчение наказания в связи с деятельным раскаянием за совершение некоторых преступлений против собственности);

- законодательное закрепление специальных оснований освобождения от уголовного наказания в связи с деятельным раскаянием (Уголовное уложение 1903 г. – ст. 127 и др.).

3 этап. Стагнация в развитии норм о деятельном раскаянии и всего уголовного законодательства (после 22 марта 1903 – октября 1917 гг.).

Характеризуя древнерусское законодательство, необходимо отметить размытость границ между уголовным наказанием и уголовной ответственностью, что, в свою очередь, приводит к тому, что освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием равнозначно освобождению от наказания в связи с деятельным раскаянием. В большинстве же своем деятельное раскаяние выступает как обстоятельство, «смягчающее или уменьшающее вину».

Также зачастую законодатель смешивает возмещение причиненного ущерба и (или) заглаживание вреда, причиненного в результате преступления, выступающего как содержательный элемент деятельного раскаяния, с уголовно-правовой санкцией за совершенное противоправное деяние (особенно на ранних этапах развития законодательства); отождествляются элементы смежных оснований освобождения от уголовной ответственности – возмещение причиненного ущерба и (или) заглаживание вреда, причиненного в результате преступления, – при деятельном раскаянии и при примирении с потерпевшим.

При этом материальный элемент деятельного раскаяния – возмещению ущерба и (или) заглаживанию вреда, причиненных в результате преступления, – имеет двойное значение: компенсационно-восстановительное в отношении потерпевшего и бюджетно-накопительное в отношении государства (в лице царя, князя и т.п.).

В подавляющем большинстве нормативно-правовых актов исследуемого периода не учитывается признак (элемент) чистосердечности раскаяния. Исключение составили лишь Уложение о наказаниях уголовно-правовых и исправительных 1845 г. и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г. Данный факт позволяет говорить о том, что уже с древних времен в институт деятельного раскаяния закладываются только правовые аспекты, исключая нравственно-психологическую сторону явления.

Кроме того, ни в одном из проанализированных законодательных источников нет ни единого указания на изменение и (или) утрату обществен-

ной опасности лицом, совершившим определенные законодателем позитивные постпреступные действия, составляющие деятельное раскаяние.

Итак, деятельное раскаяние на протяжении всего рассматриваемого нами исторического периода представлено лишь отдельными элементами, не имеет законодательно закреплённой формулировки в виде конечного названия «деятельное раскаяние», и, как правило, каждый из элементов деятельного раскаяния работает только в конкретной ситуации и носит индивидуальный характер, то есть отсутствует системность его применения. Таким образом, отсутствуют основания утверждать о наличии как сформированного комплексного института деятельного раскаяния, так и о наличии полноценно состоявшихся его субинститутов (деятельное раскаяние как основание, смягчающее наказание, деятельное раскаяние как общее или частное основание освобождения от уголовной ответственности). Вместе с тем ярко выражена тенденция на увеличение составов преступлений, по которым предусматривалась возможность смягчения наказания или освобождение от него (ответственности) в связи с деятельным раскаянием, и принцип преемственности и накопления опыта предыдущего законодательства в части формирования признаков позитивного посткриминального поведения лица, которые впоследствии и стали составными частями деятельного раскаяния.

Советский период – один из важнейших в развитии института деятельного раскаяния, отличающийся противоречивым и неоднозначным характером политики государства (в том числе в области уголовной политики) и насыщенный различными преобразованиями в общественной жизни. В связи с этим данный период можно разделить на несколько подпериодов:

1. Нормы о деятельном раскаянии в период Великой Октябрьской революции и Гражданской войны в России (октябрь 1917 – октябрь 1922 гг.):

- в различных нормативно-правовых актах представлены только специальные виды освобождения от наказания (ответственности) в связи с деятельным раскаянием, а с принятием Руководящих начал по уголовному праву РСФСР, заменивших разрозненные уголовно-правовые нормы, нормы о деятельном раскаянии и вовсе не нашли своего законодательного закрепления,

- определенная направленность действия рассматриваемых норм: особое внимание уделялось преступлениям, связанным с уклонением от мобилизации, дезертирством, взяточничеством.

2. Нормы о деятельном раскаянии в период новой экономической политики и индустриализации (конец 1921–1929 гг.): начало новой государственной политики ознаменовалась принятием первого

в истории России Уголовного кодекса РСФСР, сохранившего лишь один частный случай освобождения от наказания в связи с деятельным раскаянием. Данное положение было перенесено и в Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. Это позволяет говорить о фактическом отсутствии норм о деятельном раскаянии в рассматриваемый нами подпериод.

3. Деятельное раскаяние в период массовых репрессий (конец 1920-х – начало 1950-х гг.): функционирование института деятельного раскаяния приостановлено.

4. Нормы о деятельном раскаянии в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): нашли свое законодательное закрепление в отдельных нормативно-правовых документах в качестве специального вида освобождения от уголовной ответственности и смягчающего наказания обстоятельства. Деятельное раскаяние выступало военно-политическим и экономическим инструментом в руках властей, и необходимость его законодательного закрепления и реализации определялась именно верхушкой политической власти, а не интересами членов общества, потерпевших от преступления (например, весомую роль играли такие преступления, как дезертирство, измена Родине, дача взятки и посредничество во взяточничестве).

5. Развитие норм о деятельном раскаянии в послевоенные годы (1946–1952 гг.) было направлено на реабилитацию и восстановление прав отдельных категорий советских граждан посредством освобождения от ответственности или смягчения вины за совершение последними ряда действий, представляющих собой отдельные элементы деятельного раскаяния.

6. Эволюция и действие деятельного раскаяния в условиях новой уголовной политики и либерализации политики страны в целом (1953 – декабрь 1991 гг.):

- впервые на законодательном уровне закреплены общие положения о смягчении ответственности в связи с деятельным раскаянием,
- значительно расширен перечень обстоятельств, смягчающих ответственность,
- тенденция на увеличение норм, содержащих специальные основания освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием.

В целом, говоря о советском периоде развития норм о деятельном раскаянии, необходимо отметить ряд присущих ему особенностей.

По сравнению с дореволюционным периодом чаще стало появляться выражение «освобождение от ответственности», а не «от наказания», что позволяет говорить о том, что положено начало формирования самостоятельного уголовно-правового института освобождения от ответственности в целом и деятельного раскаяния в качестве

самостоятельного основания освобождения от уголовной ответственности.

Деятельное раскаяние как обстоятельство смягчения ответственности реализуется законодателем в двух аспектах: во-первых, оно рассматривается как уголовно-правовая категория с присущими ей элементами, во-вторых, находит свое закрепление как альтернатива правовому (явка с повинной) морально-психологический элемент – чистосердечность раскаяния.

Деятельное раскаяние как обстоятельство, смягчающее ответственность, получило возможность дальнейшего развития в качестве самостоятельного института, так как была детализирована его содержательная часть и на законодательном уровне закреплены элементы, наличие которых должно было быть обязательным при учете его в качестве данного обстоятельства. Кроме того, законодателем успешно и активно использовалась практика законодательного закрепления специального основания освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием по различным видам преступлений. Однако общей нормы, закрепляющей положение о деятельном раскаянии, в уголовном праве советского периода так и не появилось.

Таким образом, практика применения норм о деятельном раскаянии показала свою эффективность и целесообразность и была взята на вооружение законодателем при разработке будущего уголовно-правового законодательства.

После распада СССР начался новый этап в развитии уголовного законодательства и функционировании уголовно-правовых институтов. В уголовной политике нового государства был взят курс на гуманизацию уголовно-правовых отношений и поиск альтернатив жестоким видам наказания, а институт деятельного раскаяния стал компромиссным средством противодействия преступности: впервые в истории всего законодательства России получил в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 года за ним закрепился термин «деятельное раскаяние», он приобрел статус самостоятельного института и юридическое значение именно как комплексный.

По сравнению с законодательством прошлых лет в современном кодексе расширен и конкретизирован перечень элементов, составляющих деятельное раскаяние, и условий (признаков), наличие которых обуславливает возможность его применения. Также произошел окончательный отказ законодателя от такого морально-психологического признака, как чистосердечное раскаяние, тем самым деятельное раскаяние стало исключительно правовой категорией. При этом сохранилась тенденция на расширение перечня

составов, содержащих примечания-нормы об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, в соответствии с изменяющимися условиями общественной жизни и потребностями общества и государства.

Институт деятельного раскаяния, включенный в УК РФ, был сформирован с учетом многолетнего исторического опыта его развития, а также с учетом общепризнанных принципов и норм международного права. Так, Комитет министров Совета Европы в своих официальных рекомендациях государствам-членам относительно упрощения уголовного правосудия заключил следующее: «В зависимости от своих конституционных положений государства-члены должны пересматривать свое законодательство, касающееся внесудебного урегулирования, для того чтобы орган, компетентный в уголовных вопросах, и другие правоприменяющие органы могли на этой стадии обеспечивать возможность внесудебного урегулирования споров, особенно при малозначимых правонарушениях... Законом должны предусматриваться условия, которые соответствующие органы могут поставить перед подозреваемым, а именно: выплата денежной суммы государству или государственной или благотворительной организации; возмещение причиненного в результате уголовного правонарушения вреда и восстановление прав потерпевшего; предоставление потерпевшему соответствующей компенсации либо до урегулирования, либо в качестве его составной части». Из этого видно, что в УК РФ хоть и не в полной мере, но частично реализовано данное положение.

Нормы о деятельном раскаянии в законодательстве зарубежных стран могут быть представлены так же, как и в Уголовном кодексе России: деятельное раскаяние, закрепленное в Общей части Уголовного кодекса (в качестве общего основания освобождения от ответственности и в качестве смягчающего обстоятельства), и Особенной части (как специальное основание освобождения

от уголовной ответственности) [1, с. 35].

Примечательно, что в ряде зарубежных стран вообще отсутствуют какие-либо общие нормы о деятельном раскаянии (ФРГ, Япония), но это компенсируется хорошо отлаженным механизмом реализации неограниченного (широкого) судебного усмотрения (усмотрения органов правосудия и (или) правоохранительных органов).

Уголовное законодательство СНГ в вопросах освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием во многом аналогично российским уголовно-правовым нормам и также соответствует указанным выше рекомендациям (например, ст. 88 Уголовного кодекса Республики Беларусь, ст. 45 Уголовного кодекса Украины). Однако имеются и существенные различия. В том же УК Республики Беларусь (далее УК РБ) в Общей части имеется норма, освобождающая от уголовной ответственности участника преступной организации или банды (ст. 20), в то время как Уголовный кодекс России подобной нормы ни в Общей, ни в Особенной частях не предусматривает, что, на наш взгляд, является очевидным законодательным пробелом. Кроме того, примечание 5 главы 24 Особенной части УК РБ содержит специальные случаи освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием по некоторым преступлениям против собственности, УК РФ подобной нормы не предусматривает.

Таким образом, мы видим, что нормы о деятельном раскаянии в уголовном праве России имеют общие положения с некоторыми нормами уголовного зарубежного законодательства, но в то же время значительно отличаются от них. При этом в зарубежном уголовном праве успешно реализуются и не раз доказали эффективность своего действия рассматриваемые нами нормы, поэтому их тщательный анализ, адаптация под условия российской системы и включение в УК РФ, на наш взгляд, повысили бы успешность реализации института деятельного раскаяния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов А.Г. Деятельное раскаяние. Кемерово, 2002. 164 с.
2. Шатилович С.И. Деятельное раскаяние и наказуемость преступлений: монография. Тюмень, 2005. 180 с.
3. Ланге Н.И. Исследование об уголовном праве Русской правды. СПб., 1860. 292 с.
4. Кушнарев В.А. Деятельное раскаяние в уголовном праве: монография. Омск, 2010. 206 с.
5. Батаев И.А., Молчанова С.В. Деятельное раскаяние как комплексный правовой институт: история и современность: монография. Ижевск, 2005. 206 с.
6. Александрова Н.С. Деятельное раскаяние и его уголовно-правовое значение: монография. Дмитровград, 2001. 204 с.

УДК 341.45

Д.В. Кузнецов.

ВИДЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ, ПРИМЕНЯЕМЫХ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

В статье рассматриваются различные виды международных соглашений, применяемых органами предварительного расследования, прокуратурой и судом в России при производстве по уголовным делам. Также представлена история возникновения отдельных видов соглашений и их примеры.

Ключевые слова: международное уголовное право, международный договор, статут, джентельменское соглашение, конвенция, выдача лиц для уголовного преследования.

Когда идет речь о международных правовых актах, которые должны применяться при борьбе российских правоохранительных органов с преступностью как совместно с другими государствами, так и с преступлениями внутри России, совершаемыми иностранными гражданами, следует обратить внимание на международное уголовное право и его источники. Само по себе международное уголовное право считается подотраслью международного публичного права, и именно его источники следует считать основными источниками первого. Более конкретизированно о них писал известный профессор международного права, судья Специального трибунала по Ливану Антонио Кассезе. Он указал на то, что, исходя из значимости источников международного уголовного права, их следует упорядочить следующим образом: первичные источники (начальный уровень иерархии), к которым относятся международные договоры и обычное право (правовой обычай), вторичные источники, то есть соответствующие правила, вытекающие из первичных источников, и общие принципы международного уголовного права, или общие принципы закона. Также Кассезе обращает внимание на наличие так называемых вспомогательных источников, таких как общие принципы права, которые принимаются и признаются существующим сообществом ряда государств [1, р. 26].

Отдельно видится необходимым рассмотреть источники, которые возникли при самостоятельном развитии международного уголовного права как отдельной отрасли права. В них отдельные ученые включают следующие виды документов:

1. Уставы международных уголовных судов и трибуналов и связанные с ними документы:

1.1. Уставы международных военных трибу-

налов и судов, созданных после Второй мировой войны, и связанные с ними документы;

1.2. Проекты Кодексов преступлений против мира и безопасности человечества;

1.3. Уставы Специальных трибуналов ООН по бывшей Югославии и Руанде;

1.4. Уставы гибридных (международно-национальных) судов;

1.5. Римский статут Международного уголовного суда.

2. Правила процедуры и доказывания международных уголовных судов и трибуналов.

3. Международные договоры:

3.1. Многосторонние международные договоры по вопросам борьбы с международными преступлениями (преступлениями против мира и безопасности человечества, военными преступлениями);

3.2. Международные двусторонние договоры, многосторонние договоры уни-версального и регионального характера по вопросам борьбы с отдельными видами преступлений международного характера;

3.3. Соглашения о сотрудничестве государств по уголовно-правовым вопросам, и, прежде всего, по вопросам оказания правовой помощи по уголовным делам;

3.4. Международные договоры, регламентирующие правовой статус, принципы и процедуру деятельности международных судебных органов и международных правоохранительных организаций, координирующих усилия государств в вопросах борьбы с преступностью.

4. Общие принципы права [2, с. 69–79].

Кроме предложенной выше классификации можно выделить и другие. Так, к примеру, международные договоры видится возможным разде-

Кузнецов Дмитрий Владимирович, адъюнкт Казанского юридического института МВД России

e-mail: iaogsu@mail.ru

© Кузнецов Д.В., 2016

Статья получена: 18.04.2016

лять по кругу участников, выделяя двусторонние и многосторонние, а также по времени их действия – срочные, краткосрочные и бессрочные. Ко многим международно-правовым актам, в том числе и в области уголовного права, считаем возможным применение классификации их по возможности присоединения к действующему акту других стран-участников – открытые и закрытые и др.

Кроме вышеобозначенных, классификаций стоит отметить достаточно специфический их вид, называемый статутом. Термин «статут» в правовых науках имеет несколько значений. Его происхождение следует от латинского слова *statuo*, что переводится как «выносить определение, формулировать, решать, определять» [3, с. 500]. В своем толковом словаре Крысин Л.П. определяет значение слова «статут» как устав, положение о правах и обязанностях лиц или органов либо как название закона в Великобритании и некоторых иных странах [4, с. 942]. В большом юридическом словаре, составленном Борисовым А.Б., термин статут определен не только как название ряда законодательных актов Британии, Конгресса США и стран англосаксонской правовой системы, но и как положение о деятельности международного органа в форме многостороннего международного соглашения [5, с. 711]. В самой Великобритании наиболее известен Вестминстерский статут 1931 года [6], который был вынесен парламентом Британии и определял соответствующее правовое положение государств в составе Британской империи и их взаимоотношения с самой Великобританией. Данным актом была фактически создана правовая база ныне существующего Содружества Наций (ранее до 1946 – Британское Содружество наций). Также известен Органический статут Царства Польского, изданный Николаем I в Санкт-Петербурге 14 февраля 1832 года. В соответствии с ним Царство Польское было объявлено частью российского государства [7, с. 181–185]. Стоит заметить, что в истории Польши и ранее существовали такого рода акты, а именно Нешавские статуты 1454 года, в соответствии с которыми Великий Князь Литовский, Король Польский Казимир IV представил польской шляхте определенные привилегии, ставшие в истории формирования в Польше шляхетской демократии одним из важнейших этапов развития [8, с. 217].

В современном международном уголовном праве наиболее известен Римский Статут Международного уголовного суда, принятый 17 июля 1998 года на дипломатической конференции в столице Италии – Риме и вступивший в силу с 1 июля 2002 года [9]. Создание данного акта фактически было инициировано Генеральной Ассамблеей ООН по результатам деятельности Международ-

ных трибуналов 1990-х годов (по бывшей Югославии и по Руанде). Рассматриваемым Статутом был создан Международный уголовный суд, который уполномочен осуществлять свою юрисдикцию в отношении лиц, ответственных за самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность международного сообщества, а именно – геноцид, преступления против человечества и военные преступления. Также в статуте закреплена юрисдикция суда в отношении преступлений агрессии, но было указано, что она начнет осуществляться, как только будет принято соответствующее статуту положение, определяющее это преступление и излагающее условия юрисдикции суда.

Таким образом, существование межгосударственных статутов в международном праве, как это видно из Органического статута Царства Польского 14 февраля 1832 года, Вестминстерского статута 1931 года и Римского Статута Международного уголовного суда, принятого 17 июля 1998 года, обусловлено необходимостью регуляции определенных сложных процессов многостороннего характера. При этом результатами данных регуляций практически всегда является принятие и представление отдельным структурам либо государствам согласованного перечня прав и обязанностей по обозначенным в статуте обстоятельствам.

Говоря о форме рассматриваемых нормативных актов, следует обратить внимание, что теоретически в международном праве существуют как письменная, так и устная форма заключения договоров, и практически всеми государствами признаются обе. Однако, в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 1 Венской Конвенции о праве международных договоров, под термином «договор» понимается именно письменное соглашение в одном либо нескольких документах, состав и объем которых зависит от конкретных обстоятельств заключаемого договора и согласуемых в нем вопросов [10, с. 221].

В отношении устных договоров на данный момент не существует какой-либо конкретной нормы международного права, которая бы регулировала способ и форму его заключения. Однако существует общепризнанный термин, введенный в оборот с 1878 года и обозначающий устную форму международных договоров – «джентльменское соглашение». Оно возникло из тайной договоренности между Россией и Великобританией, и впервые этот термин использовал руководитель ведомства иностранных дел Британии Роберт Артур Талбот Гаскойн Сесил (более известный как маркиз Солсбери). Именно он, когда английской общественности стали известны сведения об этом соглашении и начались определенные недовольства, заявил, что достигнутая договоренность – не

больше чем джентльменское соглашение, которое обязывает лично его к конкретным действиям, но никоим образом не должно обязывать к чему бы то ни было его правопреемников. Таким образом, данная форма договоренности лишь указывает на моральную обязанность конкретных представителей государств к определенным поступкам либо соблюдению определенных условий.

Одним из наиболее известных джентльменских соглашений можно считать достигнутую договоренность между министром иностранных дел Австро-Венгрии Аллоизом Леопольдом Джоханом Баптистом (более известен как граф Аллоиз фон Эренталь) и министром иностранных дел России А.П. Извольским о том, что последний указывает на признание Россией аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией с условием поддержать требование России открыть Черноморские проливы для прохода русских военных судов и предоставление территориальных компенсаций Сербии.

Несмотря на то, что указанные выше примеры договоренностей сейчас уже стали историей, не следует пренебрегать их существованием и в настоящее время. Так, к примеру, Ангела Меркель неоднократно настаивала на переводе из формата джентльменского соглашения в соответствующее документальное отображение июльской договоренности 2013 года между США и Германией о запрете слежки друг за другом. В то же время правоприменитель должен с предельной осторожностью относиться к такого рода соглашениям между странами, поскольку в судебных инстанциях России данная терминология не используется. На международной арене в вопросах уголовно-правового характера, возникающих с участием РФ, наша страна не признает такую форму договоренностей, кроме отдельных ситуаций, в большинстве своей связанных с экстрадицией преступников [11, с. 264–270]. В то же время такие договоренности в России не принято называть джентльменским соглашениям, и вытекают они в большинстве своем из общепринятых норм международного права.

Видится необходимым также обратить внимание на п. 32 Постановления Пленума ВС РФ от 14 июня 2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания». В нем указано на необходимость учитывать оставшийся к отбытию минимальный срок наказания в виде лишения свободы при передаче лица для его отбывания в другое государство. Это является одним из условий передачи осужденных в соответствии с международными договорами РФ

и соглашениями компетентных органов России и иностранных государств. То есть даже в ситуации наличия каких-либо договоренностей между странами по конкретному уголовному делу, определенные в самих договорах центральные органы государственной власти, занимающиеся регуляцией вопросов по оказанию взаимной правовой помощи по уголовным делам, в случае, если запрашиваемое для отбытия наказания лицо осуждено либо может быть осуждено на срок ниже указанного в международных договорах и рассмотренном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, передавать его в другое государство не должны.

Также указано, что передача осуществляется на основе принципа взаимности. Под принципом взаимности в международном праве понимают общепризнанный принцип межгосударственных отношений, в соответствии с которым государства должны строить отношения друг с другом на взаимовыгодной, равноправной основе, с учетом законных интересов другой стороны [12, с. 703]. Принципы международного уголовного права и джентльменское соглашение прямого отношения друг к другу не имеют. В указанном ранее Постановлении Пленума ВС РФ также указано не только на заключенные договоры между странами, но и на действующие соглашения между компетентными органами РФ и иностранных государств. Что именно подразумевается под термином «соглашение», не указано.

С учетом неконкретных формулировок в области определения соотношения терминологий «джентльменское соглашение» и «соглашение» следует в каждой отдельной ситуации, когда иностранный гражданин ссылается на наличие якобы действующего джентльменского соглашения между Россией и другими странами, которое определяет нестандартный порядок производства следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, обращаться за разъяснениями в соответствующее подразделение МИД РФ. Сотрудникам же органов внутренних дел следует обращаться за разъяснением в соответствующее региональное подразделение договорно-правового департамента МВД РФ, а именно: в отделы управления международного протокола либо к сотрудникам, на которых возложены обязанности осуществлять функцию по данному направлению деятельности.

Несмотря на такое достаточно сложное разделение международных правовых актов в области уголовного права, наибольшее значение при расследовании уголовных дел следственными подразделениями МВД России имеют международные договоры различного рода, непосредственно регламентирующие порядок взаимодействия госу-

дарств в области осуществления уголовного преследования и борьбы с преступностью в целом.

В соответствии с п. «а» ст. 2 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» от 16 июня 1995 года №101-ФЗ, международный договор – это международное соглашение, заключенное Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами), с международной организацией либо с иным образованием, обладающим правом заключать международные договоры, в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или в нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования. Понятие «международный договор» в России в соответствии с Федеральным законом № 101-ФЗ охватывает не только непосредственно сами международные договоры, но и международные соглашения, конвенции, пакты, протоколы, акты, трактаты, уставы, декларации, меморандумы, коммюнике, хартии, регламенты, обмен нотами, совместные заявления, а также всеми документами, являющимися дополнениями и приложениями к ним. Стоит отметить, что юридическая сила международных документов не зависит от их наименования.

Применение российскими правоохранителями международно-правовых актов при в уголовном делопроизводстве обусловлено не только существованием международной преступности в целом и наличием в уголовном законодательстве РФ преступлений против мира и безопасности человечества. Это связано и с фактом совершения преступлений на территории России иностранными гражданами. К примеру, по данным МВД РФ за 2015 год, иностранцами в нашей стране было совершено порядка 46,4 тысячи преступлений, что на 4,4% больше, чем за 2014 год [13, с. 405]. При этом в процессе осуществления уголовного преследования таких лиц возникает необходимость соблюдения их прав и свобод, в том числе представляемых и охраняемых другими государствами, поскольку они точно так же, как и Россия, представляют интересы своих граждан и за пределами собственной территории. Таким образом, если рассматривать взаимодействие России и различных стран при расследовании уголовных дел по противодействию преступности, стоит обратиться изначально к огромному спектру конвенций и протоколов к ним, а также различным многосторонним соглашениям в рассматриваемой области. Так, одним из первых таких документов, действующих по настоящее время, следует считать Международное соглашение

о принятии административных мер для пресечения торга женщинами от 18 мая 1904 года [14]. И, хотя в нем напрямую не ведется речь об уголовном преследовании конкретных лиц, само соглашение оговаривает не только борьбу с проституцией, поскольку основная речь в нем именно об этом, но, к примеру, в статье 2 указывается на необходимость противодействия лицам, организующим торговлю и транзит женщин. После принятия указанного соглашения появилось и большое количество других, непосредственно связанных с противодействием преступности. Условно их можно разделить следующим образом:

1. Международные конвенции, конвенции, дополнительные конвенции и протоколы к ним, связанные с противодействием разному роду преступлений, а также экстрадиции лиц, их совершивших.

2. Конвенции, соглашения и протоколы к ним различных международных организаций (ООН, Совет Европы, СНГ, Шанхайская организация сотрудничества и др.), связанные с противодействием различным преступлениям и выдачей преступников.

3. Многосторонние договоры и соглашения между различными странами с участием Российской Федерации по противодействию и борьбе с преступностью, а также оказанию правовой помощи по уголовным делам.

4. Двусторонние международные договоры и соглашения о сотрудничестве в борьбе с преступностью и оказании правовой помощи по уголовным (гражданским, семейным) делам.

Указанные документы следует рассматривать при расследовании уголовных дел с участием иностранных граждан начиная с первого их вида, в котором в большинстве случаев описывается общий порядок противодействия преступности, заканчивая последними двумя, где непосредственно представлены механизмы борьбы с ней и оказания взаимной правовой помощи. Практически все договоры и конвенции в настоящее время представлены на официальном интернет ресурсе Министерства иностранных дел РФ по адресу <http://www.mid.ru>. Механизмы применения международных правовых актов всегда контролируются центральными органами власти, уполномоченными на осуществление этого самими международными договорами. В большинстве случаев в России это Генеральная прокуратура Российской Федерации, которая контролирует ведение дел в области оказания правовой помощи, и Министерство юстиции Российской Федерации, за которым закреплено разрешение вопросов, связанных с деятельностью судов РФ в рамках международных соглашений. Указанное следует из большинства двусторонних договоров об ока-

зании правовой помощи по уголовным делам.

Подводя итог всему сказанному, видится также необходимым отметить, что разнообразие существующих в настоящее время международных правовых актов, регулирующих отношения в области борьбы с преступностью, создает большое количество сложностей не только в их применении, но и в определении самого спектра документов, которые оговаривают конкретную сложившуюся ситуацию в области уголовного права, осложненную иностранным элементом. В связи с указанным видится верным законодательное разграничение всех правовых актов международного характера по их силе действия, в том числе исходя из их названия. Также полагаем, что для удобства применения в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. № 11 «О практике рассмотрения суда-

ми вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» необходимо конкретизировать представленный в приложении перечень официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, предусматривающих возможность выдачи лица для уголовного преследования, исполнения приговора, а также передачи лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого такое лицо является. Это видится возможным путем добавления в него краткого содержания каждого документа, что даст возможность правоприменителю определять необходимый для использования перечень международных актов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Cassese A. *International Criminal Law*. 2nd edn. Oxford, Oxford University Press. 2008.
2. Степенко В.Е., Чернова О.А., Источники международного уголовного права / Современные проблемы и пути их решения в науке, транспорте, производстве и образовании: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. Одесса: Черноморье, 2011.
3. Латинско-русский словообразовательный словарь / авт.-сост. **Г.Вс.** Петрова. М.: Издательство Оникс, 2008.
4. **Толковый** словарь иноязычных слов: свыше 25000 слов и словосочетаний / сост. Л.П. Крысин. М.: Эксмо, 2005.
5. Большой юридический словарь / авт.-сост. А.Б. Борисов. М.: Книжный мир, 2010.
6. Statute of Westminster 1931. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/22-23/4/contents> (access date: 02.02.2016).
7. Луферчик Е.Г. Органический статут Царства Польского 1832 г.: сб. работ 69-й науч. конф. студентов и аспирантов БГУ. Минск: Изд. центр БГУ, 2013. Ч.2.
8. Henryk Samsonowicz *Historia Polski i Świata / Historia Polski - Polska do 1586*. Mediasat Group.: 2007. Т. 1.
9. Римский статут Международного уголовного суда. URL: [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 03.02.2016).
10. Венская конвенция от 18 апреля 1961 года о дипломатических сношениях // Ведомости ВС СССР. 1964. № 18.
11. Бойцов А.И. Выдача преступников. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
12. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. 5-е изд., доп. и перераб. М., 2006.
13. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2015 года. URL: https://mvd.ru/upload/site1/document_file/sb_1512.pdf (дата обращения: 01.02.2016).
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. С 1 марта 1881 г. по 31 декабря 1913 г. СПб.: Государственная типография, 1907. **T.XXVIV** 1271с.

УДК 37.043

С.А. Нефедов.**ФОРМЫ И МЕТОДЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРАВОВОГО И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ НА ПРИМЕРЕ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ**

В данной статье рассмотрены цели правового и духовно-нравственного воспитания курсантов и слушателей в системе силовых структур. Разработаны этапы учебно-воспитательного процесса в системе профессиональной подготовки, направленного на правовое и духовно-нравственное воспитание курсантов и слушателей.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, правовое воспитание, курсант, слушатель, сотрудник полиции, система воспитания.

Для современного российского государства и общества характерно возрастающее значение всестороннего воспитания сотрудника полиции в системе профессиональной подготовки. Особого внимания требует правовое и духовно-нравственное воспитание.

Система воспитания в системе силовых структур основывается на:

- Программе перехода Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов к единой системе воинского воспитания, утвержденной Президентом Российской Федерации 22.08.2002 № Пр-1462;

- Государственной программе патриотического воспитания граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы (постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1493).

Также воспитание в системе силовых структур осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и иными нормативными актами Российской Федерации, общевоинскими уставами Вооруженных сил Российской Федерации, Положением о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и Присяге сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, другими приказами и распоряжениями силовых ведомств России.

Важное значение духовно-нравственное и правовое воспитание имеет в структуре профессиональной подготовки курсантов и слушателей, которое находит свое отражение в нормативно-правовых документах и учебных программах.

Современное законодательство, регламентирующее служебную деятельность сотрудников полиции, в том числе Федеральный закон «О по-

лиции» от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ, предъявляет высокие требования к профессиональной подготовке полицейских. При этом особая роль в подготовке сотрудников органов внутренних дел отводится учебным заведениям МВД России.

Формирование духовно-нравственной и совершенной правовой личности является одним из центральных направлений воспитания будущих сотрудников МВД.

Необходимо выделить основные цели духовно-нравственного воспитания офицеров в системе силовых структур. К ним относится необходимость [1, с. 15]:

- воспитания профессионального и духовно-нравственного облика личности с учетом требований, предъявляемых государством;
- объяснения социальной значимости службы в рядах силовых структур,
- стимулирования потребности личности к совершенствованию морального облика,
- формирования положительного нравственно-го идеала,
- организации нравственно-значимой деятельности, которая поможет предотвращать негативные поступки и действия, формируя нравственные качества личности (патриотизм, доблесть, честь).

Формы и методы нравственного воспитания многочисленны: занесение на Доску почета, пропаганда достижений и опыта лучших сотрудников и коллективов, индивидуальные беседы, обсуждение отчетов о службе и поступках отдельных сотрудников на общих собраниях коллективов, товарищеские и офицерские суды чести, создание общественного совета при МВД, творческие встречи с деятелями культуры, спорта

Нефедов Сергей Александрович, заместитель начальника кафедры тактико-специальной и огневой подготовки Казанского юридического института МВД России

тел.: 8 903 307 81 91

© Нефёдов С.А., 2016

Статья получена: 19.04.2016

и искусства, развитие самостоятельности, организация концертов и посещение театральных постановок, вовлечение в регулярные занятия спортом, организация профессиональных соревнований, работа с семьями сотрудников и организация коллективных мероприятий с ними (посещение концертов, исторических и памятных мест).

Не менее важное место в воспитании будущих офицеров силовых структур отводится правовому воспитанию. Под правовым воспитанием мы понимаем деятельность, направленную на формирование и укрепление знаний и умений офицеров в области законности и правопорядка, тесно связанную с созданием нравственно-правового климата в коллективе и обществе в целом [2, с. 23].

Правовое воспитание курсантов и слушателей рассматривается в широком и узком смыслах. В широком смысле правовое воспитание направлено на правовое формирование личности и является многогранным процессом формирования правовой культуры и сознания. В узком смысле правовое воспитание – это целенаправленный процесс, который направлен на формирование высокой правовой культуры и правового сознания.

Необходимо выделить цели правового воспитания [2, с. 30]:

- сформировать систему знаний на основе действующего законодательства,
- научить строгому соблюдению законов,
- научить правильно понимать и уяснять смысл правовых норм и предписаний,
- формировать практические умения в области применения правовых знаний,
- формировать привычку правильного правового поведения в точном соответствии с действующим законодательством России,
- закрепить прочные личностные установки на правомерное поведение в обществе,
- воспитывать отрицательное отношение к любым нарушениям правовых норм.

В качестве примера можно привести опыт воспитательной работы Казанского юридического института МВД России (КЮИ).

В институте разработана и действует целевая программа по повышению культурного и интеллектуального уровня курсантов, слушателей и студентов, предусматривающая создание у обучающихся социально-психологических установок на добросовестное отношение к учебе и службе, всестороннее развитие, творческое использование нравственно-духовных ценностей. На ее реализацию ориентированы учебные и внеучебные формы и методы воспитательной работы: лекции, беседы, семинары, конференции, деловые игры, встречи с представителями органов власти, руководителя-

ми служб МВД по РТ, общественных организаций, творческой интеллигенции и выдающимися личностями. В коллективах подразделений служебно-боевой подготовки регулярно проводятся общие собрания, организационно оформлены и работают советы собраний курсов, строящие свою деятельность на основе самоуправления с рекомендательными полномочиями, пропагандисты-информаторы, культорги и спорторги. Для переменного состава регулярно организуются посещения культурных и спортивных учреждений города.

Проводятся торжественные мероприятия и праздничные концерты, посвященные дню защитника Отечества, Международному женскому дню, дню Победы, дню сотрудника ОВД, дню Республики Татарстан, дню института, дню открытых дверей, выпуску специалистов для ОВД, принятию Присяги, вручению погон, дню посвящения в первокурсники. При организации этих мероприятий активно используются материалы экспозиции музея института. Ежегодно личный состав института принимает участие в торжественных парадах войск Казанского гарнизона, посвященных дню Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., возложении венков к могилам павших в боях военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел.

Большое внимание в институте уделяется работе по нравственно-этическому воспитанию, разностороннему развитию личности, организации досуга и отдыха сотрудников, курсантов и студентов института. С этой целью установлены тесные контакты с творческими союзами и организациями г. Казани, Республики Татарстан, Министерством по делам молодежи, спорту и туризму РТ, комитетом по делам молодежи администрации г. Казани. Проводятся совместные мероприятия с художественными коллективами Культурного центра МВД по РТ. Курсанты принимают участие в смотре-конкурсе художественного творчества Казанского военного гарнизона.

Учебный процесс в вузе, который направлен на правовое и духовно-нравственное воспитание, должен содержать не только сухие книжные факты, но и содержать в себе большое количество различных педагогических ситуаций, в процессе которого офицеры должны самостоятельно делать выводы и умозаключения. Воспитание сотрудников органов внутренних дел предусматривает обязательное использование примеров из прошлого, боевых и служебных традиций полиции, современных героических будней. Этот процесс невозможен без целенаправленного воздействия на мысли и чувства сотрудников. Особую роль в повышении

эффективности такого воздействия играют традиционные служебные (офицерские) ритуалы.

Для достижения эффективного воспитательного процесса необходимо взаимодействие всех звеньев учебно-воспитательного процесса: начальников, командиров, педагогов, воспитателей и других должностных лиц учебного заведения. И тогда воспитательный процесс будет осуществляться не только через воздействие, но и взаимодействие. Все участники воспитательного процесса должны служить примером для формирования правовой и духовно-нравственной культуры офицеров [3, с. 17].

Таким образом, в КЮИ очень тщательно и требовательно подходят к подбору кадров на командные должности и должности преподавательно-профессорского состава, а также к качеству воспитательного процесса обучаемых. Так, например, на факультете профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации КЮИ на начальном этапе обучения проводится диагностика каждого слушателя на основе подборки определенных методик (анкетирование, определение уровня самооценки, определение характерологических особенностей, определение уровня риска, интеллектуального

развития). По истечении определенного срока обучения в учебных группах проводится определение социально-психологического климата в коллективе. На протяжении всего срока обучения на факультете организуются посещения культурных центров РТ, проведение тренингов командообразования. В целях обеспечения единства обучения и воспитания, сочетающего в себе выполнение общественных поручений и служебных обязанностей педагога, улучшения качества подготовки специалистов для органов внутренних дел, укрепления служебной дисциплины и законности среди слушателей факультета профессионального обучения и дополнительного профессионального образования на период обучения назначаются преподаватели-кураторы учебных групп. В процессе обучения со слушателями периодически проводятся индивидуальные беседы.

Таким образом, правовое и духовно-нравственное воспитание мы рассматриваем как процесс, который происходит сознательно, целенаправленно и систематически. Он воздействует на личность, чувства, убеждения и вырабатывает устойчивые механизмы правового сознания, духовно-нравственного поведения и культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Военная педагогика: учебное пособие / под ред. О.Ю. Ефремова. СПб.: Питер, 2012. 640 с.
2. Военное право: учебник для военно-учебных заведений Вооруженных Сил Российской Федерации / под ред. Н.И. Кузнецова. М.: Военный университет, 2011. 490 с.
3. Полторац С.Н., Смирнов А.Ю. Основы военно-гуманитарных знаний: авторский курс лекций. СПб.: Питер, 2012. 230 с.

ABSTRACTS AND KEY WORDS

Komlev Yu.Yu. Theory of stigmatization: genesis, explanatory potential, value

The article on the basis of retrospective analysis shows the history of creation and development of the theory of stigma in the works of foreign sociologists and criminologists. The article is devoted to explanatory potential of the theory of stigma, the possibility of its application in Russian conditions, for the purpose of prevention of youth deviance, as well as the meaning in deviantological discourse.

Key words: symbolic interactionism, stigma, stigmatization, deviance, deviant identity, deviant careers, “dramatization of evil”, primary and secondary deviation, selective law enforcement, reintegrative shame, restorative justice.

Shipunova T.V., Fomina D.V. Gender-specific of deviant behavior and constructing risks in the student discourse

The author considers the specifics of deviant behavior through the lens of gender-specific entities. The theoretical basis for discussion is the understanding of gender as a construct, provided by social and cultural factors. The article presents the results of the study, the purpose of which was to identify the perceptions of students about deviant behavior, assessments of various kinds and risks, depending on gender. The study showed that when choosing a model of deviant behavior the young men come from the desire to meet their needs, and the girls are focused on the opinions and behavior patterns of other people in their environment.

Keywords: gender, deviant behavior, risk, gadget addiction, drug addiction, glamorization.

Belousov K.Y., Kudryakov I.O. Alcohol consumption by St.Petersburg minors at social risk

To characterize psychoactive substance abuse (especially alcohol) among minors at social risk category, researchers of the Contact City Center of Social Programs and Delinquency Prevention (further referred as the State Budgetary Institution GBU GCSP Contact) conducted a poll among teenagers having selected representative samples. The obtained data allow to characterize the age first alcohol use, the consumption structure and factors providing it. The article also shows the negative influences of family on alcohol use and parents' inability to prevent teenage alcoholization.

Key words: teenagers, alcohol consumption, alcohol consumption structure, factors for alcohol consumption.

Turovskaya V.A., Korchagin K.A. Effective public provision of consumer rights for proper advertisement of products as a way of preventing harm to population health (for example dietary supplements)

The article considers some violations of Russian legislation about advertising, which can affect the health of the population as well as the activities of the Federal Antimonopoly service to prevent it. The authors formulate proposals on amendments and additions to the legislation of the Russian Federation on advertising and consumer protection aimed at more effective provision of consumer rights for proper advertising of goods and protection of health of the population.

Keywords: adequate advertising, fair and accurate advertising, law on advertising, the Antimonopoly authority, state control and supervision.

Grachev S.I., Molkov S.N. Modern international terrorism: the reality and the problems of counteraction to it

In the article the analysis of the monitoring of terrorist acts at the end of 2015 are presented. The criminal activities of the international terrorist organization «Islamic state» (IS) are considered. Trends of possible criminal acts of IS adherents in Russia are indicated. The importance of constant monitoring and analysis of information about of the modern terrorist practices by law enforcement officials is shown.

Keywords: terrorism, extremism and terrorist activities, terrorist acts, information, monitoring, «Islamic State» crime.

Samolysov P.V., Shcherba T.E. Evolution of antitrust laws: 2006 – 2016

The present article aims to review the evolution of antitrust laws in the decade since the Federal Law of July 26, 2006 № 135-FZ «On Protection of Competition». For the first time the analysis include both quantitative and substantive parameters of the changes.

Key words: competition, antimonopoly law, antimonopoly authorities, FAS Russia.

Bytko S.Y. Unemployment is a locomotive of crime in Russia

This article provides an explanation of the fluctuations of crime, the role of criminal punishment in the impacts and limits of such impacts, and proposes measures for improving the effectiveness of criminal punishment.

Keywords: unemployed crime, criminal punishment, the effectiveness of criminal punishment, rhythms of crime, recidivism.

Gusarova M.V. Illicit manufacturing and trafficking of pornographic materials or objects: legal regulation

In the text of the article the necessity of adoption of the federal law «About countermeasures to propagation of pornographic materials or things» which contains the official definition of pornography and discloses the contents of a «legal» effects against pornographic materials or things is determined. The law must specify a list of specific effects with pornography permitted on the territory of the Russian Federation.

Keywords: illicit trafficking of pornography, pornographic materials or things, moral ethic.

Ivanov P.I., Kuznetsov P.G. Some problems of struggle against crimes in sphere of illegal circulation of forest and timber

In this article the authors examine selected issues related to the prevention and disclosure of crimes in sphere of illegal turnover of timber and timber products. In the work the authors put forward and ways of their solution.

Keywords: timber processing complex, crime of illegal turnover of timber and timber products, the fight against crime, interaction with customs.

Rublev A.G. A Careless form of guilt and its alternative in violation of traffic rules

The article deals with issues of road safety. The existing legislation, the subjective side of the criminal traffic violations are analysed.

Keywords: forms of fault, negligence, driver's fault state of intoxication.

Evdokimov K.N. Actual issues of improving criminal legal means of combating cybercrimes

The article is devoted to criminal-legal counteraction to computer crimes in the Russian Federation. The author analyzes the most pressing problems faced by law enforcers when qualifying criminal acts of this kind and make proposals to improve the existing criminal law.

Keywords: computer crime, crime in the sphere of computer information, illegal access to computer information, computer programs, malicious computer programs.

Shaykhutdinova T.F., Malakhova N.V. Legal aspects of administrative arrest sentencing by the judge and its execution by the agencies of internal affairs

Some legal aspects of administrative arrest sentencing by the judge and its execution by the agencies of internal affairs in the light of the new legislation, which regulates administrative arrest execution, are considered in this article. A certain attention is paid to the problems of administrative arrest execution by the agencies of internal affairs.

Key words: administrative arrest sentencing, judges, administrative arrest execution, the agencies of internal affairs, authorities of the agencies of internal affairs in the sphere of administrative arrest execution, problems of administrative arrest execution.

Dubrovin S.V. System of methods developed and used in criminalistics

In the framework of basis and practice for criminalistics knowledge implementation a classification approach to distribution and ordering of methods used and developed in criminalistics is observed in this article.

Key words: "general" and "particular" special forensic learning methods, forensic identifying, forensic diagnosis, forensic classification, "adopted" methods, general dialectical learning methods, scientific methods.

Zhukovskaya I.V., Baleev S.A. Criminal-legal regulation of responsibility for organized forms of crimes in the sphere of economic activity

The article is devoted to questions of regulation of responsibility for crimes in sphere of economic activities performed in group forms of participation. The authors paid special attention to the use of qualifying a legislator (especially qualifying) indication «of a crime committed by an organized group» in the design of structures of the crimes provided by Chapter 22 of the Criminal code.

Keywords: economic crime, organized group, forms of participation, qualifying attributes.

Bogatkina R.Sh. Criminal procedure features the production of certain investigative actions with the participation of foreign nationals and stateless people

The article designates and analyzes some difficulties in production of investigative actions with participation of foreign citizens possibilities of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Conclusions and offers on modification of criminal procedure norms are presented.

Keywords: foreign citizens, investigations, language of criminal legal proceedings, initiation of legal proceeding, institution of criminal proceeding, detection on the message on a crime (verification).

Butkevich S.A. Legal Regime of State of Emergency (Comparative Analysis of Legislation of Russia and Ukraine)

It's investigated the comparative legal analysis of the legislation of Russia and Ukraine regulating social relations associated with introduction of state of emergency. Emphasis is placed on terminology in this area, legal framework of state of emergency, structure of presidential decree on its introduction, for mechanism of compliance of rights and freedoms of citizens, legitimate interests of society in such conditions.

Keywords: guarantees, legitimate interests, legislation, restrictions, rights and freedoms, legal regime, state of emergency.

Kuleshov R.V. Forensically significant features of subjects of crimes of extremist and terrorist activities: a gender perspective

The context analyzed the gender dimension of the development of psychological and criminalistic portrait of the subjects of extremist and terrorist activity. It's refers to the specificity of women's offending in this area, revealed a set of forensically significant psychological and social qualities of suspects and accused persons, essential for the formation and maintenance of psychological contact with the interrogated, and the performance of investigative actions conducted with their participation.

Key words: extremism, terrorism, crimes, crime, extremist activity, terrorist activity, criminalistics, the criminalistic characteristic of the crime, subject of crime, aggression.

Fazlieva L.K. Using the results of forensic substances, materials and products (KEVMI) in crime investigation

The active implantation of modern natural science and developing highly sensitive analyzing methods into practice fighting against crime opened wide distance for comprehensive research of the smallest number of things and material, microfragment of articles, that made receiving sufficient investigative and proving information possible. That gives corrections into the process of crime investigation and improves using the results of forensic examination of things, articles and materials.

Key words: criminalistics examination of things, articles and materials; microobject, microprint, microfragment, micronumber; finding, identification, reproducing, defendend objects from forgery, forensic examination.

Nabiev R.F. Features suppression of groups armed extremists in urban settings

Frequent cases of open combating law enforcement agencies against organized criminal groups, have become one of the features of terrorism. There is no country in the world able to fight effectively with this extremist **factic.Methodical** books and statutes do not fit modern requirements. It is necessary to develop the tactics of urban warfare considering new technologies.

Keywords: terrorism, urban combat and armed militant groups, landscape, residential area, the fortified area, efficiency, heavy weapons, assault group, non-lethal weapons.

Hisamutdinov F.R., Mardanov D.R. Theoretical and applied aspects of the formation specialized professional competence of university students of legal MIA Russia

The article analyzes the main demanding requirements to the police officer and designing educational technology to provide optimum combination of theory and practice in educational activity, the intensification of practical course in educational process providing a possibility to carry out additional cadets off hour practice.

Keywords: pedagogical technologies, technology of training, technological process, professionalism of the police officer, professional competence, professional activity, an optimum combination of the theory and practice in educationak activity, the principles of design of educational technologies, additional practice of cadets of legal higher educational technologies, additional practice of cadets of legal higher educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Byhtina N.V. The urgency of the problem of intercultural communicative competence in modern pedagogy of higher school and in the methods of foreign language teaching

The article analyses the pedagogical and methodical sources which define the investigation degree of concepts "intercultural communication" and "intercultural communicative competence" and choose the directions that are of the greatest interest for further research of a problem of intercultural communicative competence. The article presents the works devoted to formation of linguistic personality, secondary linguistic personality in the course of foreign language studying.

Key words: intercultural communication; intercultural communicative competence; foreign language; linguistic personality; student.

Husnetdinov G.R., Karpov E.N. Problem analysis of current practices of the use of firearms by police officers and some topical issues of improving the firearms training

The article reveals the legal and pedagogical problems of improving professional fire service training for police officers on the basis of empirical data using such legal coercion in the Republic of Tatarstan in 2011-2013, formed the necessary follow-up research the problem at the federal level.

Keywords: legal coercion, the use of firearms by police, firearm preparations, index applicability of firearms, firearm problems, improvement of professional service firearm training police officers.

Ildiza A.A. Conceptual and terminological analysis of common cultural competence in the federal state educational standart of higher education in the direction of «jurisprudence»

There results of the analysis of the federal state educational standards towards bachelor «Law» for the formulation of general cultural competence are presented. A reasonable typology of general cultural competence (by the dominant orientation) divided into three groups: general cultural competence-oriented implementation of an activity (activity); general cultural competence-oriented knowledge (awareness) (cognitive); general cultural competence, focused on socially significant values (values) are suggested.

Keywords: federal state educational standard, general cultural competence, Bachelor of Law, conceptual and terminological analysis.

Sidorenko O.V. The assignment and production of the forensic examination at the stage of criminal proceeding initiation

The article deals with the problematic issues related to the assignment and production of the forensic examination at the stage of criminal proceeding initiation due to the changes brought by the federal law from 04.03.2013, № 23-FL.

The author suggests that the available rules of the criminal procedure which are not providing the proper regulation of legal expertise production procedure in the implementation of verification activities according to the crimes reported data.

The author offers her own ideas to do rules system governing the relations of proof at the criminal proceeding stage, to ensure the rights of the individuals of the verification activities at the assignment and production of the forensic examination.

Keywords: criminal proceeding stage, forensic examination, research production, criminal procedure law, evidence items, ensuring the rights of the individual.

Stadnik M.A. Norms on active repentance in the history of the Russian criminal legislation and the legislation of foreign countries

In this article the author defines the moment of origin of the first norms on active repentance, and also features of their further formation and a tendency of development. According to temporary chronology the historical periods and subperiods reflecting evolution of institute of active repentance are allocated, the characteristic fetures of each of them is provided. The comparative and legal analysis of norms on active repentance of criminal codes of foreign countries and the Criminal code of the Russian Federation is carried out.

Key words: the active repentance, relief from (of) criminal liability (responsibility), extenuating circumstances, elements of active repentance.

Kuznetsov D.V. Types of international instruments used in criminal investigations

The article discusses the various types of international agreements, applied by the pre-trial investigation authorities, Prosecutor's office and the courts in Russia while criminal proceedings. Also presents the history of certain types of agreements and their examples.

Key words: international criminal law, international treaty, statute, gentlemen's agreement, convention, extradition of persons for criminal prosecution.

Nefedov S.A. The forms and methods of legal and moral education of students and trainees in the vocational training system as an example of the Kazan Law Institute of the Russian Interior Ministry

This article describes the purpose of the legal and moral education of students and trainees in the system of law enforcement agencies. Developed stages of the educational process in the vocational training system aimed at legal and spiritual and moral education of students and trainees.

Keywords: spiritual andmoral education, legal education, student, student, police officer, parenting system.

Уважаемые коллеги!

Приглашаем ученых, адъюнктов, аспирантов и соискателей, а также сотрудников органов внутренних дел принять участие в опубликовании научных трудов в журнале «Вестник Казанского юридического института МВД России».

Предоставляемые материалы должны быть актуальными, новыми, иметь научную или практическую значимость.

Журнал издается раз в квартал.

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал «Вестник Казанского юридического института МВД России»

1. Статья представляется в редакцию журнала в электронном виде.

2. К статье прилагается цветная фотография автора в цифровом формате (JPEG) с разрешением не менее 1024x768 пикселей (в повседневной форме, без головного убора, на нейтральном фоне).

3. К статье соискателя, адъюнкта, аспиранта должна быть приложена рецензия научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию, подпись рецензента должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.

4. Элементы издательского оформления включают:

- сведения об авторе (ах) (не более двух соавторов): фамилия, имя, отчество (полностью), ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта), контактная информация (e-mail, телефон);

- заглавие публикуемого материала; индекс УДК;

- аннотацию текста публикуемого материала (не более четырех предложений) и ключевые слова (на русском и английском языке). Аннотация в целом и любая ее часть не должны быть перифразом заглавия статьи. Ключевые слова (не более семи речевых единиц) (на русском и английском языке) должны отражать суть работы, научную новизну.

5. Объем статьи – от 5 до 10 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.

6. Технические требования:

- текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пунктов, междустрочный интервал 1,5;

- параметры страницы: поля верхнее, нижнее – 2 см, правое – 2,5 см, левое – 1,5 см;

- абзацный отступ 1,25 см, выравнивание по ширине;

- ссылки на источник даются по тексту – в скобках, в виде списка литературы в конце рукописи, оформленные по ГОСТ 7.0.5-2008.

7. Статья должна быть подписана автором, а также в свободной форме дается разрешение на публикацию в Интернете, например: «Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю»

Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, соответствующие данным требованиям, проверяются программой «Антиплагиат». Не принимаются статьи, имеющие менее 70% оригинального текста.

С каждым автором заключается лицензионный договор о передаче Институту прав на использование представленных им материалов.

Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы.

Авторы полностью несут ответственность за подбор и достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

Экземпляры журнала с опубликованными статьями можно получить путем подписки.

Опубликованные в журнале статьи, согласно требованиям ВАК РФ, размещаются в полнотекстовом виде в электронной библиотеке Российского индекса научного цитирования, а также на сайте Казанского юридического института МВД России.

Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Хрусталева Ольгой Николаевной (тел. (843) 537-62-13, электронный адрес vestnikkui@mail.ru).